

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
В КОНТЕКСТЕ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ**

Под редакцией
С. Н. Ходина, Т. Д. Гернович,
М. Ф. Шумейко

МИНСК
БГУ
2025

УДК 930.2+930
ББК 63.211+63.2
И90

Авторы:

С. Н. Ходин (1.1), М. Ф. Шумейко (1.2),
Ю. Ю. Юмашева (1.3), А. М. Белявский (1.4),
Л. В. Николаева (2.1), А. А. Гужаловский (2.2),
Н. Н. Мезга (2.3), Л. Ч. Дрожжа (2.4), А. В. Любый (2.5),
А. Б. Довнар (3.1), А. В. Ерошевич (3.2), В. М. Острога (3.3),
Н. Н. Полторжицкая (3.4), С. Н. Темушев (3.5),
А. Г. Чернявский (3.6), А. Н. Латушкин (4.1),
А. В. Вайтович (4.2), Т. Н. Агеенко (4.3),
Н. С. Соломкина (4.4), Т. Д. Гернович (4.5),
Е. И. Третьяк (4.6), А. А. Приборович (4.7),
Е. Н. Дубровко (4.8)

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент А. И. Маскевич;
кандидат исторических наук, доцент А. Н. Дулов

Исторический источник в контексте информационной эпохи /
И90 С. Н. Ходин, М. Ф. Шумейко, Ю. Ю. Юмашева [и др.] ; под ред.
С. Н. Ходина, Т. Д. Гернович, М. Ф. Шумейко. – Минск : БГУ, 2025. –
199 с.

ISBN 978-985-881-825-8.

В коллективной монографии представлен опыт переосмысления роли исторического источника в условиях меняющегося информационного пространства. Проанализированы классические и современные подходы к источниковедению и историографии, продемонстрированы расширение границы поиска, хранения и интерпретации исторических данных. Благодаря многогранности научных позиций, идей и методологических подходов создана основа для последующего научного междисциплинарного диалога.

УДК 930.2+930
ББК 63.211+63.2

ISBN 978-985-881-825-8

© БГУ, 2025

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию коллективную монографию «Исторический источник в контексте информационной эпохи». Ее содержание – это результат дискуссий, состоявшихся 29 июня 2023 г. в рамках международного круглого стола «Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины» на историческом факультете Белорусского государственного университета.

В книгу вошли работы исследователей, представляющих широкий круг отечественных и зарубежных исторических школ и направлений. Многогранность их научных позиций, идей и методологических подходов придает предлагаемому научному труду междисциплинарный характер. Искренне надеемся, что представленные интерпретации и методики работы с историческими источниками станут значимым вкладом в развитие исторической науки, а также найдут широкое применение в образовательном процессе, в частности при подготовке магистрантов по специальности «документоведение и архивоведение».

Особое место в становлении и популяризации данной проблематики занимает кафедра источниковедения, которая с 1992 г. способствует углубленному пониманию исторического источника и воспитывает новое поколение архивистов и документоведов. Под руководством доктора исторических наук, профессора С. Н. Ходина кафедра не только бережно сохраняет традиции советской научной школы, но и органично дополняет их современными методами и подходами.

Желаем вам увлекательного чтения и плодотворных размышлений! Пусть это издание станет источником новых научных идей, помогающих глубже осознать актуальные проблемы источниковедения, историографии и специальных исторических дисциплин.

*Декан исторического факультета
Белорусского государственного университета
доктор исторических наук, профессор
Александр Геннадьевич Кохановский*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исторический источник – это ключ к пониманию не только прошлого, но и настоящего, важнейший посредник, соединяющий нас с ушедшими эпохами, с жизненной мудростью и знаниями, накопленными людьми разных времен и культур. Он выполняет роль моста, который связывает поколения, позволяя современному обществу извлекать уроки из опыта предшественников и корректировать свой курс с учетом пройденного пути.

В условиях стремительного развития технологий роль исторического источника трансформируется. Комплекс исторических наук, таких как источниковедение и историография, и ряд специальных исторических дисциплин: палеография, сфрагистика, геральдика и т. д., встречаясь с современными вызовами, обретают новые парадигмы. Источниковедение, историография и специальные исторические дисциплины в настоящее время активно взаимодействуют с другими гуманитарными науками, что способствует появлению новых подходов к интерпретации исторических событий и более глубокому осмыслинию контекстов, в которых они происходили. Таким образом, исторический источник становится не только объектом изучения, но и активным элементом культурной и социальной жизни общества.

В представленной коллективной монографии основные направления источниковедения и историографии раскрываются в рамках четырех глав, в каждой из которых представлены современные теоретические подходы и обозначены их актуальные аспекты.

В книге нашли отражение идеи, которые касаются как традиционных, так и электронных исторических источников, их критики и интерпретации. Исследователи не только рассматривают общие теоретические подходы, но и на примере исторических источников, таких как материалы губернаторской отчетности, записи городских магистратов и судов, переписи населения, берестяные грамоты, периодическая печать и др., предлагают современные методы их изучения. Предложенные методы и приемы работы с указанными видами исторических источников расширяют и обогащают инструментарий для интерпретации исторических данных и реконструкции исторических событий и процессов.

Кроме того, в исследовании особое внимание направлено на особенности формирования исторических взглядов, теорий и концепций, на значение историографического исследования, которое позволяет критически оценивать и понимать процессы интерпретации прошлого, способствует сохранению преемственности в исторической науке и формированию новых научных традиций. Отдельно рассмотрены вопросы выявления и введения в научный оборот архивных документов: представлены наблюдения исследователей, касающиеся методов создания традиционных и электронных изданий, баз данных и работы с кинодокументами. Отмечается, что при работе с историческим наследием в условиях использования современных технологий необходимо опираться на традиционные научные подходы, обогащая их современными приемами и методами.

Представленные исследования подчеркивают значимость изучения источниковедения и историографии, демонстрируют новые методологические подходы и поднимают важные вопросы, связанные с интерпретацией и использованием исторических источников.

Программный комитет международного круглого стола «Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины», по результатам проведения которого подготовлена данная коллективная монография, благодарит участников за вклад в научный диалог и надеется, что представленная работа будет полезна для исследователей, преподавателей и студентов, увлеченных изучением исторических источников и их роли в науке и обществе.

Глава 1

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Актуальные проблемы источниковедения как науки и учебной дисциплины

В современную информационную эпоху все чаще говорят о формировании нового исторического мышления и новой исторической культуры, восстановлении синтезирующего потенциала исторического знания. В свою очередь, все перечисленное невозможно без внимания к развитию источниковедения, перед которым стоят задачи, сравнимые, по сути, с проблемами, возникшими на этапе его зарождения. Изначальная полидисциплинарность источниковедения, направленность на понимание человека другой культуры дополняются новыми задачами, которые сложно решить с помощью классического источниковедения, например процессы цифровизации, в том числе тысячекратное увеличение объемов цифровой и оцифрованной информации, возможность изменения электронных объектов без наличия механизмов контроля за ними и верификации содержания, создание сложных по составу компонентов и применяемых технологий информационных ресурсов (мультимедиа, интернет- или интранет-продуктов), появление новых типов и видов информации [1]. Все это актуализирует следующее утверждение: «...сегодня, пожалуй, еще более остро, чем на рубеже веков, стоят вопросы развития научной и учебной составляющей в сфере источниковедения как основы междисциплинарного гуманитарного синтеза» [2, с. 241].

Стремление к расширению исследовательского поля истории, глобальные информационные сдвиги и поиск новых методов научной критики затронули ряд вопросов в сфере терминологии источниковедения, в том числе определения понятия исторического источника. Понимание его как любого события или явления прошлого охватывает не только результаты человеческой деятельности – памятники прошлого, т. е. памятники материальной и духовной

культуры, но и то, что способствует обозначению и объяснению человеческой деятельности, включая естественно-географическую среду. Такой подход содержится в учебном пособии «История и теория источниковедения» (Минск, 2008), где подчеркивается, что «собственно историк не обладает методами и средствами для изучения подобного рода информации» [3, с.12].

Познание исторических процессов, выявление их закономерностей имеют свою специфику по сравнению с познанием природных явлений. Одной из важнейших задач источниковедения информационной эпохи по отношению к работе с традиционными источниками является наращивание исследовательского инструментария, опирающегося на естественно-научные методы и информационные технологии. В вышеназванном учебном пособии были установлены существенные отличия систематизации и классификации исторических источников [3]. Однако до настоящего времени в научной среде присутствует стремление заменять классификацию систематизацией, что можно охарактеризовать как признак «потребительского отношения к источнику, свойственного классическому типу рациональности или так называемому “позитивизму” в исторической науке» [4, с. 17].

Появление новых типов и видов источников усложняет проблему их классификации. В отсутствие общепринятого определения электронного исторического источника (наиболее популярный синоним в документоведении и архивоведении – электронный документ) по-разному конкретизируется место данного типа (вида) исторического источника в общепринятых системах классификации. Новый подход был предложен Ю.Ю. Юмашевой. Она выделяет электронные источники в отдельный тип, который подразделяется на роды (изначально цифровые (born-digital), преобразованные, смешанные), виды («бывшие» типы, «спустившиеся на ступеньку ниже» и дополненные отсутствовавшими ранее новыми видами) и разновидности («бывшие» виды). Письменные источники, например, могут в данном варианте классификации выступать и как отдельный тип, и как вид электронного источника [1]. Очевидно, что новые подходы в классификации еще будут уточняться, поскольку, как подчеркивает Ю.Ю. Юмашева, электронные источники «по своей природе являются абсолютно новыми, непривычными для исследователей объектами, обладающими собственной спецификой, которая к тому же находится в развитии» [1, с. 124]. По мнению исследовательницы, «специфика нового типа исторических источников – электронных – становится

причиной установления взаимосвязи источниковедения с такими смежными специальностями, как “Документалистика, документоведение и архивоведение” и “История науки и техники”... В определенном смысле обе специальности начинают выполнять функции своего рода “вспомогательных дисциплин”, основным предназначением которых является разработка специфических методик и приемов внешней критики исторических источников, в данном случае – электронных исторических источников» [1, с. 130].

Компьютерная революция, развернувшаяся во второй половине XX в. и переросшая в «цифровой поворот» рубежа тысячелетий, затронула прежде всего содержание самого исторического источника. Внешняя критика исторического источника осуществлялась традиционными способами, в то время как в учебниках по источниковедению подчеркивалось, что проведение внешней и внутренней критики источников является непрерывной последовательностью. Неисчерпаемость понятия исторического источника связана не только с информацией, которую он содержит, но и с его формой. Развитие специальных исторических дисциплин: нумизматики, сфрагистики, метрологии, эпиграфики, палеографии, хронологии, топографии и исторической географии – постепенно привело к расширению применения количественных методов не только для внутренней, но и для внешней критики источника. Внимание к материальности источника повлияло на осознание того, что каждый источник (как и его материальный носитель) является не столько хранилищем данных, сколько историческим фактом, для анализа которого необходим комплексный подход.

Создание масштабных информационных ресурсов, оцифровка материалов в фондах музеев, архивов, учреждений сохранения историко-культурного наследия способствовали развитию digital history – прикладной части исторической информатики. Такие термины, как history and computing, historical information science, «историческая информатика», имеют более широкое содержание, чем термин digital history. Как полагает Л. И. Бородкин, историческая информатика (как одно из междисциплинарных научных направлений) включает в себя теоретический компонент, связанный с источниковедческой оценкой электронных ресурсов, содержит аналитические компьютеризованные средства и при этом проводит апробацию компьютерных технологий в исторических исследованиях и образовании [5].

Наряду с интеграцией гуманитарных наук усилились тенденции размежевания ряда направлений исторического знания, в том числе

в сфере формирования ими собственного научно-терминологического аппарата. Работа исследователя с данными корпоративных информационных систем требует высокой подготовленности в сфере информатики, архивоведения и документоведения (например, необходимо разделять документы, обладающие юридической силой, и документы, обладающие юридической значимостью). Рассматривая электронный документ с точки зрения источниковедения, следует широко использовать методики и понятийный аппарат, разрабатываемый архиво- и документоведением. В случае с электронными документами самыми заинтересованными сторонами оказываются именно архивы, поскольку без решения проблемы доказательства аутентичности неопределенным становится само существование таких документов [6, с. 37].

Таким образом, значимым направлением развития исторической науки является расширение круга источников, на которые опираются междисциплинарные исторические исследования. По мнению И. М. Гарской, «акцент на междисциплинарных количественных методах и компьютерных технологиях исследования, выдвижение на первый план аналитических задач в известной мере отодвигали на второй план изучение специфики исторического источника и ее влияния на выбор адекватных приемов обработки данных» [7, с. 113]. Во многом осмысление данной проблемы происходило в рамках так называемого вещного поворота в исторической науке 1990-х гг. Вещественные источники присутствовали в самых различных классификациях наряду с письменными. Вещь в любом случае, даже если являлась природным объектом, приобретала соответствующий статус только тогда, когда выполняла какую-либо функцию, важную для человека. По мнению ряда исследователей, вещественные исторические источники более универсальны, чем письменные [8]. Однако для историков сложность заключается в том, что вещи – это источники невербальные, в которых результат практической деятельности людей предстает в объективно-сintаксическом смысле. Вне контекста породившей ее среды вещь как источник осмысливать чрезвычайно сложно. По данной причине необходимо учитывать важность изучения информации о вещах, которые описывают среду проживания человека, например инвентарей [9–11].

Дискуссии о сопряженности внешней и внутренней критики источников актуализировали проблему их неисчерпаемости. При оценке достоверности источника наибольшее внимание уде-

ляется человеческой составляющей, позволяющей лучше понять индивидуальность автора или определенную традицию, которую он представляет. В историческом исследовании источника присутствуют две стороны: не только его автор, но и исследователь, его ценностные ориентации, когнитивные и эмоциональные установки. На каждом этапе развития исторического знания вырабатывалось особое понимание исторического факта, соответствующее общему состоянию исторической науки и научной методологии в целом. Существенным является фокусирование внимания новых поколений историков на тех или иных сущностных или же внешних характеристиках источников. Возможно, поэтому каждое поколение исследователей видит на одной и той же фотографии разную информацию.

Актуальной становится проблема преемственности, сохранения научной традиции. Чрезвычайно интересен контекст взаимодействия поколений, проходящих одни и те же возрастные стадии, поскольку в зависимости от смены поколений в ходе исторического процесса исторический источник постоянно меняет свою социокультурную окраску. Данный процесс требует философского осмыслиения, но без него источниковедение превращается в случайный набор практик.

Одна из черт межпоколенческого разрыва связана с развитием социальных сетей и формированием виртуального пространства. Для построения моделей развития общества современные историки активно внедряют методы лингвистики, филологии, психологии, искусствознания, big data analysis и т. д. Эти тенденции оформились в так называемые повороты: первым из них стал лингвистический, за ним последовали визуальный, когнитивный, пространственный, цифровой, антропологический, индивидуальный и анималистический [12]. Однако именно визуальный поворот (наряду с цифровым), на наш взгляд, определил самые значительные изменения в составе новых источников. Как сообщает Л. Н. Мазур, рождается не просто новая модель культуры, а создается новый мир, который перестает восприниматься как текст, он становится Образом, о сложности восприятия которого предупреждал французский философ Р. Барт. И хотя за последние годы интерес к графическим средствам невербальной коммуникации, или визуальной информации, значительно возрос, можно утверждать, что они только включаются в научный оборот [13–16].

Социальные сети изменили роль и функции такого источника, как фотография (видео). Прежде всего следует отметить социальную сеть Instagram (в 2020 г. насчитывалось 1,2 млрд пользователей). В данной сети текстовая составляющая ограничена (не может превышать 2000 знаков), а визуальная (благодаря формату коротких видео (Stories) и формату «карусель», позволяющему публиковать несколько фотографий или видео в одном посте) значительно расширена [17]. Фотография, как и цифра, всегда обладала большей доказательностью. Однако в социальных сетях фотография не только визуализирует реальную жизнь автора, но и способствует созданию желаемого образа. Тотальная виртуализация влияет на самого индивида, не только трансформируя его сознание, навыки, досуг, ценности, привычки и многое другое, но и оказывая воздействие на глобальные социальные процессы. При этом целевой аудиторией сети Instagram является молодежь (более 2/3 всех пользователей – люди в возрасте от 18 до 34 лет), которая находится на этапе формирования своей идентичности и нуждается в социальной интеграции и самопрезентации [18].

Фотография создавалась и изобреталась для того, чтобы запечатлеть уникальность, единичность. Социальные сети (прежде всего Instagram) сделали этот вид исторического источника массовым. В последние десятилетия фотография, сделанная с помощью профессиональной дорогостоящей техники, стала проигрывать мобильной в массовой доступности и возможности быстрой публикации. Очевидно, что к анализу этого нового вида массовых источников историки оказались не готовы.

В настоящее время в социальной сети Instagram реализуется частичное, а иногда и полное замещение текста эмодзионами, что позволяет расширить целевую аудиторию и избежать языковых барьеров. Их массовое применение приводит к пониманию того, что современный мир ориентируется на визуальный способ представления информации. По мере развития социальных сетей и мессенджеров все большую популярность приобретают и такие мультимодальные средства связи, как эмодзи – продукт цифровой эпохи, напоминающий древние иероглифы и пиктограммы. Иллюстрирование все чаще становится элементом текстообразования. Нередко вербальный текст и невербальная информация тесно взаимодействуют и образуют один многослойный исторический источник. Следует отметить, что в 1990-х гг. в англоязычной научной литературе закрепился термин «медиатекст» (от лат. *media*

textus – средства, посредники + ткань; сплетение, связь, сочетание), который также можно рассматривать как один из видов электронных источников.

Безусловно, источниковедение как учебная дисциплина не может оставаться в стороне от глобальных вызовов [19]. За десятилетия независимости нашей страны источниковедение (включая источниковедение истории Беларуси) утвердились в университетских учебных планах как самостоятельная дисциплина и стало обязательной частью научных работ (от дипломной работы до докторской диссертации), появились фундаментальные учебники. Главным ресурсом развития современного общества становятся знания, умение применять их и создавать новые. При этом знания, в отличие от материальных ресурсов, являются неисчерпаемыми, обладают качеством приращения: одни влекут за собой другие, новые.

Таким образом, работа над настоящим поможет изменить наше будущее. Однако научить учиться – это на данный момент более важная задача, чем дать только определенный набор знаний. Первостепенным становится умение задавать вопросы, вести дискуссии и обращаться к источникам. По этой причине человек, обладающий дипломом историка, т. е. историк, обязан уметь конструировать исторические факты путем строгой научной процедуры – источниковедческой критики.

Процессы глобализации, огромные потоки информации, их доступность вместо задачи информирования, которая многие годы была основной, ставят на первое место современного человека и его умение ориентироваться в этом изобилии, что также не отменяет проблемы нравственного выбора. Все это еще раз подтверждает необходимость увеличения количества и улучшения качества подготовки специалистов в сфере источниковедения.

1.2. Источниковедение и специальные исторические дисциплины в Беларуси: научная и дидактическая сферы

Истоки зарождения элементов исторического источниковедения и специальных исторических дисциплин в белорусских регионах следует искать в деятельности Витебского и Виленского центральных

архивов древних актовых книг, которые возникли в середине XIX в. или даже ранее¹. Основной причиной создания последних стала распространенная в 1830–40-е гг. фальсификация документов судебных учреждений Великого княжества Литовского (ВКЛ), подтверждавших имущественные и сословные права значительной категории лиц, которые заявляли о своем шляхетском происхождении². Формально проведенные в 1830–40-е гг. и потому не давшие ожидаемых результатов проверки документов на предмет установления их подлинности привели к тому, что созданные архивы оказались наполненными документами-фальшивками. Данное обстоятельство требовало от архивариусов выработки приемов и методов определения подлинности (или, наоборот, подложности) подобных документов, что вело к формированию источниковедческой культуры. Например, на это указывал первый заведующий (по существовавшей ранее терминологии – архивариус) Виленского архива

¹ Гомельский протоиерей Иоанн Григорович (1790–1852) в первой четверти XIX в., работая над подготовкой сборника документов «Белорусский архив древних грамот», демонстрировал примеры проявления источниковедческой критики в вопросах атрибуции, датировки предполагаемых к публикации исторических документов.

² На данное обстоятельство обращал внимание профессор Московского историко-архивного института И. Ф. Колесников (1872–1952) в статье «Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы». Он, в частности, писал: «В 30-х годах XIX в. в Западном крае (в Белоруссии и примыкавших к ней губерниях России) подделка документов на дворянство приняла столь грандиозные размеры, что само правительство оказалось бессильным в борьбе с этим злом» [20, с. 25]. В. И. Пичета в незавершенной работе о деятельности Первого Западного комитета также писал: «Следствие показало, что в Вильне в разных местах находились специалисты, которые занимались составлением фальшивых документов, благодаря которым часть шляхты была признана дворянством. Русское правительство вступило на путь борьбы с этой попыткой обойти изданный им закон о разборе шляхты. Согласно указу 19 декабря 1833 г. в губерниях литовских, белорусских и украинских были организованы отдельные комиссии для рассмотрения метрических и актовых книг. Всего было открыто три комиссии... Комиссиям предлагалось пересмотреть все актовые метрические книги, прошнуровать их и запечатать печатью комиссии. Одновременно дворянским собраниям предписывалось весьма внимательно и осторожно рассматривать документы, представленные для получения дворянских прав» [21, с. 75–76].

выпускник Санкт-Петербургской духовной академии Н. И. Горбачевский (1804–1879), который писал: «Нужно быть слишком ограниченным или легкомысленным, чтобы без *надлежащего и подробного осмотра акта* (курсив наш. – *М. Ш.*) давать мнение о его действительности или недействительности; иногда от одного документа зависит участь нескольких десятков семейств» [22, с. 44].

Следует отметить, что Н. И. Горбачевский внес значительный вклад как в архивоведение и архивное дело, так и в источниковедение и специальные исторические дисциплины. Составленные им «Краткие таблицы, необходимые для истории, хронологии, вообще для всякого рода археографических исследований и в частности для разбора древних актовых книг и грамот Западного края и Царства Польского» (Вильна, 1867) давали возможность изобличать фальсификаторов, предъявлявших ложные выписки из актов. Его «Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского» (Вильна, 1874), в котором описываются компетенции всех судов, действовавших в ВКЛ, приводятся названия должностей сановников, денежных единиц, мер веса и другие понятия, стал настольной книгой как для архивистов-практиков, так и для исследователей. В некоторой степени он не утратил своей актуальности и до настоящего времени [23, с. 80].

Можно предположить, что именно вышеназванное издание Н. И. Горбачевского подвигло И. Ф. Колесникова, профессора Московского археологического института в его Витебском отделении, читавшего в 1910-е гг. курс лекций по историческим дисциплинам, заняться в 1930-е гг. составлением подобного словаря на основе документов Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (так назывался в то время современный Российской государственный архив древних актов)¹.

Параллельно с развитием источниковедения, которое имело преимущественно прикладной характер, начинает формироваться и его дидактическое направление. Проявлением этого может служить

¹ И. Ф. Колесников был автором не только вышеупомянутой работы о значении вспомогательных исторических дисциплин для истории и архивной работы, но и не утратившей актуальности статьи «Палеография документальной (архивной) письменности», в которой он провел сравнительный анализ восточно-русской (московской), белорусской и украинской скорописи XVI–XVII вв., обратил внимание на графические и фонетические особенности белорусских текстов [24].

подготовленный членом Виленской археографической комиссии С. В. Шолковичем и изданный в 1884 г. «Сборник палеографических снимков с древних грамот и актов, хранящихся в Виленском центральном архиве и Виленской публичной библиотеке». Книга знаменовала собой продолжение традиций, заложенных еще в XVII в. выдающимся французским палеографом Ж. Мабильоном, и предназначалась как для штатных сотрудников виленских Центрального архива и Публичной библиотеки, так и для слушателей открытого в 1877 г. по инициативе российского архивоведа Н. В. Калачова (1819–1885) Петербургского археологического института, где готовились кадры для архивов, музеев, библиотек. Следует отметить, что в числе слушателей института находились и белорусы, например Д. И. Довгялло, Б. Н. Жукович, М. Шамшур и другие будущие ученые, впоследствии сыгравшие особую роль в становлении и развитии архивного дела, археографии и источниковедения в Беларуси.

С созданием в 1907 г. Московского археологического института (МАИ) и особенно с открытием в 1911 г. его Витебского отделения проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин начинают приобретать «белорусское очертание»¹, что проявляется как в характере читаемых курсов, так и в тематике выпускных сочинений. Так, избранный в 1913 г. профессором кафедры древностей Северо-Западного края данного института А. П. Сапунов разработал и читал курс лекций по истории и древностям Северо-Западного края, который носил ярко выраженный источниковедческий характер. В качестве пробной им была прочитана лекция о достоверности отрывка из Полоцкой летописи, который был размещен В. Н. Татищевым в «Истории России» и датирован 1217 г. (текст лекции ранее печатался в научном издании «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (М., 1898. Кн. 3. С. 3–13) [26].

¹ Выступая 27 октября 1911 г. на совместном заседании Московского археологического института и Витебской ученой архивной комиссии, посвященном открытию Витебского отделения МАИ, профессор И. Ф. Колесников подчеркивал, что вместе с пробуждением национального самосознания возникает интерес к археологическим (т. е. архивно-археографическим) наукам. Это, по его мнению, являлось хорошим предзнаменованием, которое будет способствовать тому, что памятники старины, в том числе документальные, не будут упливать в заграничные музеи и архивы, а «найдут пытливых исследователей у себя на Родине» [25, с. 210].

12 октября 1912 г. состоялась защита диссертации слушательницы МАИ, которая одновременно являлась заведующей архивом его Витебского отделения, М. А. Мельниковой на тему «Витебский лицевой сборник». По результатам защиты М. А. Мельникова была удостоена звания «ученый архивист». 4 февраля 1915 г. защитили диссертации на тему «Полоцкие церковные древности в их историческом прошлом и настоящем» и «Коложский Борисоглебский монастырь, ныне Коложская церковь в Гродне» будущий известный витебский краевед П. И. Дейнис и гродненский любитель старины Е. С. Ивацик. Оба удостоены званий «ученый археолог», а также золотой (П. И. Дейнис) и серебряной (Е. С. Ивацик) медалей [27, с. 85].

В 1917 г. окончил МАИ и через год стал ассистентом той же кафедры, где преподавал и А. П. Сапунов, а в 1920 г. получил звание профессора Б. Р. Брежго, который затем защитил на археографическом отделении данного института диссертацию «Архивы Полоцко-Витебского края в их прошлом и современном».

Одной из первых попыток обозначить источниковедческие аспекты применительно к белорусской историографии стала книга М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». Издание, которое увидело свет в 1884 г., представляет собой первый опыт курса русской историографии. Ученый сформулировал в его первой главе методологическое положение источниковедческого характера о том, что «научное знание истории требует, чтобы мы не только изучали события, но и знали, из каких источников почерпнуто наше знание и какими научными приемами мы руководствуемся, когда добываем это знание» [28, с. 39], затем он дал краткий обзор основных источников актового и повествовательного характера, включая «летописи западнорусские», затронул темы археографической деятельности гомельского протоиерея И. Григоровича, работы Виленской археографической комиссии и т. д. Несмотря на наличие явных ошибок, вызвавших критику [29], тем не менее в книге приводилась заслуживающая внимания мысль источниковедчески-архивоведческого характера о позитивном значении подготовки «сведущих архивариусов», на что должен был ориентироваться недавно открытый в Петербурге Археологический институт¹.

¹ Данная мысль, однако, была подвергнута критике со стороны С. Ф. Платонова в письме Я. Л. Барскому от 19 марта 1885 г. [29].

Следующий период в истории становления и развития источниковедения и специальных исторических дисциплин в Беларуси связан с созданием Белорусского государственного университета. Его первым ректором стал историк В. И. Пичета, который в течение нескольких лет совмещал руководство университетом с работой в Главархиве России и, как никто другой, понимал важность и необходимость владения основами источниковедения. В то время на смену опытным архивистам обеих республик приходили дилетанты в архивном деле, что и стало причиной подготовки ученым книги «Введение в русскую историю: источники и историография», которая вышла в свет в 1923 г. тысячным тиражом в московском кооперативном издательстве научных работников. В предисловии к книге исследователь по аналогии с только что изданной работой своего начальника по Главархиву М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке»¹ писал: «Настоящая работа ставит себе весьма скромную цель – служить введением в русскую историю тем из читателей, которые пожелали бы иметь небольшое руководство для первоначальной ориентировки как в вопросах источниковедения, так и в историографии русской истории с тем, чтобы после первоначального, и притом довольно краткого, знакомства с выше-названными вопросами приступить к более глубокому и детальному изучению интересующих их проблем» [30, с. 3].

В первой, источниковедческой части книги «Введение в русскую историю: источники и историография» В. И. Пичета, рассматривая основные виды источников в зависимости от территорий, т. е. «сматря по тому, к какой ветви русского народа последние имеют отношение», выделяет наряду с Северо-Восточной Русью Украину и Белоруссию. Во втором разделе этой части ученый повествует о сабирании и издании источников, в четвертом – дает характеристику литовско-белорусским летописям, привилеям, в том числе областным, памятникам права, включая магдебургское, финансово-экономическим документам, документам по истории центрального и провинциального управления, запискам иностранцев.

¹ Имеется в виду не носивший вульгарно-социологический характер тезис М. Н. Покровского о том, что его книга «не предполагает у читателя никаких предварительных исторических познаний, т. е. она предполагает человека, мозги которого “не вывихнуты школьными учебниками истории с их бесконечными царями и министрами”», а его обращение к аудитории, которой была адресована книга: «...читателя, у которого свободного времени гораздо меньше, чем жажды знания» [31, с. 3].

Первый раздел первой части данной книги носит теоретический характер. В нем автор дает определение исторического источника – это «все те материалы, которые остались от прошлой жизни и в которых отражается какой-либо след старины»; приводит их классификацию – вещественные, устные, письменные; структуру источниковедческой критики – внешняя и внутренняя; характеризует взаимодействие источниковедения с архивоведением, палеографией, дипломатикой, лексикологией, хронологией, исторической географией, генеалогией и геральдией.

Как отмечал В. И. Пичета, «историку необходимо быть знакомым с естественными науками, в частности с геологией, палеонтологией, физической географией, антропологией и этнографией, с науками экономическими, политической экономией, историей экономических идей и экономического быта, сельскохозяйственной экономией, наконец, историк должен быть осведомлен и в науках политики-юридических, в общем учении о праве и государстве, истории политических учений, государственном и международном праве, а также всеобщей и национальной истории права. Он должен быть также лингвистом. Необходимо знакомство как с древними, так и с новыми языками, позволяющее изучать в подлинниках иностранные источники, а также быть в курсе текущей иностранной и исторической литературы. Изучение религиозных верований заставляет исследователя познакомиться с историей религии вообще. Все эти сведения, расширяя кругозор историка, позволяют ему правильно подойти к тому или другому источнику и историческому явлению» [30, с. 7].

Особое внимание В. И. Пичета обращал на необходимость владения исследователем историческими знаниями, архивной эвристикой. Будучи участником и в значительной мере одним из организаторов осуществляемой архивной реформы, он оптимистично предполагал, что «теперь архивы будут доступны для всех, и историческая наука как в центре, так и в провинции, видимо, должна будет быстро двинуться вперед» [30, с. 10]. Реальность оказалась иной, в чем ученому, как известно, вскоре пришлось убедиться.

«Введение в русскую историю: источники и историография» В. И. Пичеты было замечено и отмечено преимущественно в зарубежной печати; при этом критике в большинстве своем подверглась вторая, историографическая часть. Так, рецензент под криптонимом Z писал в издававшемся в Берлине профессором А. С. Ященко библиографическом журнале «Новая русская книга», что автор книги очень

мало сказал о летописях, в то время как о некоторых представителях русской историографии информации дано достаточно много. Рецензент поставил под сомнение целесообразность распределения материала по этнографическому принципу. Однако он указал, что издание книги В. И. Пичеты имеет позитивное значение, учитывая, что на книжном рынке еще не появлялось подобных работ, кроме «канонической» истории М. Н. Покровского и недоступной большинству читателей истории Н. А. Рожкова. Коллега В. И. Пичеты по Московскому университету профессор А. А. Кизеветтер в третьей книге журнала «На чужой стороне» отмечал поверхностный и поспешный характер книги В. И. Пичеты [32, с. 290–293].

Критическую оценку «Введение в русскую историю: источники и историография» получило и позднее, со стороны уже советских историков; речь шла также о ее второй, историографической части [33, с. 32–33].

Продолжением книги В. И. Пичеты, которое тем временем осталось незавершенным, стали фрагменты черновых рукописей под названием «Введение в историю Белоруссии. Источники белорусской истории и историография», «Источники и историография Литвы и Белоруссии. Архивы и архивоведение», «Виды исторических источников», над которыми ученый работал в 1928–1941 гг., в том числе и во время пребывания в Ленинградском доме предварительного заключения¹.

Последователем источниковедческо-историографической деятельности В. И. Пичеты можно считать Д. И. Довгялло. С осени 1925 г. он занимал должность доцента на педагогическом факультете БГУ и создал курс «Крыніцы і крыніцазнаўства гісторыі Беларусі» (название варьируется в различных документах: «Крыніцы і крыніцазнаўства Беларусі», «Беларускія гістарычныя крыніцы»), предназначенный для студентов 4-го курса социально-исторического отделения педагогического факультета. Д. И. Довгялло соглашался с определением исторического источника и делением источников на материальные (вещественные), устные и письменные, которые приводил В. И. Пичета. Однако, в отличие от своего предшественника, наметившего, как указывал ученый, «только дорожные научные вехи», Д. И. Довгялло дал развернутую характеристику конкретных групп и видов исторических источников, подкрепив их ссылками

¹Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–42; Д. 317. Л. 1–64; Д. 335. Л. 1–88.

на научную, справочную литературу, документальные издания, которые появились после выхода в свет книги В. И. Пичеты.

Следует отметить, что именуемый источниковедческим курсом Д. И. Довгялло носил комплексный характер (включал сведения по источниковедению, архивоведению и археографии), а по охвату материала (до XVIII в.) являлся своеобразным сопровождением читаемого ученым основного курса по истории Беларуси до разделов Речи Посполитой.

Н. Н. Улащик, который слушал указанный курс еще будучи студентом социально-исторического отделения, в изданных в 1973 г. «Очерках по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода» назвал его довольно примитивным и устаревшим. Однако, по его мнению, «значение курса Д. И. Довгялло заключается в том, что в нем впервые изложен в систематическом виде материал, который ранее никем не был оформлен и нигде не читался. Задачей его было дать студентам хотя бы самое общее представление о той массе источников, с которыми им пришлось позже встретиться, занимаясь исследовательской работой» [35, с. 137–138].

Данную оценку разделяла и коллега Н. Н. Улащика по Институту истории Академии наук СССР (АН СССР) доктор исторических наук А. Л. Хорошкевич [36].

Машинописный студенческий конспект лекций курса Д. И. Довгялло, который сохранился в личном архивном фонде Н. Н. Улащика в отделе рукописей Центральной научной библиотеки (ОР ЦНБ) им. Якуба Коласа Национальной академии наук (НАН) Беларуси (в нем отсутствуют 3 из всех 24 лекций), в основном следует структуре курса соответствующего (белорусского) раздела первой части книги В. И. Пичеты. Подробная характеристика структуры и содержания курса Д. И. Довгялло приведена в работе «Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло» [34, с. 92–99]. Следует отметить, что публикация в «Беларускім археаграфічным штогодніку» конспекта лекций курса Д. И. Довгялло, который готовили сын Н. Н. Улащика А. Н. Улащик и доктор филологических наук А. К. Кавка, не осуществилась, однако, возможно, в настоящее время следовало бы вернуться к данному вопросу.

Положение курса Д. И. Довгялло «Крыніцы і крыніцазнаўства гісторыі Беларусі», как и его разработчика, оказалось достаточно драматичным. В июне 1928 г. по инициативе заместителя ректора университета, бывшего одновременно секретарем партийной

организации БГУ, С. З. Слонима без согласования с В. И. Пичетой курс был исключен из учебного плана и объединен с общим курсом по истории Беларуси, который читал В. Д. Друшиц.

Приведем реакцию В. И. Пичеты относительно этого слияния, которую он выразил в форме письма в Наркомпрос БССР 4 июня 1928 г.: «Кожны студэнт, які скончыў педфак, павінен ведаць крыніцы і крыніцазнаўства Беларусі. Кожнаму студэнту з гэтымі пытаннямі трэба сустракацца ў часы сваёй працы, і было б вельмі дзіўна, каб студэнты вывучалі гісторыю культуры сваёй краіны і ў той час не ведалі б, на падставе якіх крыніц, матар'ялаў можна складаць гісторыю народа і якім тэмпам, у якім напрамку ішло вывучэнне Беларусі. Гэта асабліва важна падкрэсліць, калі параўнаць вывучэнне Беларусі ў часы царскага Урада і ў часы Каstryчнікавай рэвалюцыі. Скасаванне гэтага курса толькі сведчыць аб tym, што тут маецца незнаёмства з самаю сутнасцю курса і яго метадалагічнага і практычнага значэння. Калі ў сучасны момант дзяржаўны Урад выдае розныя законы адносна архіўнай справы і студэнтам у сваёй практычнай працы прыходзіцца сустракацца з гэтымі пытаннямі, то, мне здаецца, яны амаль што не могуць быць добрымі працаўнікамі, калі яны па гэтаму пытанню не будуць мець элементарных ведаў» [37, с. 245].

Следует отметить, что значение преподавания источниковедения студентам педагогического факультета БГУ В. И. Пичета связывал как с белорусской историографией, так и с архивоведением и архивным делом Беларуси.

Несмотря на это, курс Д. И. Довгялло был ликвидирован, а его разработчик лишен возможности преподавания в университете. Вскоре и сам В. И. Пичета был снят с должности ректора, а в сентябре 1930 г. арестован и этапирован в Ленинград. Находясь в Доме предварительного заключения, он в ноябре – декабре 1930 г. возвращается к проблемам источниковедения и историографии, но уже исключительно белорусского направления. В. И. Пичета готовит работу «Введение в историю Беларуси. Источники белорусской истории и историография». Судя по характеру предисловия, работа представляла собой продолжение «Введения в русскую историю: источники и историография». По структуре указанная работа во многом повторяет первую книгу, изданную в 1923 г., но включает более развернутые характеристики видов источников и их публикаций, которые даны в первой ее части. Вторая часть книги посвящена историографии истории Беларуси. Как указывал В. И. Пичета,

«настоящая работа ставит своей задачей познакомить читателя с основными видами источников по истории Беларуси, с тем чтобы служить в этом отношении ориентированным... справочным пособием»¹. Ставяясь по возможности быть кратким с учетом того обстоятельства, что общая характеристика источников дана в книге 1923 г., автор опирался как на собственный опыт работы со студентами БГУ, так и на источниковедческие разработки своих коллег, в частности Д. И. Довгялло.

В плане подготовки изданий АН БССР на 1941 г. значилась и работа В. И. Пичеты «Источниковедение истории БССР», которая, однако, так и не увидела свет². Можно предположить, что на это оказал влияние выход в свет в 1940 г. первого в СССР учебного пособия «Источниковедение истории СССР: в 2 ч.». Написанная М. Н. Тихомировым первая часть данного учебного пособия охватывала период с древнейших времен до конца XVIII в. Ее автор, как и ранее В. И. Пичета, ставил своей задачей «ознакомить студентов с основными видами источников и с важнейшими из источников, дав понятие о критическом подходе к ним» [38, с. 3]. Вторая часть, написанная С. А. Никитиным, охватывала период XIX в. В основу первой части были положены лекции для студентов МАИ, которые читал М. Н. Тихомиров несколько лет, выделив, по словам его учеников, в частности С. О. Шмидта, «в самом начале творческого пути... органическую взаимосвязь собственно исторического исследования, преподавания истории, популяризации исторических знаний с источниковедческими штудиями» [39, с. 225].

Тем не менее издание первой части учебного пособия по источниковедению истории СССР не привело к появлению работы по источниковедению истории Беларуси. На это, возможно, оказала влияние не только начавшаяся война. Как известно, ряд других работ, подготовленных в рамках тематических планов Института истории и сданных в издательство АН БССР, так и не увидели свет [21].

В 1962 г. произошло переиздание первой части учебного пособия «Источниковедение истории СССР», в предисловии к которому М. Н. Тихомиров констатировал, что источниковедение давно заняло видное место в преподавании исторических предметов как дисциплина, формирующая научную подготовку историков. В этом же году в свет вышла книга В. И. Стрельского «Источниковедение

¹ Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

² ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 97.

истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. – 1917 г.». И только в 1965 г. в издательстве БГУ вышла небольшая, объемом 2,6 печатных листа книга А. П. Игнатенко «Введение в историю БССР. Периодизация, источники, историография». Как и книга В. И. Пичеты, она состояла из двух разделов: источниковедческого и историографического. Н. Н. Улащик отметил издание А. П. Игнатенко в предисловии к «Очеркам по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода» и указал на более чем лапидарный характер первого раздела данной книги, который занял всего 18 страниц, в отличие от курса Д. И. Довгялло, где «феодальный период освещен... более основательно» [35, с. 138]. Тем не менее книга А. П. Игнатенко, который читал для студентов-историков БГУ с конца 1970-х гг., кроме общего курса по источниковедению истории СССР, спецкурс по источниковедению истории БССР, стала первым пособием по источниковедению и историографии БССР [40].

Развитие научной сферы источниковедения в Беларуси в 1960–80-е гг., в отличие от России и Украины, не было активным. Попытки исправить ситуацию предпринимались в конце 1960-х гг. Так, 10 декабря 1968 г. в структуре Института истории АН БССР был создан сектор источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, руководителем которого стал историк-медиевист З. Ю. Копысский. В приказе директора Института истории Н. В. Каменской о создании сектора отмечалось, что « дальнейшее развитие исторической науки настоятельно требует развертывания исследований в области источниковедения, историографии, археографии, других вспомогательных (специальных) исторических дисциплин, которые до этого не велись в республике» [41, с. 268–277]. К сожалению, преемник Н. В. Каменской менее чем через год ликвидировал данный сектор.

В настоящее время одной из немногочисленных работ по источниковедению истории Беларуси, кроме изданных в Москве монографий Н. Н. Улащика об актовом источниковедении и белорусско-литовских летописях, которые носили преимущественно археографически-источниковедческий характер, является изданная в 1978 г. под редакцией А. П. Игнатенко книга З. Ю. Копысского «Источниковедение аграрной истории Белоруссии». В данном издании источниковедческому анализу были подвергнуты документы XVI – первой половины XVII в., хранящиеся в Центральном государ-

ственном историческом архиве (ЦГИА) БССР в составе фамильного фонда князей Радзивиллов, а также микрофотокопии документов о Беларуси из варшавского архива исторических документов AGAD. Применяя их видовую и тематическую классификацию, З. Ю. Копысский предпринял попытку «решить основную задачу источниковедения – извлечение из источников исторических фактов и определение их места и роли в научном исследовании по истории белорусского народа в один из наиболее сложных этапов его многовекового прошлого» [38, с. 4]. Помимо сделанных им, возможно не всегда бесспорных, выводов и наблюдений (в частности, о том, что инвентари чаще всего являлись не учетно-хозяйственными, а юридическими документами), автор в то же время обозначил проблемы подлинности источников, взаимодействия источниковедения с археографией, дипломатикой, архивоведением, метрологией и другими специальными историческими дисциплинами.

Период перестройки и гласности также затронул и сферу источниковедения. Широкое обращение к историко-партийному источниковедению, которое возникло в это время, следует считать не иначе как традицией. Основоположниками здесь наряду с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академией общественных наук при ЦК КПСС выступали республиканские филиалы Института марксизма-ленинизма и высшие партийные школы. Однако еще задолго до перестройки, в 1973 г., в московском издательстве «Высшая школа» появилось учебное пособие профессора Киевского университета М. А. Варшавчика «Источниковедение истории КПСС», а в 1984 г. в издательстве Киевского государственного университета вышла его монография «Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология. Методика». В следующем году под грифом Института истории партии при ЦК КПУ выходит в свет коллективная работа (под общей редакцией М. А. Варшавчика) «Документы героических свершений (об источниках по истории Коммунистической партии Украины»; в 1989 г. в московском издательстве «Высшая школа» – его учебник «Источниковедение истории КПСС» (под грифом Госкомитета СССР по народному образованию) [42, с. 388].

В середине 1980-х гг. на историческом факультете БГУ было открыто отделение истории КПСС. Для студентов читался разработанный М. Ф. Шумейко курс лекций по источниковедению истории КПСС. В настоящее время указанный курс сохранился лишь в личном архиве разработчика.

Дальнейшая разработка вопросов источниковедения в Беларуси, преимущественно его дидактической сферы, связана с деятельностью одноименной кафедры, созданной в 1992 г. на историческом факультете БГУ.

1.3. Электронные исторические источники: определение, классификация и физическая сущность

Масштабная компьютерная революция, появление новых типов и видов источников, перевод содержания традиционных источников в цифровую форму, создание сложных информационных ресурсов, нарастание объемов цифровой и оцифрованной информации и возможность изменения электронных объектов без наличия механизмов контроля за ними и их верификации представляют ряд проблем для классического источниковедения. Однако главная проблема заключается в том, что в источниковедении не сформировалось единого представления и определения понятия электронного исторического источника (ЭИИ), а в различных работах в качестве синонима ЭИИ одновременно используются разные термины: «электронный документ», «электронная копия», «метаисточник», «информационный ресурс» и т. п., заимствованные из смежных дисциплин исторического профиля и определяющие разные объекты.

Первым шагом в решении данной проблемы является формулировка определения, выяснение физической сущности и разработка классификации ЭИИ. В последнее время указанные задачи являются объектом особого внимания документоведов; в меньшей степени – архивистов и лишь единично – источниковедов. Однако здесь стоит уточнить, что понимается под ЭИИ в документоведении, архивоведении и источниковедении. Определение данного понятия зависит от следующих факторов:

- эволюции самого объекта: от машинно ориентированных документов (источников), при создании которых машине отводилась подчиненная роль инструмента фиксации информации, до современных электронных, цифровых документов, файлов, информационных ресурсов, при создании которых применяются методы cognitive science, а в качестве создателя выступает компьютер;

- эволюции носителей и способов передачи информации: от традиционного бумажного носителя (листинги, перфокарты) до специализированных систем хранения информации (в том числе облачных); от физически обособленного носителя до передачи информации только в цифровой среде непрерывным и инкрементальным образом;

- специфики предметной области, существующей в трех смежных дисциплинах: для документоведов электронный документ – это управленческая (делопроизводственная) документация, которая возникла в процессе документационного обеспечения управления; для архивистов – все типы и виды электронной информации, которая может быть передана на хранение и сохранена в виде электронного файла или совокупности файлов; для источниковедов и историков – любой носитель электронной исторической информации, независимо от того, является ли он электронным документом или существует в иной электронной форме (в этом смысле понятие «электронный документ» значительно уже, чем «электронный файл» или «электронный источник»).

Из вышесказанного следует, что электронный (цифровой) исторический источник – это материальный носитель исторической информации, возникший и существующий в электронной (цифровой) среде как продукт определенных общественных отношений и непосредственно отражающий ту или иную сторону человеческой деятельности.

Опираясь на данное определение, приведем источниковедческую классификацию ЭИИ (рис. 1) [1], основу которой составляют три критерия:

1) способ кодирования информации (фиксирования социальной информации): например, цифровой способ как основной признак выделения электронных источников в качестве самостоятельного класса (синтаксический аспект информации, предложенный И. Д. Ковалченко, который выделял четыре типа источников: вещественные, изобразительные, письменные и фонические [43, с. 135]; следует отметить, что в рамках данного критерия цифровые источники наиболее уместны и могут стать пятым типом);

2) отношение ЭИИ к объектам реального мира: в качестве выделения групп ЭИИ внутри типа;

3) способ представления ЭИИ на воспроизводящих устройствах, адаптированных к человеческому восприятию, определяющий их соотнесение с привычными типами источников реального мира (виды ЭИИ).

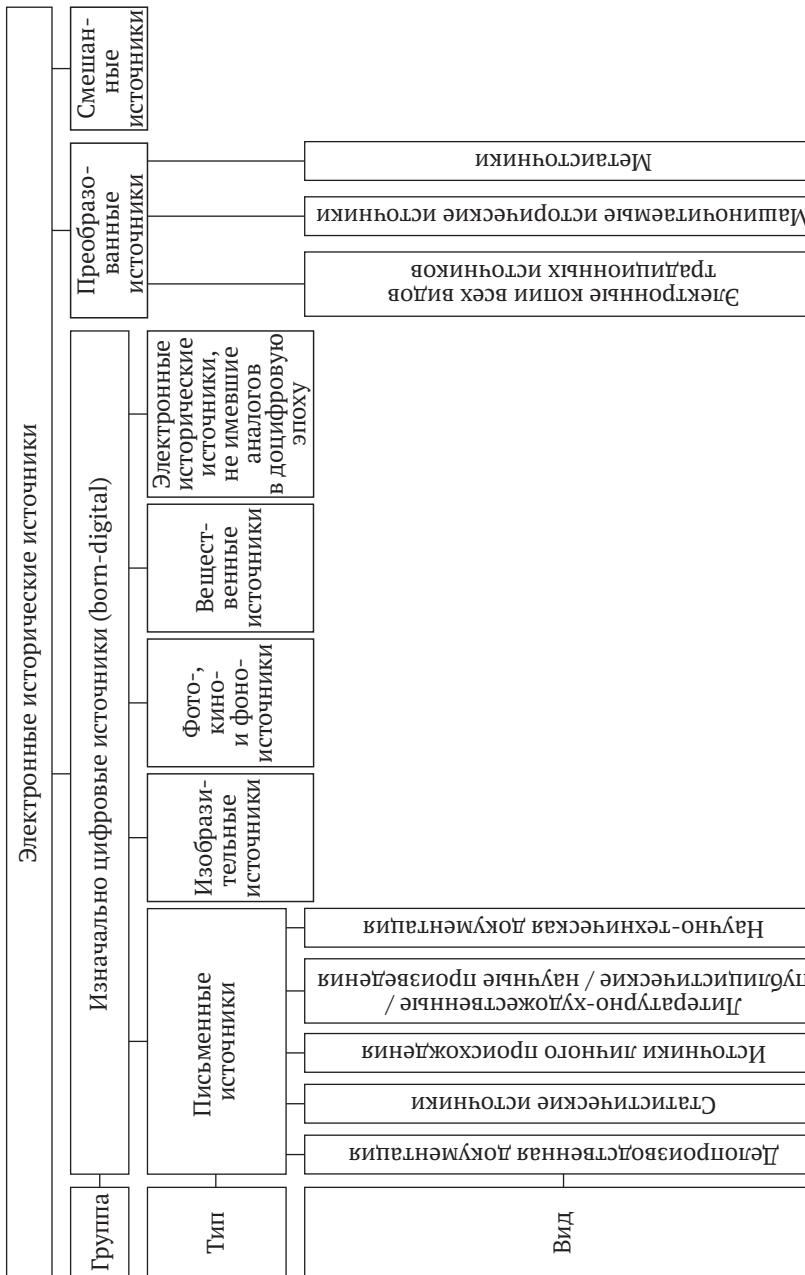

Рис. 1. Классификация электронных исторических источников

Данная классификация охватывает все известные в настоящее время разновидности ЭИИ на протяжении их существования (при мерно с середины 1940-х гг.), а ее базовой особенностью является определение ЭИИ как самостоятельного типа исторических источников, а также подразделение ЭИИ на три группы, для каждой из которых выявлена характерная черта:

- изначально цифровые – не имеют аналогов в традиционной (аналоговой) форме;
- преобразованные – представляют преобразованную в электронный вид информацию традиционных источников;
- смешанные – состоят из изначально цифровых и преобразованных источников.

Физическую сущность ЭИИ определяют четыре аспекта: носители информации, программные средства, форматы файлов и метаданные.

Носители информации, в свою очередь, могут быть физически обособленными или сетевыми. Первые бывают традиционными (например, бумажные носители: перфокарты, перфоленты, листинги и т. п.) или электронными (например, ленты, диски, дискеты, серверы, системы хранения данных и т. п. [44]); вторые – только электронными [45], подключенными к локальным, региональным или глобальным информационно-коммуникационным сетям как средствам обмена информацией при комплектовании и обеспечении доступа и т. п.

Любой носитель электронной информации является материальным, однако специфика информационных технологий и электронных источников не позволяет продолжительное время соотносить информацию с конкретным носителем – материальным объектом. В результате такие особенности носителя информации затрудняют идентификацию электронного источника как физического объекта [46].

Электронные исторические источники создаются с помощью *программных средств*, которые играют ключевую роль на всем жизненном цикле ЭИИ, поскольку от них зависят процессы создания, представления и функционирования ЭИИ в оперативной деятельности, а также возможность обеспечения их сохранности и использования во времени.

Невозможность устойчивого использования оригинального программного обеспечения в долгосрочной перспективе ставит под сомнение целостность, подлинность и аутентичность ЭИИ как исторических источников.

Известно несколько способов сохранения дистрибутивов программных продуктов и созданных в них документов. Некоторые из них направлены на разработку технологий долгосрочного хранения и поддержания в рабочем состоянии различных программных средств и их версий (эмуляция), другие ориентированы на создание общих хранилищ для всех когда-либо существовавших программных средств.

Носители электронной информации, программные и аппаратные средства создания и воспроизведения ЭИИ в глобальном информационном мире не утратили своего значения в качестве основных источников получения информации о датировке, авторстве, обстоятельствах создания и подлинности ЭИИ (т. е. проведения внешней критики). Исходя из международного опыта, максимально долгое хранение оригинальных носителей и аппаратно-программных средств, использованных для создания и обеспечения функционирования ЭИИ в активной фазе, рассматривается как важнейшая задача архивов по обеспечению цифровой непрерывности, целостности и подлинности архивных ЭИИ (так называемой цифровой сохранности), которая является основой для их использования в качестве исторических источников, однако практическая реализация подобного подхода требует больших усилий и затрат.

Формат файлов обеспечивает возможность представления электронной информации на экране монитора в удобном для восприятия человеком виде, т. е. в привычной форме текста или цифры, статичного или динамического изображения, звука или комбинации этих сред (мультимедиа). С точки зрения источниковедческой критики значение этого аспекта сложно переоценить, поскольку формат файлов позволяет исследователям с большей или меньшей точностью определять время составления документа [47, с. 114–116].

Неизбежные процессы конвертации файлов из устаревающих форматов в новые не позволяют использовать необходимые сведения¹. Практика хранения электронных источников, выработанная многими фондодержателями, предполагает постоянное обсуждение проблемы «жизнестойкости» форматов и развивается в двух направлениях.

Первое направление, характерное для США и Великобритании, заключается в определении приоритетов и планов действий

¹ Информация и документация. Процессы конверсии и миграции электронных документов : ГОСТ Р ИСО 13008-2015. Введ. 01.10.2016. М. : Стандартинформ, 2016.

по сохранению файлов различных форматов. Второе направление предполагает регулярную публикацию перечней устаревающих форматов и списка критериев для определения их устаревания, а также списков рекомендуемых форматов файлов, предназначенных для долгосрочного хранения.

Очевидно, что основная цель этих исследований – максимально долгое сохранение исходного формата, информации о носителе и программном обеспечении, с помощью которого создан электронный источник, что является смыслом существования любого архива в отношении разных (в том числе и электронных) документов, и (или) создание справочной информации – метаданных, которые призваны стать частью описания, компенсирующего исследователю невозможность проведения внешней критики источника в случае миграции и конвертации электронной информации.

Изначально термином *метаданные* обозначалась информация технического характера об электронном объекте (файле), автоматически генерируемое описание его свойств и характеристик, позволяющее искать их в больших информационных массивах и управлять ими. С увеличением видов и разновидностей электронных источников понятие метаданных расширилось, масштабировалось и в настоящее время полностью охватывает историю цифрового объекта: от условий и обстоятельств его создания до хранения и использования¹.

Следует отметить, что единых схем метаданных для описания разнообразия электронных файлов на всех этапах их жизненного цикла не существует, а каждое государство разрабатывает собственные схемы, что, безусловно, затруднит источниковедческий анализ ЭИИ в будущем.

Приведем ключевые особенности, отличающие ЭИИ от традиционных исторических источников:

- существование только в электронной среде;
- создание человеком (т. е. ЭИИ – это всегда продукт человеческой деятельности);
- потенциальная незащищенность ЭИИ от внесения изменений на любом из этапов жизненного цикла;
- изменение состава элементов ЭИИ (носитель + информация + метаданные) по сравнению с традиционными историческими источниками (носитель + информация);

¹ СИБИД. Управление документами. Общие требования. : ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. Введ. 01.07.2007. М. : Стандартинформ, 2007.

- отсутствие жесткой связи между конкретным материальным носителем, информацией (контентом) и метаданными;
- требование переноса информации (миграции) с устаревших носителей на новые как в процессе бытования, так и в условиях архивного хранения; аналогичное требование – замена программного обеспечения на современные версии и конвертация файлов ЭИИ в актуальные форматы (данное требование означает зависимость существования ЭИИ от осуществления определенных манипуляций над носителем и информацией ЭИИ, которые могут привести к изменению или утрате информации, одновременно с этим происходит дополнение и изменение метаданных, в которых фиксируются сведения о произведенных действиях);
- опосредованный доступ к ЭИИ пользователя (исследователя) через экран монитора или иного воспроизводящего устройства;
- работа пользователя не с подлинником ЭИИ, а с копией, репликой, дубликатом, к тому же подверженными потенциальным изменениям в силу указанных выше причин;
- широкие возможности применения информационных методов и технологий к любым типам, группам и видам ЭИИ для извлечения и преобразования их информации в целях научного анализа и синтеза.

Учитывая все вышеперечисленное, следует подчеркнуть, что предложенные формулировки, классификации, описание физической сущности и особенностей ЭИИ являются актуальными для начала 2020-х гг. и по мере появления новых разновидностей ЭИИ, развития информационных технологий, аппаратно-программных средств и подходов к долгосрочному сохранению и вторичному использованию цифровой информации должны быть подвергнуты верификации.

1.4. Место и роль источниковедения в системе формирования исторического мышления у обучающихся в Белорусском государственном университете

Для источниковедения актуален вопрос о том, что является первичным в историческом обучении – фактологическое изложение готового нарратива или методологическое объяснение того, как он формируется. Тем не менее выбор одного из двух вариантов

ответа отражает и, по сути, определяет парадигму исторического мышления, ретранслируемую образовательным учреждением. Ключевую роль в этом играет дисциплина «Источниковедение», поскольку она имеет объектом изучения одно из «главных означающих» (в терминологии теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф) исторической науки – исторический источник. Выбор подхода к определению и пониманию данного объекта служит маркером того или иного типа научной рациональности: классического, неклассического, постнеклассического или неоклассического. Также обозначенная дилемма непосредственным образом связана с проблемой того, в каком качестве и на каком уровне источниковедение должно фигурировать в системе обучения.

В начале XX в. во многом благодаря трудам А. С. Лаппо-Данилевского и его учеников (А. И. Андреева, С. Н. Валка и др.) источниковедение в российской (и советской) исторической науке приобрело статус самостоятельной дисциплины¹, отделившись от методологии исследования, частью которой оно остается в западной историографической традиции. Наглядно это представлено, например, в работе Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса 1898 г. [48], в которой источниковедению соответствуют два первых раздела («Вспомогательные сведения» и «Аналитические процессы») из трех. С тех пор структура традиционной методологии истории существенных изменений не претерпела. Так, для сравнения можно привести монографию известного шотландского историка А. Марвика «Новая сущность истории» в ее последнем издании [50]².

Преподаватели из Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) во введении к своему уже ставшему классическим учебнику отнесли формирование источниковедения в России к концу XIX в., но само появление термина «источниковедение» в рамках университетских курсов в Санкт-Петербургском университете еще нельзя считать свидетельством существования науки, поскольку, как указано в статье А. В. Топычанова [51], речь шла о предмете преподавания, обзоре исторических источников, а не о дисциплине. Тем не менее именно в рамках исторической

¹ Следует отметить, что дискуссии на эту тему в настоящее время не прекратились: см., например, [49].

² Ирония такого названия новой редакции «Сущности истории» состоит в том, что именно новым взглядам на историческую науку ее автор яростно оппонировал.

школы Санкт-Петербургского университета, которая находилась под влиянием исторической школы Л. фон Ранке, а затем и Историко-архивного института в Москве (где работали ученики А. С. Лаппо-Данилевского) в XX в. источникование оформилось в научную дисциплину. Характерно, что произошло это только в интеллектуальном пространстве российской исторической науки (т. е. в России, СССР и находившихся под их влиянием странах).

Несмотря на различие в дисциплинарном статусе, структурно приведенные дисциплинарные представления об источниковедении хорошо согласовывались, в равной степени будучи продуктом классического типа рациональности, характерном для XIX в. В данной системе представлений о прошлом как об объективно существовавшей реальности, статичной и неизменной в силу ее темпорального статуса, исторические источники фактически выполняют роль референта, материального доказательства объективного статуса прошлого, создающего основания для утверждения возможности истинного знания о нем. Это прослеживается в распространенных определениях понятия «исторический источник». Например, М. Н. Тихомиров приводил следующее его толкование: «Под историческим источником понимают всякий памятник прошлого, свидетельствующий об истории человеческого общества. Историческими источниками являются рукописи, печатные книги, здания, предметы обихода, древние обычаи и т. д., одним словом, все остатки прошлой жизни» [52, с. 6]. Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, в свою очередь, утверждали, что «история пишется по документам¹. Документы – это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей... Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории» [48, с. 49].

Поскольку именно классический тип рациональности традиционно культивировался в академических учреждениях как на Западе (до конца XX в.), так и на условном Востоке, логично, что стиль исторического мышления, формировавшегося у студентов университетов, ему соответствовал. Классический (объективистский или социологико-номотетический) стиль исторического мышления ориентирован на аналитические и синтетические операции, в основе которых лежат представления о возможности (необходимости) разделения прошлого (или, точнее, рассказов о прошлом) на отдельные

¹ Здесь очевидно, что Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобос использовали термин «документ» как синоним термина «источник».

фрагменты, или исторические факты, из которых затем составляется историческая реальность как целое [53]. Материальной базой для таких действий служат исторические источники, представляющие это прошлое. Таким образом, академическое изучение истории должно было включать на первом этапе изучение источников.

В полном соответствии с данной концепцией первый ректор БГУ В. И. Пичета начинал обучение студентов-первокурсников с предмета «Введение в историю», в рамках которого происходило знакомство обучаемых с основами источниковедения. В 1920-е гг. выдающийся белорусский архивист и археограф Д. И. Довгялло разработал и читал для студентов университета небольшой, но уже самостоятельный курс «История источниковедения Беларуси». В дальнейшем в советский период традицию белорусских источниковедческих исследований поддерживали и развивали Н. Н. Улащик, Л. С. Абецедарский, А. П. Игнатенко. В контексте проблем преподавания источниковедения на историческом факультете БГУ особо следует отметить профессора кафедры истории БССР доктора исторических наук А. П. Игнатенко. В рамках курса «Введение в историю БССР», который он вел много лет, с середины 1960-х гг., отдельный блок отводился этой дисциплине [54]. Однако в силу многих причин дальше вводных частей к курсам по истории отдельных периодов, стран и регионов источниковедение в вузах БССР так и не ушло.

Ситуация изменилась с обретением Беларусью независимости. Немаловажную роль в этом сыграло архивоведение как дисциплина и как практическая деятельность по сохранению исторических источников, которое с XIX в. находилось в тесной связи с источниками. Развитие независимой архивной отрасли Беларуси потребовало самостоятельной подготовки кадров. Однако уже с конца 1980-х гг. стал расти интерес к истории Беларуси, ранее достаточно ограниченный, и, соответственно, к источникам для ее изучения. В качестве ответа на эти социальные запросы в 1992 г. на историческом факультете БГУ была открыта специальность «историко-архивоведение» и создана кафедра источниковедения и музееведения, которую возглавил доктор исторических наук, профессор В. Н. Сидорцов. Одновременно началось широкое профессиональное обсуждение того, как и в каком виде должно проводиться преподавание источниковедения. Так, в 1993 г. на базе исторического факультета БГУ состоялась одна из первых в Беларуси конференций, посвященных проблемам

преподавания дисциплин кафедры источниковедения («Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія гісторыі Беларусі»), и в первую очередь ее титульного курса. На конференции доцент кафедры истории Беларуси С. Н. Ходин на основе имевшегося опыта преподавания курса источниковедения истории Беларуси указал на необходимость разработки и внедрения в учебный процесс курса «Общее источниковедение». До того времени, пока курс не будет разработан, он предложил расширять понимание студентами предметных связей источниковедения за счет более глубокого изучения специальных исторических дисциплин: археологии, нумизматики, хронологии, геральдики и других предметов, которые должны предшествовать курсу источниковедения истории Беларуси. На следующем этапе в сочетании с указанным курсом мог бы появиться курс «Методы исторических исследований», а завершать обучение (тогда еще пятилетнее) на 4–5-м курсах предполагалось изучением источников в процессе специализации студентов [55].

Таким образом, через изучение источниковедения у студентов в рамках методологического курса должно было формироваться аналитическое историческое мышление, затем – синтетическое и на завершающем этапе – синкретическое (направленное на образное изображение исторической реальности как целого, связанное с производством исторических концептов [53]) историческое мышление, которое применялось бы на практике в специальных исследованиях.

Предложенную концепцию стал реализовывать профессор С. Н. Ходин (при поддержке выпускника Московского историко-архивного института и ученика С. О. Шмидта доцента М. Ф. Шумейко) после перехода в 1995 г. на кафедру источниковедения и музееведения. В это же время на факультете источниковедение начало преподаваться в виде двух последовательных курсов: «История и теория источниковедения» (для историков во 2-м семестре 1-го курса, для архивистов и музееведов в 1-м семестре 2-го курса) и «Источниковедение истории Беларуси» (для историков с 1-го семестра 2-го курса, для архивистов и музееведов – со 2-го семестра 2-го курса). Первоначально второй из курсов читался два семестра, но затем был сокращен до одного семестра. Параллельно с 1-го курса преподавались специальные исторические дисциплины, а на последних курсах – методология истории и история исторической мысли. Для учебно-методического обеспечения курсов источниковедения на профильной кафедре были подготовлены соответствующие учебные

пособия [3; 56–58]. Впоследствии два самостоятельных курса были объединены в один, состоящий из двух частей. Последние нововведения в образовательных стандартах и учебных планах произвели небольшие изменения курса для указанных специальностей: дисциплина стала преподаваться архивистам (а также новой специальности «управление документами») с 1-го семестра 1-го курса, историкам – с 1-го семестра 2-го курса. Для музееведов курс был сокращен до одного семестра на 1-м курсе. Несмотря на изменения по курсам обучения, его основная идея продолжает сохраняться: в начале обучения студенты получают навыки источниковедческой критики, необходимые для понимания того, как создаются исторические построения, а также для проведения самостоятельных исследований.

Если не учитывать то, что в последние годы сокращаются часы, отведенные на изучение истории исторической мысли, то складывается картина системного формирования исторического мышления у обучаемых в лучших классических традициях. Однако возникает вопрос: достаточно ли этого для современного историка? Усиливавшаяся на протяжении всего XX в. критика классического типа научной рациональности к концу столетия проникла и в историографию. Еще в 1960-е гг. английский историк Э. Х. Кэрр обрушился с критикой на своих коллег, пытающихся создать «окончательную историю» (имея в виду Л. фон Ранке), обвинив их в «фетишизме фактов и документов»: «Документы были алтарем в храме фактов. Преподобный историк приближался к ним со склоненной головой и говорил с ними в благоговейных тонах. Если вы нашли это в документах, это так и есть» [59, с. 18]. Некоторые консерваторы, такие как А. Марвик, в этих замечаниях видели пример невладения методами источниковедческой критики [50, с. 155]. Однако следует отметить, что непосредственно в книге А. Марвика параграф о критике называется «Катехизис историка».

Еще более радикально содержание деятельности историка пересмотрели представители лингвистической (структуралистской и постструктуралистской) философии, а также их сторонники из числа историков (соответственно Р. Барт и М. де Серто, а также Ф. Р. Анкерсмит, А. Манслоу, Х. Уайт и др.). Было отмечено, что в историческом дискурсе значение создается не самими фактами, а способами их представления, структурой повествования, обусловленной идеологической позицией автора: «...само несовершенство повество-

вательной структуры у Геродота (образуемой отдельными рядами фактов, лишенными завершения) в итоге отсылает к определенной философии Истории, а именно к идеи подвластности мира людей закону Богов; точно так же и у Мишле очень жесткая структуризация отдельных означаемых, артикулированных в форме оппозиций (на уровне означающего – антитез), имеет своим окончательным смыслом манихейскую философию жизни и смерти. В историческом дискурсе нашей цивилизации процесс значения всегда нацелен на «наполнение» смысла Истории: историк собирает не столько факты, сколько означающие и излагает, то есть организует их, стремясь установить какой-либо позитивный смысл и заполнить пустоту чистой серийности» [60, с. 368].

Таким образом, историк имеет дело не с фактами – референтами, а с означающими (материальная сторона знака, значение которой устанавливается в процессе употребления), которыми он оперирует с целью создать референциальную иллюзию (т. е. смешение референта с означаемым, содержательной стороной знака). «Как и всякий дискурс, претендующий на “реализм”, дискурс историка в своем воображении ведает лишь двучленную семантическую схему – референт и означающее... Другими словами, в “объективной” истории “реальность” всегда представляет собой лишь неформулируемое означаемое, скрывающееся за кажущимся всемогуществом референта» [60, с. 369]. Если перенести идеи Р. Барта в плоскость источниковедения, то источник в работе историка служит инструментом создания «эффекта реальности», к которому западная цивилизация особо привержена, «что подтверждается развитием таких специфических жанров, как роман, дневник, документальная литература, хроника происшествий, исторический музей, выставка старинных вещей, а в особенности массовое развитие фотографии, чья единственная отличительная черта (по сравнению с рисунком) – именно обозначение того, что изображенное событие действительно имело место» [60, с. 370]. Очевидно, что Р. Барт приводит ряд жанров, которые выводят нас к основным видам исторических источников. Таким образом, постструктураллистская критика показывает, что никакой источник не заменяет прошлого и не является его объективным представителем. Это следы, но в другом, деконструктивистском понимании термина – не материальное присутствие прошлого, а, напротив, указание на его отсутствие. Для понимания и использования этих идей необходимо развитие другого

типа мышления – так называемого постмодернистского (субъективистского, релятивистского). К нему невозможно перейти сразу на 1–2-м курсах обучения, на которых сейчас преподается источниковедение. Для этого нужно освоить курс философии, и, как показывает практика, слишком раннее знакомство с постмодернистской философией скорее деформирует, чем развивает мышление обучаемых, формируя нигилизм вместо релятивизма. Это значит, что существует необходимость в какой-то форме повторного обращения к дисциплине источниковедения в завершающих фазах обучения для деконструкции классической модели мышления. Однако на этом этапе возникает другая проблема – укрепившаяся косность мышления и нежелание обучаемого отказываться от уже усвоенной и гораздо более простой модели.

В постсоветском гуманитарном пространстве существенное влияние на историческое мышление оказал распад СССР и развенчание его идеологии, что привело к тотальному и необоснованному отвержению частью научного сообщества всей марксистской научной методологии (и даже всего, что с ней ассоциировалось) в целом. В итоге в некоторой опале оказались и классические методы источниковедческого исследования. В качестве альтернативы группа российских историков из РГГУ (в прошлом Историко-архивного института) во главе с О. М. Медушевской предложила обратиться к наследию А. С. Лаппо-Данилевского, представив свое видение «нового статуса источниковедения в системе гуманитарных наук» и «нового подхода к преподаванию источниковедения» в учебном пособии «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории» [61], много раз переизданном, но оказавшем некоторое влияние и на белорусские учебники. Учебное пособие как раз предназначалось для аспирантов. Данный подход, поддержанный и активно развивающийся в настоящее время М. Ф. Румянцевой в Высшей школе экономики (ВШЭ)¹, известный также как научно-педагогическая школа источниковедения, набирает популярность, хотя и не остается без критики². Некоторыми авторами он позиционируется как

¹ Там же была подготовлена и переработанная версия указанного учебного пособия [62].

² Более подробно об этом см., например, дискуссию в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета», иницииированную М. Ф. Румянцевой в 2023 г. [64, с. 55–105].

неоклассический стиль исторического мышления и оценивается как критический, реалистско-синтетический [53; 63, с. 21–22], задачей которого является преодоление позитивистского мышления и оппозиция постмодернистскому.

В упомянутом российском учебнике авторы во введении привели мысль о том, что старое определение («все, откуда можно получить информацию о развитии общества») не выявляет природу исторического источника, поэтому в новом пособии «исторический источник рассматривается как произведение, созданное человеком, как продукт культуры» (отсылка к А. С. Лаппо-Данилевскому). Различия в определении, по мнению авторов, «имеют глубокую методологическую основу», суть которой можно передать следующим образом: «Первое определение исходит из посылки инвариантности исторического прошлого, его осуществленности в определенных формах, что заставляет сделать прошлое объектом исторического познания. Генеральным методом такого познания является все более и более точное моделирование этого единственно возможного прошлого. Мы же понимаем историческое прошлое как реконструкцию. В ее основе – диалог сознания (и психики в целом) исследователя с сознанием (и психикой) людей, живших прежде. Диалог начинается с понимания “другого” (человека прошлого), объективной (овеществленной) основой чего и является “реализованный продукт человеческой психики” – исторический источник. Именно он позволяет в ходе интерпретации перевоспроизвести “одушевленность” (психику, индивидуальность) своего творца» [61, с. 9–10].

Такой подход в понимании источника ведет к изменению в понимании метода источниковедения. Вместо марксистской парадигмы, в которой исторический источник рассматривается как хранилище фактов, нужных историку для выстраивания (реконструкции) инвариантного прошлого, предлагается источниковедческая парадигма, восходящая к наследию А. С. Лаппо-Данилевского, где «рассматриваются не только соотношение источника и действительности, но и взаимодействие познающего субъекта и источника при взаимосвязанном анализе этих аспектов» [61, с. 10–11]. Также эта источниковедческая концепция призвана дать ответ на постмодернистский вызов, который «ставит много новых эпистемологических проблем, но одновременно размывает в сознании исследователей границы строго научного гуманитарного знания» [61, с. 11]. Новый метод позволяет изучать исторические источники как совокупность

произведений, созданных в ходе исторического процесса. В итоге источниковедение становится «антропологически ориентированной парадигмой новой исторической науки, охватывающей, по существу, все стороны истории и функционирования культуры» [61, с. 12]¹.

Обратив внимание на эту новую эпистемологическую систему (или метод, парадигму, концепцию, строгую науку), можно заметить, что совокупность объективных фактов прошлого в ней заменяется совокупностью исторических источников и создается реконструкция вместо реконструкции. При этом кажется, что авторы упустили из виду то обстоятельство, что сам по себе источник – это абстракция, аналитическая конструкция, создаваемая исследователем, пытающимся объективировать знание о прошлом (познание прошлого). Судя по всему, это была лишь попытка вырваться из позитивистской парадигмы, сохраняя при этом позитивистское (даже скорее ньютоновское) мышление или, по крайней мере, позитивистскую уверенность в существовании внешней по отношению к субъекту познания, независимой от него и принципиально познаваемой действительности, если не «вещной», то «сознательной». В результате получается труднопереваримый обучаемыми коктейль из отвергаемого на словах, но принимаемого на деле первого позитивизма и неокантианства А. С. Лаппо-Данилевского в интерпретации О. М. Медушевской. При этом игнорируется то обстоятельство, что А. С. Лаппо-Данилевский писал свои работы в то время, когда структурная лингвистика еще только создавалась Ф. де Соссюром, и остается за пределами внимания обоснованное с тех пор этой дисциплиной (а также позитивизмом, развившимся в лингвистическую философию) существование между нами и прошлой действительностью как таковой и действительностью сознания людей прошлого непрозрачного медиума в виде языка. Источник из «хранилища фактов» превращается в фетиши. Фетишизм

¹ В учебнике ВШЭ указанная линия на представление источниковедения как «философского камня» продолжается: «Современное источниковедение принципиально полидисциплинарно, оно обращается ко всей совокупности произведений культуры с целью понимания Другого (человека, социума, культуры). <...> Его предмет – исторический источник, понимаемый как культурный феномен, как продукт творчества человека в широком смысле» [68, с. 7]. Источниковедение предстает как «универсальный метод обращения к произведениям человека / продуктам культуры для любых гуманитарных и социальных наук» [68, с. 7].

фактов заменяется фетишизмом источников, но принципиально это ничего не меняет.

Если прояснить данную систему, освободив от путаницы в терминах¹, ее можно свести к оппозиции двух (из трех) базовых типов исторического познания, выделенных А. Манслоу: реконструкции и конструированию [65, с. 18–19]². То, что российские историки называют реконструкцией сознания людей прошлого с учетом сознания исследователя, примерно соответствует тому, что А. Манслоу назвал конструированием, а «выстраивание инвариантного прошлого» – действительной реконструкции. При этом третий тип – деконструкция, основанная на современных лингвистических методах, – сразу отвергается как «постмодернистский вызов».

Такой подробный разбор истоков концепции научно-педагогической школы источниковедения представляется необходимым, поскольку в российской исторической науке она, хоть и не являясь единственной, в последние десятилетия набирает все больший авторитет. С учетом тесной интеграции наших государств на самых различных уровнях можно ожидать, что ее влияние будет все в большей степени распространяться и на систему преподавания источниковедения в Беларуси. Безусловно, положительное значение указанной концепции в том, что она предполагает необходимость упоминавшегося второго уровня в освоении данной дисциплины, выходящего на общие проблемы гуманитарного познания, и ставит источниковедение в центр деятельности историка (что далеко еще не всеми разделяется). Однако выбор между разными типами исторического мышления, который необходимо формировать на втором уровне обучения, – неклассическим и неоклассическим – еще предстоит сделать.

¹ Реконструкцией называются и предлагаемый новый метод [68, с. 9], и позитивистская реконструкция [68, с. 10], т. е. воссоздание, в отношении которой также употребляется метафора «выстраивание», что на уровне основного значения ближе к конструированию или созданию исторического познания.

² Кратко три типа исторического познания в их отношении к источникам можно представить следующим образом: через источники мы имеем прямой доступ к истинной реальности прошлого; через источники мы имеем доступ к реальному прошлому, опосредованный идеологической, аксиологической, методологической и другими установками авторов источников и нас самих; реальность прошлого создается языком источников.

Глава 2

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ПРОЦЕССОВ

2.1. Методологические проблемы источниковедения историографии

В современной научной литературе под историографией часто понимают или историческую науку в целом, в конкретной стране или определенных временных рамках, когда говорят, например, о тенденциях современной историографии, или круг исторической литературы по определенной теме, иначе, историю изучения вопроса. Однако в середине XX в. сложилось новое, научоведческое наполнение этого термина: историография – это история исторической науки.

Становление историографии как специализированной области исторических знаний наблюдалось в СССР в 1960-х гг., что нашло отражение в фундаментальных исследованиях, в которых были обобщены итоги ее развития [66]. Это составило основу для определения информационной базы и методов работы с типичными для историографии источниками; закономерным шагом также стало определение изучаемой ею объектной области. Первоначально был предложен широкий подход к границам объектной сферы историографии. В начале 1960-х гг., когда историография только начинала свое конституирование в качестве самостоятельной сферы научных знаний, А. М. Сахаров высказал убеждение, что она имеет «свой предмет, свою проблематику, свои приемы исследования и обобщения материала, которые вытекают из общих принципов марксистско-ленинской методологии изучения исторических явлений и процессов» [67, с. 22]. Со временем, по мере освоения основной совокупности историографических фактов, включающих тексты для интерпретации, аргументы и выводы, которые содержались в них, а также события, непосредственно или косвенно связанные с развитием исторической мысли, исследователи до конца 1980-х гг. решили первую методологическую проблему историографии – обозначили ее объект

и предмет. Об этом может свидетельствовать вывод, сделанный С. О. Шмидтом в одной из статей того времени, где подчеркивалось следующее: «Работа в области историографии в последние годы убеждает в том, что утверждается более широкое понимание этого предмета. Становится все более понятным, что историю исторической науки (и шире – развития исторической мысли, исторических знаний) нельзя сводить ни к концепциям (особенно глобально-методологического характера или открыто политической направленности), ни к деятельности только виднейших ученых-исследователей, создателей научных школ, крупных организаторов науки, знаменитых влиятельных публицистов (философов, литературных критиков или политических деятелей), ни к изучению немногочисленных произведений, которые оказывают влияние на следующие поколения» [68, с. 84]. Таким образом, к объекту историографии были отнесены любые историографические факты, включавшие работы, созданные разными авторами и посвященные событиям прошлого.

Параллельно с решением указанной исследовательской задачи естественным образом возникла еще одна методологическая проблема. Сущность ее была в необходимости формирования собственной методики анализа текстов, содержащих ретроспективную информацию. Работа усложнялась тем обстоятельством, что наряду с определением фундаментальной базы для объективного изучения источников существовала потребность установления возможности ее прикладного использования применительно к летописям, публицистическим произведениям, которые содержали специально подготовленную часть в виде исторических фактов, и научным трудам в точном понимании этого понятия. Познавательная модель, которую следовало создать, должна была иметь универсальный характер, чтобы преодолеть возможный субъективизм во время восприятия определенных конкретных исследований и содержащейся в них информации. По сути, речь шла о формировании методологии историографии как специальной исторической дисциплины. Уже к концу 1970-х гг. был подготовлен ряд обобщающих работ в этой области. Н. Н. Маслов, который был автором одной из них, сделал вывод о том, что, кроме философской базы в виде диалектического и исторического материализма, «еще одним компонентом методологии истории является ее теория или, более конкретно, те специфические исторические категории и закономерности, которые входят в определение предмета исторической науки и, значит,

выступают целью исторического исследования. Будучи познанными и сформулированными, эти теоретические положения содержатся в методологическом арсенале исторической науки в качестве познавательных, регулятивных принципов и правил» [69, с. 9–10]. Очевидно, что при формировании когнитивной модели для развития источниковедения историографии советские ученые в конце 1970-х гг. могли опираться только на позитивистский подход и оценивать историографические источники лишь с точки зрения их соответствия господствовавшей тогда партийно-государственной идеологии. Однако наряду с неизбежными штампами, которые возникали при этом, для экспертной оценки создаваемых текстов, несомненно, уже имелись в виду и использовались в качестве триады оценочных факторов такие критерии, как: 1) презентативность источников, которые использовал историк; 2) обоснованность методики их анализа; 3) соответствие сформулированных выводов точным информационным данным.

Многочисленность историографических источников, которые анализировались, стали основанием для возникновения третьей методологической проблемы источниковедения историографии – классификации историографических источников по признаку их создания. Для преобладающих в составе базы источников научных произведений целью их написания являлось и является формирование объективных представлений о разных событиях прошлого. О постановке данной проблемы свидетельствуют включенные в структуру и содержание историографических источников текстовые элементы, которые выступают результатом осуществленной конкретными авторами исследовательской работы. В первую очередь к их числу относятся сведения о проведенной работе по выявлению презентативного комплекса документов и других материалов, которые поддаются верификации, по конкретной теме, их отборе и систематизации на основе научно обоснованных критерииев, а также формировании логично обоснованных, причинно-следственных связей между содержанием данных и выводами об их значении для развития исторического процесса.

Решение проблемы классификации и последующей за ней типологизации историографических источников стало базой для постановки и разрешения методологической проблемы достоверности историографических источников. Так, А. М. Сахаров давал следующую рекомендацию специалистам-историографам: «Знания

становятся наукой с началом исследования материала, формирования теории познания, критики исторического материала. При этом нельзя руководствоваться формальным признаком для отнесения тех или иных работ к научным – дело совсем не в объеме базы источников и тем более не в профессиональной принадлежности автора к ученым историкам. Критерий здесь иной, а именно – глубина научного осмысливания исторического явления и процесса» [70, с. 99]. С точки зрения решения рассматриваемой методологической проблемы данная рекомендация сводилась к отождествлению признаков научности и достоверности для историографических источников, поскольку получение объективных представлений о разных исторических событиях является генетическим признаком полной или частичной принадлежности создаваемых текстов к точным. С другой стороны, эта рекомендация давала возможность относить к достоверным любые произведения, интерпретирующие содержание и значение разных исторических периодов с достаточной степенью глубины, которая выступала в качестве верифицирующей категории.

Для своего времени рекомендация, высказанная А. М. Сахаровым, безусловно, была актуальной. Однако в современных условиях существуют широкие границы для определения феноменологических качеств объектов историографического нарратива. Благодаря им решение проблемы достоверности историографических источников может быть обеспечено не только в рамках традиционной дихотомической модели «источник – факт».

2.2. Историография периода оттепели в Белорусской ССР (1953–1968)

Период оттепели получил неоднозначную, порой противоречивую интерпретацию в трудах историков, литературоведов и искусствоведов. Во время нахождения Л. И. Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС данный период практически выпал из внимания отечественных исследователей, что было связано с замалчиванием личности Н. С. Хрущева. В результате ряд сложных проблем периода оттепели и прежде всего его характеристики в целом оказались вне поля зрения историков. Официально считалось, что все необходимые

оценки уже были даны Пленумом ЦК КПСС в октябре 1964 г. В рамках партийного заказа ученым рекомендовалось не акцентировать внимание на ошибках и недостатках хрущевского времени, а использовать исторический материал для доказательства правильности курса на построение коммунистического общества в СССР. По нашим подсчетам, в 1969–1987 гг. различные стороны этого процесса были рассмотрены на страницах 7 докторских и 116 кандидатских диссертаций, подготовленных белорусскими историками [71, с. 31–95].

Аналогичным образом с классовой точки зрения изучение рассматриваемого периода осуществлялось в контексте написания пятого тома «Истории Белорусской ССР». Авторский коллектив издания, состоявший в основном из научных сотрудников Института истории АН БССР (Е. П. Белязо, Ю. А. Василевская, С. Д. Войтович, И. Е. Марченко и др.), разделил собранный материал на две части. Первая часть «Трудящиеся БССР в борьбе за построение развитого социалистического общества» охватывала 1945–1958 гг., вторая часть «БССР в период развитого социализма и строительства коммунизма» – 1959–1975 гг. Таким образом, период оттепели был разделен на две части, которые определялись пятилетними планами развития народного хозяйства. Авторы тома в данном случае ограничились такими темами, как улучшение работы советов и усиление роли общественных организаций, движение коллективов и ударников коммунистического труда, развитие промышленности республики, ускорение темпов научно-технического прогресса, развитие торговли и бытового обслуживания, расширение связей с зарубежными странами, укрепление социальной и культурной сфер [72].

Во второй половине 1980-х гг. социализм, построенный в СССР, был признан деформированным, казарменным, командно-административным. В рамках этого подхода хрущевская оттепель стала рассматриваться как первая попытка очистить социализм от нехарактерных для него деформаций в политической, идеологической и социально-экономической сферах. Особое внимание уделялось кампании по разоблачению культа личности Сталина.

В 1992 г. появился первый государственный исторический нарратив, где история Советской Белоруссии рассматривалась не с классовых, а с национально-государственных позиций. Несмотря на то что периоды оттепели и застоя рассматривались в издании «История Белорусской ССР: в 5 т.» в разделе «От попыток реформирования

к кризису административно-командной системы», авторы В. В. Григорьева, И. Е. Марченко, В. И. Новицкий, Г. Г. Сергеева изучали их отдельно. Первый период, в отличие от второго, был представлен преимущественно в положительном ключе, о чем свидетельствуют названия разделов: «Политическая оттепель и отход от нее», «Положительные и отрицательные явления в образовании, науке и культуре», «Изменения и распространение застойных явлений в экономике», «Зарубежные связи: достижения и просчеты». Отдельный параграф был посвящен социальному положению населения [73, с. 373–419].

Национально-государственный нарратив получил развитие в издании «История Беларуси: в 6 т.», где период оттепели впервые стал объектом всестороннего, взвешенного и сбалансированного анализа в разделе шестого тома «БССР в период попыток реформирования советской системы (вторая половина 1950-х – 1970-е гг.)». Его авторы Л. М. Лыч, В. И. Новицкий, А. Н. Сорокин, А. М. Сасим, В. Г. Шадурский проанализировали противоречивые и незавершенные процессы в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни БССР в указанное время, дали оценку их позитивным и негативным последствиям. В частности, они показали разоблачение культа личности Сталина, реабилитацию жертв репрессий, попытки демократизации общества, расширение международных связей, экономику в условиях реформирования, материальное положение народа, его этническое и социальное развитие, процессы денационализации, а также борьбу с религией [74, с. 191–357].

Как самостоятельный исторический период, способствовавший усилению субъектности республики, оттепель рассматривалась в пятом томе «Истории белорусской государственности». Параграфы «Социально-политические преобразования» (1954–1965 гг.) и «Система государственной власти и управления» (1954–1964 гг.) были подготовлены Н. В. Барабаш, В. Г. Мазцом, Н. Б. Нестеровичем [75, с. 48–117]. Упомянутые работы имеют один общий недостаток: ограниченность и противоречивость социальных преобразований объясняются в них главным образом недостатками Н. С. Хрущева как политика-реформатора.

Кроме нескольких монографий, отечественная научная литература, относящаяся к данной теме, представлена преимущественно в виде малых форм: небольшие параграфы в обобщающих трудах,

отдельные статьи в журналах и сборниках материалов конференций. В соответствии с проблемно-хронологическим принципом указанную литературу можно разделить на несколько блоков.

В первый блок входят работы, раскрывающие процесс десталинизации в Советской Белоруссии. События траурных дней марта 1953 г. реконструировал В. Л. Король [76]. И. С. Каштелян исследовала разрушение сталинского мифа в коллективном сознании жителей БССР на фоне общей моральной и культурной деградации тоталитарного общества [77]. Попытки развенчания культа в рамках процессов десталинизации в белорусском обществе в период хрущевской оттепели были изучены В. И. Новицким [78].

Исследование процесса реабилитации жертв массовых политических репрессий в БССР было инициировано историком-архивистом В. И. Адамушкой. В 1994 г. на фоне повышенного общественного интереса ко времени сталинского террора и реабилитации его жертв он опубликовал монографию «Политические репрессии 20–50-х годов в Белоруссии». Восстановлению имен незаконно репрессированных посвящена отдельная глава «Реабилитация невиновных», где концептуальное осмысление проблемы сочетается с углубленным изучением новых первоисточников [79, с. 139–145]. С. Н. Хомич связал процесс разоблачения сталинских репрессий с борьбой за власть, развернувшейся в высшем руководстве СССР в середине 1950-х гг., а также с молчаливым сопротивлением этому процессу со стороны номенклатуры среднего звена [80]. И. Н. Романова предложила периодизацию реабилитации жертв политических репрессий, показала механизмы этого процесса, а также его ограниченный характер в годы хрущевской оттепели [81].

Следующий блок работ белорусских исследователей раскрывает своеобразие экономического развития республики в позднесоветский период. Развитие промышленности Белорусского экономического района в годы хрущевских реформ и преобразований рассматривал А. М. Сасим. Он проанализировал последствия введения в ходе реформ управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. территориального принципа управления. В монографии А. М. Сасима анализируется эволюция системы управления, а также рассматриваются достижения и неудачи отечественной промышленности в новых условиях [82, с. 21–109]. Ряд страниц монографии Н. В. Смеховича посвящены особенностям реализации государственной аграрной политики в Белорусской ССР в хрущевское

десятилетие. В частности, он рассматривает такие явления, как укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, его специализацию, комплексную механизацию, мелиорацию земель, а также состояние трудовых ресурсов [83, с. 104–360].

Проблему активизации контактов жителей Белорусской ССР с гражданами зарубежных стран во второй половине 1950-х – 1960-е гг. затрагивали в своих работах исследователи истории международных отношений. Так, В. Г. Шадурский изучал то, как осуществлялся обмен делегациями и культурными достижениями в области литературы, кино, театра и изобразительного искусства в годы холодной войны [84, с. 63–146]. И. М. Авласенко показал, как открывали для себя Запад белорусские писатели и как формировался его образ в белорусском обществе посредством художественного слова [85, с. 136–187]. Г. Ф. Шаповал предложил взгляд на возникновение массового международного туризма в середине XX в. в контексте истории туризма в Беларуси [86, с. 109–122, 141–151]. Причины, условия и количественные данные депатриации польского населения из БССР в Польшу во второй половине 1950-х гг. исследовал в своей монографии А. Ф. Великий [87].

Одной из наиболее изученных тем историографии хрущевской оттепели в БССР является антирелигиозная кампания конца 1950-х – первой половины 1960-х гг. [88, с. 263–292; 89, с. 32–54; 90, с. 191, 255, 278; 91, с. 272–304]. В отечественной исторической литературе дается оценка антирелигиозной политики Н. С. Хрущева как десятилетия гонений на церковь, жестких притеснений верующих всех конфессий, массового закрытия храмов и молитвенных домов в сочетании с агрессивной антирелигиозной пропагандой [92–96]. Большое количество работ, написанных на эту тему, уже позволило сделать их объектом историографического исследования [97].

Оттепель была временем оживления общественной жизни в республике [98], что, в свою очередь, повлияло на формирование настроений и мыслей, далеких от официальной идеологии. Роль и место инакомыслия в различных социальных стратах через биограммы людей попытался представить в справочниках «Демократическая оппозиция Беларуси. 1956–1991» и «Нонконформизм в Беларуси: 1953–1985» О. И. Дернович [99; 100]. Ряд других авторов продолжили начатые им исследования оппозиционных настроений, зародившихся в условиях переходного состояния советского общества в интеллигентской [101; 102], молодежной [103] и рабочей [104; 105] среде.

У ряда представителей белорусского общества инакомыслие было спровоцировано государственной национальной политикой [106]. Короткая попытка коренизации [107], предпринятая в начале рассматриваемого периода, быстро сменилась мощной волной русификации. Эту волну, а также желание ей противостоять заметили представители белорусской эмиграции [108]. Л. М. Лыч подробно описал процесс ускоренной инкорпорации белорусов в единую советскую нацию, строящую новое коммунистическое общество [109, с. 176–278].

В последнее время появилось несколько работ, где показаны изменения в организации информационного контроля в белорусском обществе в период хрущевской либерализации. Сюжеты, посвященные деятельности белорусского цензурного ведомства (Главлита БССР), а также цензурным практикам в отношении писателей, художников и журналистов, рассматривались как на монографическом уровне [110], так и в научных статьях [111; 112].

В больших метаисторических нарративах культура чаще всего упоминается последней, после описания важных экономических процессов и социально-политических событий, вне ее собственных имманентных качеств и тенденций развития. Это в полной мере относится к периоду оттепели, которую белорусские исследователи еще не осмыслили как самостоятельное культурное явление. Даже в специальных историко-культурных исследованих ее изучение характеризуется фрагментарным и эклектичным подходом [113, с. 427–461]. Первая, не слишком удачная попытка Н. В. Бессольновой рассмотреть оттепель как самостоятельное, стилистически оформленное явление культуры не нашла последователей [114]. Искусство рассматриваемой эпохи как отдельное явление также еще не стало объектом научной рефлексии. В многотомной «Истории белорусского искусства» характеризующий его фактический материал вошел в главу «Искусство 60-х – середины 70-х годов» (авторы: С. Ф. Самбук, П. В. Масленников, П. А. Карнач, В. Ф. Шматов, Э. А. Петерсон, В. И. Жук и др.) [115, с. 10–173]. При этом в последнее время появились исследования, в которых отдельные виды искусства оттепели – изобразительное [116], музыкальное [117] и театральное – рассматриваются в фокусе эпохи [118].

Литература оказала существенное влияние на развитие культуры оттепели. Благодаря писателям-шестидесятникам, вернувшим ориентацию на общечеловеческие ценности, она постепенно стала

моральным барометром эпохи. Новые тенденции, которые стали проявляться в литературе после разоблачения культа личности Сталина, первыми заметили отечественные литературоведы: А. М. Адамович, М. Н. Барсток, М. Г. Ярош [119, с. 94–179]. Радикальные изменения в «изящной словесности» на родине также привлекли внимание представителей белорусской диаспоры, которые отметили отступление молодых писателей от метода соцреализма [120]. В начале текущего столетия произведения белорусских писателей 1960-х гг. стали объектом специального литературного анализа в разделе «Литература периода демократического обновления общества 1956–1965 годов» (авторы: Н. Н. Арочко, П. К. Дюбайло, С. С. Лавшук, М. И. Мушинский) многотомника «История белорусской литературы XX века» [121].

Период оттепели существенно изменил повседневную жизнь населения БССР. В основном данные перемены базировались на масштабной программе проектирования, строительства и распределения жилья [122; 123]. Специфику быта жителей белорусских городов и сел в рассматриваемое время освещали В. А. Белозорович, Л. М. Михальчук и Е. В. Сумко [124–127]. Ю. А. Бокун [128] сделала объектом своего исследования студенческую жизнь БГУ.

Новый ракурс видения противоречивого пятнадцатилетия, начало которого было обозначено смертью Сталина, предложила Н. А. Голубева в биографической книге «Кирилл Мазуров. О чем молчало время...» [129]. Здесь впервые на основе неизвестных ранее стенограмм закрытых пленумов и съездов КПБ, а также дневниковых записей и неоконченных воспоминаний сделана попытка рассмотреть деятельность руководителя республики. В книге по-новому представлено то время, когда К. Т. Мазуров, будучи председателем Совета Министров БССР (1953–1956) и первым секретарем ЦК КПБ (1956–1965), осуществлял экономическое и политическое руководство республикой.

Важным шагом в изучении периода оттепели стала работа немецкого историка Р. Айнакса «Десталинизация по-белорусски: преодоление кризиса, социально-экономическая динамика и социальная мобилизация в Советской Белоруссии. 1953–1965», которая была опубликована в 2014 г. в серии «Исторические исследования Беларусь», инициированной в Гиссенском университете. Как следует из названия, автор углубленно анализирует изменения в белорусском обществе через призму его освобождения от сталинского наследия. В центре изучения этой проблемы стоят вопросы разоблачения культа личности, реабилитации незаконно репрессированных, либе-

рализации общественной жизни. В отдельном разделе монографии Р. Айнакс остановился на процессах индустриализации, урбанизации и связанной с ними русификации как ключевых факторах формирования белорусской советской идентичности. Вопросы функционирования общества и повседневной жизни населения в данное время рассматриваются автором с помощью таких оригинальных первоисточников, как надписи жителей БССР на избирательных бюллетенях. Подводя итоги, Р. Айнакс характеризует вторую половину 1950-х – первую половину 1960-х гг. как важное время социально-экономических преобразований, в результате которых БССР превратилась в экономически успешную и глубоко интегрированную республику в составе СССР [130].

Две работы, подготовленные в Гиссенском центре исследований новейшей истории Беларуси, затрагивают отдельные аспекты социальных изменений в период хрущевской оттепели. Первая из них написана основателем центра Т. Боном и посвящена развитию белорусской столицы после Второй мировой войны, в том числе в 1950-х и 1960-х гг. [131]. Во второй работе дефицит жилья как одно из последствий форсированной урбанизации БССР раскрывается через призму обращений жителей Советской Белоруссии к властям. Несмотря на определение хронологических рамок работы «развитым социализмом», ее автор Ю. Мюльбауэр использовал материал, относящийся к более раннему времени [132].

Таким образом, анализ научных публикаций, посвященных социально-экономическому, политическому и культурному развитию БССР в период оттепели, позволяет сделать вывод, что в современной исторической науке данная тема находится в поле зрения исследователей. Это обусловлено значением масштабных перемен, произошедших в жизни широких слоев белорусского советского общества в 1953–1968 гг. Общим для большинства работ является утверждение о «смягчении нравов» советского общества, развитии в нем гуманистических тенденций в условиях повышения культурного и образовательного уровня населения. Современные отечественные исследователи на основе разнообразных исторических источников подробно и объективно изучают различные стороны жизни белорусского общества. Тем не менее в новейшей отечественной исторической науке отсутствует фундаментальный труд, посвященный преобразованию БССР в эпоху хрущевской оттепели.

2.3. Исследования по истории советско-польских отношений в СССР в межвоенные годы как историографический источник: проблема умолчания

Одна из проблем историографических исследований, которая активно разрабатывается в последнее время, – это источниковедение историографии. Его предметом выступает порождение и функционирование историографического источника в научном познании [133, с. 203]. Под историографическими источниками понимаются, как правило, те исторические источники, которые несут информацию о процессах, происходящих в исторической науке и условиях ее функционирования [62, с. 507]. Таким образом, исторический источник, вовлекаемый в процесс историографического исследования, становится историографическим источником. В качестве одной из основных групп историографических источников выделяются труды историков. В современной историографии по отношению к ним применяется понятие основных, или опорных, историографических источников [134, с. 22–23]. Также в качестве историографических источников выступают публицистические труды, которые в рамках современных исследовательских подходов рассматриваются как часть историографии.

Важнейшим объектом анализа историографического источника является оценка его информативности для решения поставленной исследовательской задачи и определения достоверности и полноты содержащейся в нем информации. Сделать вывод относительно данных характеристик историографического источника невозможно без выявления его природы, понимания автора и исторической культуры того времени. Социальная среда, сформировавшаяся под воздействием исторической культуры, во многом определяла те цели, которые преследовал автор исторического нарратива при его создании, а соответственно, и набор фактов, которые содержит этот нарратив.

Если рассматривать исторический нарратив как историографический источник, то при его анализе возникает вопрос о полноте отражения того исторического явления, которое было предметом

исследования автора. При этом неполнота отражения прошлого может быть связана с умолчанием автором исследования отдельных его аспектов. Для современных историографических исследований характерно не только изучение информации, которая присутствует в историографическом источнике, но и выявление сведений, которые по тем или иным причинам не нашли в нем отражения [135, с. 28]. В данном исследовании нашей целью является определение того, в какой степени фактор умолчания влиял на содержание советско-исторического нарратива межвоенного времени, посвященного советско-польским отношениям. При этом можно вести речь как об объективном умолчании, явившемся следствием недостаточного количества исторических источников, которые находятся в распоряжении историка, так и о преднамеренном умолчании, связанном с субъективным подходом историка, обусловленным прежде всего его идеологической позицией.

Обращаясь к проблеме возникновения советско-польской войны, советская межвоенная историография отмечала роль Антанты в этом процессе. Считалось, что она выступала той силой, которая подталкивала Польшу к военному конфликту с Советской Россией [136, с. 88; 137, с. 10]. При этом полностью игнорируется факт сдержанного отношения правящих кругов стран Антанты к польской экспансии на восток. В частности, замалчивалась позиция стран Антанты, в рамках которой отстаивалось проведение восточной границы Польши в соответствии с этническим принципом. Данное умолчание относительно позиции стран Антанты вело к формированию в советской историографии концепции, рассматривавшей польско-советскую войну как часть походов Антанты против Советской России [138, с. 6–8], которая не имела под собой серьезной источниковской базы [139, с. 112], т. е. фактически к искажению сути советско-польского конфликта.

Перечень тех исторических явлений и событий, которые умалчивались в советской историографии, на протяжении межвоенного периода изменялся. Примером может служить проблема мировой революции в советско-польских отношениях. В начале 1920-х гг. Ю. Мархлевский отмечал, что надежда на скорую мировую революцию, которая должна была уничтожить все границы, являлась главной причиной готовности советского правительства идти на территориальные уступки Польше. Фактором, который должен был «подтолкнуть» революцию в Польше, признавалась Красная армия [140, с. 13, 21–24]. В конце 1930-х гг. упоминание о советизации

Польши как цели военной кампании 1920 г. исчезает из советского исторического нарратива [141, с. 43–44].

В объект замалчивания также со временем превратились переговоры Ю. Мархлевского с представителями Ю. Пилсудского в 1919 г. В начале 1920-х гг. они являлись одним из сюжетов советской историографии. Отмечалось, что в ходе данных переговоров фактически было достигнуто соглашение о перемирии [142, с. 13]. Затем ситуация изменилась, и в 1930-е гг. это событие исчезло из нарратива советских исследователей.

Ярким примером умолчания в историографических источниках являются работы 1930-х гг., посвященные Варшавской битве. В предыдущие годы советские историки вели дискуссии относительно причин поражения Красной армии на Висле. С середины 1930-х гг. Варшавская битва перестала упоминаться как событие польско-советской войны, тем более – поражение в ней Красной армии. Так, Л. Ломов ограничивается относительно хода военных действий в 1920 г. следующей констатацией: «Разбив войска польских интервентов, Советское государство добилось решения всех основных задач» [138, с. 13]. В работе «Фашистская Польша в тупике» отмечалось, что Красная армия отбросила поляков далеко вглубь Польши, вплоть до Варшавы, и «в результате этого поражения Польша вынуждена была подписать с Советской Россией мирный договор» [143, с. 10].

Фактор умолчания отчетливо прослеживается в историографических источниках, отражающих ход советско-польских переговоров в Риге. Примером этого является полное отсутствие упоминания проблемы участия в рижских переговорах белорусских представителей, будь то Белорусская народная республика (БНР) или БССР. Между тем современные исследования и источники свидетельствуют, что данная проблема присутствовала в дипломатическом дискурсе советского руководства [144, с. 259]. В данном случае факт умолчания представляется возможным связать в первую очередь с отсутствием доступа исследователей к необходимым источникам, так как обсуждение вопроса об участии белорусских представителей в переговорах отражено прежде всего в дипломатических документах, недоступных в межвоенное время для историков. Этим же фактором, на наш взгляд, можно объяснить и умолчание такого важнейшего аспекта рижских переговоров, как неформальные совещания глав делегаций, на которых вырабатывались важнейшие положения будущего договора.

Рассматривая советский межвоенный нарратив, посвященный развитию советско-польских отношений после Рижского договора, встречаем факты умолчания в историографическом источнике. Сохранение напряженности в советско-польских отношениях в указанный период связывалось исключительно с враждебной политикой правящих кругов Польши по отношению к Советской России [145, с. 193, 194, 207]. При этом полностью замалчивались такие факты антипольской политики СССР, как невыполнение материальных обязательств по Рижскому договору, организация диверсионно-партизанской деятельности на территории Западной Беларуси и Западной Украины, военное сотрудничество с Германией [146, с. 29, 69, 103, 175]. Данные белые пятна в первую очередь объясняются желанием исследователей в максимально благоприятном свете представить советскую внешнюю политику как направленную исключительно на борьбу за мир. Однако при этом необходимо учитывать и недоступность источников, на основе которых можно было бы охарактеризовать указанные аспекты советской политики.

Объектом умолчания советской межвоенной историографии стал ряд аспектов советско-польских переговоров о договоре о не-нападении в середине 1920-х – начале 1930-х гг. Советские исследователи умалчивали о тех элементах в позиции СССР, которые также отрицательно влияли на ход переговоров, прежде всего о германском факторе. Также в советской межвоенной историографии не упоминались попытки возобновления переговоров в августе 1926 г. и в сентябре 1927 г., неофициальный «зондаж» с двух сторон по этому вопросу в начале 1931 г. [147, с. 49–51]. В данном случае будем говорить об объективных предпосылках умолчания, связывая их с недоступностью дипломатических документов для исследователей. А вот то, что в связи с подготовкой советско-польского договора о ненападении в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в советских историографических источниках исчезает такой сюжет, как борьба советской дипломатии с нарушениями прав белорусов и украинцев в Польше [148, с. 120, 121], было вызвано исключительно политической конъюнктурой, нежеланием через акцентирование внимания на данном вопросе создать проблемы в ходе переговоров.

При анализе историографических источников 1930-х гг. прослеживается влияние методологического фактора на появление в них белых пятен. История международных отношений изучалась советскими

историками на основе теории классовой борьбы. Отношения между СССР и капиталистическими государствами рассматривались с точки зрения проявления классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом на международной арене. Соответственно, политика правящих кругов Польши по отношению к Советскому государству определялась их классовыми интересами. Другие факторы, влиявшие на эти отношения, во многом игнорировались [149, с. 50].

В конце 1939 г. – первой половине 1941 г. определяющее влияние на формирование поля умолчания в советской историографии отношений между СССР и Польшей оказывал советско-германский договор о ненападении. Из польской внешней политики исчезли любые позитивные моменты. Отсутствовало даже положение о выраженной готовности Польши противостоять нацистской агрессии в 1939 г., и она превращалась в виновника возникновения Второй мировой войны [150, с. 153].

Таким образом, советский межвоенный нарратив, посвященный советско-польским отношениям, при его рассмотрении в качестве историографического источника демонстрирует многочисленные примеры умолчания при презентации исторического прошлого. Данное явление было обусловлено несколькими факторами. К числу объективных относится прежде всего отсутствие доступа историков к дипломатическим документам как важнейшему блоку исторических источников по проблематике международных отношений. Однако, на наш взгляд, определяющим при формировании белых пятен в историографических источниках являлся социальный фактор. Исторические события актуализировались либо замалчивались авторами в зависимости от политической конъюнктуры. К концу 1930-х гг. отчетливо прослеживается стремление исторической науки представить путь Советского государства на международной арене как исключительный триумф, а в качестве единственной внешне-политической цели – обозначить борьбу за мир. В результате, как справедливо замечает белорусский исследователь В. И. Меньковский, «даже лучшие работы советских авторов... строились на избирательной подаче фактов, рассчитанных на поддержку разрешенных властью выводов» [151, с. 43]. В истории советско-польских отношений в том числе актуализировались те события, которые служили легитимизации власти и росту ее авторитета. Те же события, презентация которых могла иметь обратный для политической элиты эффект, замалчивались.

В свете вышесказанного важным направлением историографического исследования следует рассматривать выявление тех социокультурных условий развития исторической науки, которые обусловили наличие умолчаний и определили их характер. Это наряду с компаративным анализом историографических источников будет содействовать выявлению достоверности и полноты содержащейся в них информации.

2.4. Основные направления западнобелорусской проблематики в польской историографии (конец 1980-х – 2000-е гг.)

В настоящее время среди научного сообщества Польши актуальным является изучение развития западнобелорусской проблематики. На основании этих исследований выделяют современный период изучения западнобелорусской проблематики в польской историографии, который начинается с конца 1980-х и продолжается до 2000-х гг.

Следует отметить, что данный период характеризуется кардинальными изменениями в современных исторических исследованиях благодаря использованию информационных технологий и развитию инструментов и методик исторических исследований. В свою очередь, рассматриваемый период состоит из двух этапов.

Первый этап охватывает конец 1980-х и продолжается до конца 1990-х гг. Он характеризуется попыткой объективной оценки польскими исследователями («объективистами» и «ревизионистами») социально-экономического, этноконфессионального и культурнообразовательного состояния белорусов в Польше в межвоенные годы. Данные вопросы освещены в работах Е. Мироновича [152], К. Гамулки [153; 154], В. Рачковского [155], Р. Вапиньского [156; 157], Я. Е. Милевского [158], П. Эберхарда [159] и др.

Второй этап начинается с 2000-х гг. и продолжается до настоящего времени. В 2000-е гг., кроме обзорных исследований, появляются работы по изучению отдельных направлений западнобелорусской проблематики. Несмотря на существенную разработку данной темы в конце 1980-х гг., польские историки изучают проблемы, характе-

ризующие социально-экономическое развитие Западной Беларуси в 1921–1939 гг., на примере отдельных воеводств, городов и местечек. Изучению отдельных районов и местечек Белостокского воеводства посвящены работы Я. Е. Милевского [158], З. Тамчонка [160] и Б. Чернецкого [161]. Положение сельского хозяйства в межвоенный период отражено в работе В. Вержбинца [162]. Военное осадничество и его роль в развитии аграрного сектора экономики проанализировано в монографии И. Стобняк-Смагаржевской [163]. Экономическая деятельность польских обществ и союзов показана в монографии М. Качпаржека [164].

На рубеже веков расширяется заинтересованность польских и литовских историков в изучении белорусских научных работ. Так, в Белостоке в 2003 г. выходит сборник научных статей «Историки польские, литовские и белорусские о проблемах XX века: историография польская, литовская и белорусская после 1989 г.». В нем содержится статья белостокского историка А. Смолярчика, посвященная польско-белорусской историографии состояния межвоенной образовательной политики на «кресах восточных» [165].

Конфессиональная ситуация в Западной Беларуси также отражена во многих работах польских исследователей конца 1980-х – 1990-х гг. Во-первых, это обобщающие работы по истории католической и православной церкви в Польше, где межвоенный период выделен особо. В работах Т. Владарчика [166], В. Мысляка [167], М. Папержиньской-Турок [168], Б. Кумара [169] рассматривается положение православных белорусов, постоянно проживавших на территории восточных воеводств II Речи Посполитой, и попытка их окатоличивания со стороны польского костела. Во-вторых, это исследования историков С. Вилка [170], М. Мораза [171] и М. Мрудза [172], посвященные взаимоотношениям государственной власти и церкви во II Речи Посполитой. Историки стремились определить, способствовала ли конфессиональная политика интеграционным процессам на востоке страны либо, наоборот, усиливала стремления белорусов к сепаратизму.

В конце 1990-х – 2000-е гг. появляются работы польских исследователей Е. Волкановского [173], Д. Бачковского [174], Е. Томашевского [175] и др., где изучается роль евреев, значительная часть которых проживала в восточных воеводствах, в социально-экономическом развитии II Речи Посполитой. Эта тема является

актуальным направлением исследований польских и польско-еврейских историков в 2000-е – 2010-е гг.

Значительный вклад в изучение социально-экономического положения белорусов в межвоенной Польше был сделан благодаря обсуждению вышеуказанных проблем на страницах «Беларускіх гістарычных сшыткаў» (Белосток).

Отдельно необходимо отметить труды известных белорусских историков Е. Мироновича [176; 177], Я. Е. Милевского [158], Ю. Туронка [178], О. Латышонка [179], В. Слешиньского [180; 181], Б. Смолярчика [165], Е. Волкановского [173], М. Мораза [171], Е. Тамчонка [160], Е. Чиквина [182] и др., которые на протяжении более двух десятилетий проводят научно-практические мероприятия по изучению социально-экономических, этноконфессиональных и культурно-образовательных аспектов положения белорусов в восточных областях Польши в межвоенный период.

Отметим, что общественно-политическая и этноконфессиональная жизнь белорусского населения восточных воеводств II Речи Посполитой, связанная с политикой полонизации и окатоличивания, а также защита конституционных прав населения местными представителями депутатов Сейма, агитационно-пропагандистская деятельность политических партий, патриотическая деятельность трудящихся, крестьянских и молодежных движений являются основными темами исследований современных польских историков в XXI в.

В начале 2000-х гг. белорусский вопрос в планах руководства Польши в межвоенные годы в польской историографии остается актуальным. Особого внимания заслуживает обобщающее исследование этой темы Я. Мироновича «Белорусы в Польше (1918–1949)» [176]. Е. Чиквин в монографии «Белорусское национальное меньшинство как группа населения, которая находится в стагнации» определяет положение белорусского населения в составе национальных меньшинств II Речи Посполитой как наиболее угнетенное и лишенное прав на самоопределение [182].

Важным направлением исследований в работах польских историков является изучение социально-экономических процессов на восточных окраинах польских земель в межвоенный период. Польские исследователи стремятся рассматривать проблему состояния белорусов в составе восточных воеводств межвоенной Польши в позитивном русле. Отношения поляков и белорусов в межвоенные

годы историки Т. Жолендовский [183] и В. Слешинский [180; 181] рассматривают как одну из приоритетных проблем, которая и в настоящее время не теряет своей значимости. Т. Жолендовский отмечает, что проблемы в белорусско-польских отношениях во II Речи Посполитой в межвоенный период были обусловлены ошибочной политикой польских властей, направленной на ассимиляцию белорусов. Таким образом, историк подчеркивает, что в межвоенные годы произошло углубление конфликта между поляками и белорусами, который повлиял на эскалацию вражды в годы Второй мировой войны [183, с. 115–119].

Следует отметить, что польские историки рассматривают данную проблему с разных позиций. Одни, например К. Гамулка, Е. Миронович, П. Эберхард, Б. Смолярчик, В. Слешинский и др., считают белорусов гражданами II Речи Посполитой, национальным меньшинством, представители которого так или иначе оказались в этой стране. Государство по отношению к ним должно было проводить сбалансированную и наиболее благоприятную национальную политику – достаточно лояльную, чтобы не мешать развитию и избегать недовольства, и последовательную, чтобы ограничить тенденции сепаратизма.

Исследователи альтернативного направления, например Я. Е. Мильевский, Т. Жолендовский, Т. Владарчик, В. Мысляк, Е. Чиквин и др., рассматривают белорусов как заведомо угнетенный народ в условиях реализации государственной национальной политики полонизации и окатоличивания национальных меньшинств Польши.

В зависимости от позиции польские историки по-разному оценивают лояльность политики правительства II Речи Посполитой по отношению к национальным меньшинствам. Большинство исследователей полагают, что правительство межвоенной Польши не хотело и не стремилось удовлетворить национальные и социально-культурные устремления белорусов. Например, К. Гамулка отмечает многолетнюю ассимиляцию белорусов польским государством, достигшим в этом процессе заметных результатов [153, с. 119; 154; 184].

Для польской историографии характерно также региональное направление изучения западнобелорусской проблематики (Белостокский университет), а также формирование польской научной исторической школы западнобелорусской проблематики. Исследуется также влияние сталинских репрессий, применяемых против жителей северо-восточных уездов Белостокского воеводства

(поляков, белорусов, русских, евреев) по классовому признаку после объединения с БССР в 1939 г. Данной теме посвящены работы П. Эберхарда [159], К. Гомулки [153; 154; 184], Е. Мироновича [152; 176; 177], М. Гнатовского [185], Я. Е. Милевского [186], М. Вержбицкого [187], Е. Волкановского [173], Ю. Туронка [178], О. Латышонка [179], В. Слешинского [180; 181], Д. Бачковского [174] и других ученых. По вопросам межвоенной истории Беларуси отмечено, что руководство Польши не хотело удовлетворять национальные устремления белорусов, так как выступало против белорусского национализма.

Таким образом, в начале XXI в. польские ученые ведут плодотворную исследовательскую работу по изучению условий формирования и направления развития польской межвоенной экономики. Констатируется то, что период 1921–1939 гг. был не самым успешным временем в экономической истории Польши, а северо-восточные воеводства после присоединения к Польской республике находились на достаточно низком уровне экономического развития по сравнению с западными и центральными воеводствами II Речи Посполитой. Отсюда следует незаинтересованность польского правительства в успешном развитии восточных окраин. Следовательно, политика польского правительства была не столько эксплуататорской, сколько политикой унификации, т. е. приспособления к особенностям развития общепольской экономики ее восточных областей.

2.5. Профессор Александр Гейштор и исследование идеи власти Ягеллонов в Великом княжестве Литовском

Исследования в жанре биографистики в гуманитарной науке часто воспринимаются в качестве вспомогательного, фонового материала для определения предполагаемой степени мотивации и ангажированности автора в той или иной проблематике. Историография среди исторических дисциплин наиболее зависита от соотнесения творчества автора и его жизненного пути и в своем стремлении к систематизации нарративов часто недооценивает персональный вклад ученого в контексте научных школ.

К 100-летнему юбилею профессора А. Гейштора была проведена значительная работа по осмыслению его научного наследия [188], выпущено несколько юбилейных изданий, раскрывающих эту многогранную личность в условиях исторических событий XX в., а также проанализирован процесс методологического роста самого историка [189]. Так, А. В. Любым было исследовано рукописное наследие профессора А. Гейштора, а также его работы по истории биографий Ягеллонов и власти в Средневековье и раннее Новое время [190].

Родился будущий историк в 1916 г. в Москве, в семье выходцев из минской шляхты Александра Гейштора и Варвары из Попелей. Уже в 1920 г. вместе с семьей он эмигрировал сначала на территорию Беларуси (в Минск, затем – Клецк), позже переехал в Варшаву. А. Гейштор являлся выпускником Варшавского университета и Высшей школы хартий в Париже, директором Института истории Варшавского университета и Музея Королевского замка в Варшаве, а также был участником Варшавского восстания и репрезентантом польской исторической науки на международных конгрессах в 1960–90-х гг.

К изучению эпохи Ягеллонов А. Гейштор шел несколько десятилетий. Его идеи и методология исследования текстов источников существенно повлияли на изменения польской историографии во второй половине XX в. А. Гейштор открыл для себя Ягеллонов благодаря исследованию государственной символики и идеологии власти на рубеже Средневековья и раннего Нового времени.

В 1950-е гг. А. Гейштор уделяет много внимания роли династии в развитии государства, формированию символов власти и легитимности, что поднимает его на новый уровень исследования эволюции государственности.

Как сторонник идей французской школы новой истории, А. Гейштор обратил внимание на роль символов королевской власти в укреплении и объединении территорий государства и общества. Он изучает роль королевской короны (*corona regni*) и ее семиотическое значение для общества в Средневековье и раннее Новое время.

Korona otwarta и *korona zamknięta* выступают в качестве образа *insignium*-знаков собственно (лично) короля и всего королевства. С помощью короны происходит обозначение суверенности государства. Образы государства и монарха начинают совмещаться в период правления Яна Ольбрехта и Александра, а уже при

Жигимонте Августе используется только образ короны для всего государства [191; 192].

В публикациях А. Гейштора были проанализированы символы власти, ритуалы и изменения государственной идеологии. Многие его идеи были озвучены на научных конференциях и форумах в 1960–70-х гг. [193–195].

Исследование символики власти и государства помогли А. Гейштору переосмыслить эпоху Ягеллонов как ключевую в развитии государства в Центральной и Восточной Европе.

При Ягеллонах произошло объединение различных территорий, увеличилась роль шляхты в политических процессах. Во вступлении к каталогу выставки «Польша Ягеллонов. 1386–1572» (Варшава, 1987 г.) А. Гейштор стремился выделить культурные процессы эпохи, показать изменения духовной и материальной культуры в переходный период от Средневековья к раннему Новому времени.

Однако вскоре династия Ягеллонов и политические институты ВКЛ перестали составлять основу исследований А. Гейштора.

Так, в 1970-е гг. ученый больше интересуется *homo mediaevalis* (человеком, который может быть и святым, и монархом), а также восприятием *homo mediaevalis* в исторических источниках [196, с. 30; 197, с. 25–27]. В это время А. Гейштор впервые обращает внимание на различие в восприятии монарха и государства в Польском королевстве и ВКЛ. Для Польши Ягеллоны являются избранными монархами, для ВКЛ – наследственными. А. Гейштор искал символическое расхождение между «короной королевской» и «митрой велиkokняжеской». Его внимание привлекали три эпохи: правление Ягайло, Казимира Ягеллончика (переходный 1447 г.) и Жигимонта Августа.

В фондах личного архива А. Гейштора хранятся отдельные биографии представителей династии Ягеллонов¹. Фонд III-352 в Архиве Польской академии наук (ПАН) и Фонд профессора Александра Гейштора в Архиве Королевского замка в Варшаве содержат несколько его текстов, посвященных Ягайло, Казимиру Ягеллончику, Яну Альбрехту и Александру, а также Жигимонту Августу. Большинство из них не были завершены автором, являются черновиками выступлений на конференциях. Однако некоторые материалы удалось

¹ Archiwum Polskiej Akademii Nauk w Warszawie. III-352: Materiały Aleksandra Gieysztor. № 86. S. 1–20, 21–35, 41–42.

подготовить к изданию учеными-историками из Королевского замка в Варшаве. Они были размещены в юбилейном издании, посвященном профессору А. Гейштору «Власть – символы и ритуалы» (Wladza – symbole i rytualy) [192]. Часть материалов А. Гейштора не была напечатана при его жизни, поскольку дорабатывалась автором.

Биографы А. Гейштора (например, Ю. Бардах, М. Кочерска, Л. Горизонтов) отмечают, что интерес ученого к биографиям Ягайло и Казимира был вызван в первую очередь исследованием такого источника, как «Анналы» Я. Длугоша [197, с. 26]. А. Гейштор стремился показать образ отдельных Ягеллонов посредством его восприятия краковским каноником. Однако очевидно, что А. Гейштора больше интересовала культурная эпоха и ее политическая составляющая, а также изменения в символике и презентации власти ВКЛ.

Под влиянием методологии австрийского исследователя П. Шрамма А. Гейштор исследует королевский коронационный церемониал. В 1970–80-е гг. печатаются статьи, посвященные королевской и великолепной коронации.

В 1970–80-е гг. А. Гейштор выступает на международных конференциях в Италии и Франции, где проводит параллели между церемонией на востоке и западе Европы. Изменение коронационного церемониала, по мнению ученого, происходит из-за угасания в Польском королевстве и ВКЛ династии Ягеллонов и прихода к власти выборных королей, прежде всего Генриха Валуа.

Все вышеприведенное показывает сложный путь А. Гейштора к ягеллонике. Изучение эпохи XV–XVI вв. в истории региона Центральной и Восточной Европы позволило исследователю по-новому рассмотреть процессы в политике и искусстве, которые привели государство и общество к «золотому времени».

Исследования А. Гейштора нашли отклик в научных проектах его учеников, в окружении профессора в Варшавском университете и в Музее Королевского замка (У. Барковская, В. Фальковский, А. Янушык-Серадьская, Р. Яворский и др.). В 1990–2000-е гг. сформировалось отдельное направление исследования эпохи Ягеллонов, в основе которого – изучение развития материальной и духовной культуры Центральной и Восточной Европы в XV–XVI вв. Пребывание в должности директора Музея Королевского замка в Варшаве, сотрудничество с Национальным музеем (где долгое время работал его друг и единомышленник С. Лоренц) позволили А. Гейштору не только изучать наследие Ягеллонов, но и презентовать его широкой общественности в виде тематических выставок.

До 2016 г. научные работы А. Гейштора пересматривались не один раз. Однако его исследования Ягеллонов так и не были должным образом оценены, как не было выделено и направление ягеллонских исследований в научной школе А. Гейштора. Хотя очевидно, что на этом возникла научная школа У. Барковской, основанная также на анализе материалов «Анналов» Я. Длugoша, сакральной культуры представителей династии Ягеллонов, их браков и брачной стратегии, изучении изменения символов и ритуалов политической культуры.

Таким образом, интеллектуал и руководитель польской исторической науки второй половины XX в. профессор А. Гейштор смог реализовать несколько проектов по популяризации истории эпохи Ягеллонов: персональные исследования церемониала и идеологии власти, тематические выставки и специализированные монографии, собрание архивных коллекций, подготовка диссертаций. В то же время ягеллоника в исследованиях А. Гейштора была связана преимущественно с Польским королевством, а ВКЛ в опубликованном наследии не значилось. Однако тщательный анализ научных работ А. Гейштора позволит нам говорить о формировании нового направления в изучении данной эпохи в конце XX – начале XXI в.

Глава 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ПРОЧТЕНИИ

3.1. Выписи судов Великого княжества Литовского на пергамене (на примере выписей земского суда Витебского повета¹ 1589 г.)

Статуты ВКЛ 1566 и 1588 гг. предусматривали возможность выдачи выписей земскими судами гражданских актов, которые были признаны и записаны в актовые книги данных судов как на бумаге, так и на пергамене. Так, в Статуте ВКЛ 1566 г. в статье о размерах оплаты труда писаря поветового земского суда отмечалось следующее: «...писару земскому... отъ выпису съ книгъ грошъ... отъ листу паркгаминового, если сторона потребуетъ съ привесистыми печатьми, за працу писару дванадцать грошей, а паркгаменъ шнуръ и воскъ сторона будетъ повинна дати» [198, разд. 4, арт. 3]. В аналогичной статье Статута ВКЛ 1588 г. читаем: «...писару земъскому... от... сознанья вечностей и всякихъ записовъ и тежъ переношенья записовъ з кграду до земъства за такий выпись, што будетъ на арькушу – грош[ей] дванадцать... а на паркгамене бы и наважнейшая речь – грош[ей] сорокъ осм; а паркгаминъ, шнуръ и воскъ сторона повинна дать» [199, разд. 4, арт. 6]. Иными словами, выдача выписи из книг суда на пергамене была возможна по инициативе заинтересованной стороны. Такая выпись стоила дороже, чем на бумаге, а сам пергамен и материалы для печатей (шнур, воск и т. д.) представлялись заинтересованной стороной.

Однако возникает вопрос: пользовались ли шляхтичи возможностью получения выписей судов на пергамене? Можно утверждать, что пользовались, хотя и не так широко по сравнению с получением

¹ По традиции делопроизводства ВКЛ центральный повет воеводства обозначался в основном как «воеводство», а слово «повет», которое используется в данной статье, применялось значительно реже.

выписей на бумаге. К документам, выданным земскими судами ВКЛ на пергамене, относятся:

1) выпись земского суда Слонимского повета от 16 июня 1582 г. о признании сделки ловчего ВКЛ Николая Нарушевича и подляшского воеводы Николая Кишки относительно имения Косово [200, с. 40];

2) выпись земского суда Волковысского повета от 30 сентября 1583 г. о признании выписи гродского суда Гродненского повета от 21 февраля 1583 г. о признании акта покупки имения Берестовица Волковысского повета Стефаном Белявским у Теодора Лядского за 2500 коп грошей¹;

3) выпись земского суда Витебского повета от 30 мая 1589 г. о признании выписи из гродского суда Оршанского повета от 12 февраля 1589 г. о признании акта покупки А. Воропаем имений Лучоса у братьев Юшковских²;

4) выпись земского суда Витебского повета от 30 мая 1589 г. о признании выписи из гродского суда Оршанского повета от 15 февраля 1589 г. о признании акта покупки имения Лучоса А. Воропаем у Г. Ф. Шапки³;

5) выпись земского суда Слонимского повета от 5 октября 1598 г. о признании выписи из гродского суда Новогрудского повета от 10 февраля 1598 г. о признании акта покупки Львом Сапегой имения Лососина у Бартоша Брюханского [200, с. 11];

6) выпись земского суда Слонимского повета от 13 октября 1598 г. о признании акта покупки Львом Сапегой имения Косово у Петра Стомбровского [200, с. 37].

Следует отметить, что приведенные примеры относятся к деятельности земских судов Волковысского, Витебского и Слонимского поветов исключительно второй половины XVI в. Можно предположить, что данная практика существовала и в других поветах.

Рассмотрим выписи на пергамене земских судов на примере выписей Витебского повета 1589 г., хранившихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Данные выписи были оформлены в связи с покупкой имений Лучоса Витебского повета.

1 января 1583 г. писарь земского суда Оршанского повета Андрей Васильевич Воропай приобрел у шляхтичей Витебского повета имения Лучоса Витебского повета (на р. Лучосе) «за 1 тыс. коп грошей» у Григория Федоровича Шапки и его жены Дороты Ильининой (сделка

¹ Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego. Dział Rękopisów (Библиотека Варшавского университета. Отдел рукописей). Sign. Akc. 260, Nr. 61.

² РГАДА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 971.

³ Там же.

состоялась в Орше), а «за 800 коп грошей» у двоюродных братьев Г. Ф. Шапки Яна, Матея, Гришки, Богдана Михайловичей Юшковских, которые в документах покупки и продажи назывались Лучосскими (сделка состоялась в Дужиничах).

Акты покупки и продажи были оформлены письменно и соответствовали существовавшим правовым требованиям. Акты продажи были осуществлены собственниками имений «с доброй воли, без примусу». Достоверность акта заверялась печатями бывших владельцев имения и тремя свидетелями¹.

Затем акты продажи были предъявлены и признаны правомочными в гродском суде Оршанского повета братьями Юшковскими 12 февраля 1589 г. и Г. Ф. Шапкой и его женой – 15 февраля 1589 г. Данные акты покупки и продажи были признаны судом и записаны в книги «Справы гродских замку господарского староства Оршанского». После этого участникам операции покупки и продажи были выданы выписи данной записи².

30 мая 1589 г. на заседании земского суда Витебского повета, работавшего в полном составе (судья Иван Богушевич Ромейко, подсудок Б. Б. Старосельский, писарь А. Осиповский), присутствовал слуга оршанского земского писаря А. В. Воропая П. Я. Лесковницкий, который засвидетельствовал, что его пан А. В. Воропай купил себе «на вечность» у шляхтичей Юшковских и Шапок вышеупомянутые имения. П. Я. Лясковницкий предъявил суду оригиналы актов покупки и продажи, а также выписи из актовых книг гродского суда Оршанского повета. Земский суд Витебского повета признал правомочность документов, которые были ему предъявлены, и записал их в свои актовые книги. Затем были выданы выписи на пергамене данных записей из книг земского суда Витебского повета³.

Пергамен с материалами покупки А. Воропаем имения Лучоса у Г. Ф. Шапки имеет размер 72×53 (+ 9,5) см, а пергамен с материалами покупки имения Лучоса у братьев Юшковских – 72×51 (+ 7,2) см.

Описанная выше процедура признания акта покупки и продажи была обычным явлением для того времени и соответствовала существовавшим правовым нормам.

Приведем содержание актов покупки и продажи имений, а также выписей из оршанского гродского и витебского земского судов (таблица).

¹ РГАДА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 971.

² Там же.

³ Там же.

**Информация относительно имений на р. Лучосе
в документах 1589 г.¹**

Источник	Имения Г. Ф. Шапки	Имения братьев Юшковских
Выписи витебского земского суда	Покупка Воропаем имения Юшковского «над ракою Лучесою и над реками Серодкортнею и Клупеницою в повете Витебском лежачое»	Покупка Воропаем имения «Луческое Юшковское над ракою Лучесою в повете Витебском лежачое, прозываемое Михайловщыну, Стомовщыну, Тишковщыну, Грыгорьевщыну»
Выписи оршанского гродского суда	Продажа шляхтичами Шапками имения «отчyzные и дедизные и спадковые в повете Витебском в одном обрубе тые вси именья над рекою Лучесою лежачые, прозываемые Луческое, Евлашковское, Юшковское, Стомовщыну, Тишковщыну, Грыгорьевщыну и отчyzну свою Федоровщыну обель вечно и на веки»	Продажа шляхтичами Юшковскими имения «отчyzные и дедизные и спадковые в повете Витебском в одном обрубе тые вси именья над рекою Лучесою лежачые, прозываемые Луческое, Юшковское, Стомовщыну, Тишковщыну и Грыгорьевщыну и отчyzну свою Михайловщыну обель вечно и на веки»
Акты купли и продажи имений	Продажа Г. Ф. Шапкой и его женой «именье мое Луческое мене Грыгоръя Шапки отчyzное и дедизное, над рекою Лучесою в повете Витебском лежачое, прозываемое по пра-деду моем мене Грыгоръя – Евлашевщызна, а по деду – Юшковщызна, а ку тому прытом же именью моем отчyzном, именье наше мне Грыгорю Шапцэ по дядках моих, по небожчыку пану Стому и по пану Тишку и по пану Грыгорю, которые на мене право м прырожоным, яко и за дол-ги их, которыми были винни на мене, Грыгоря Шапку, спали и досталис»	Продажа шляхтичами Юшковскими «именье... отчyzное и дедизное Луческое, Юшковское над рекою Лучесою в повете Витебском лежачое, прозываемое по отцу нашем Михайловщызу, а по деду – Юшковщызу, а ку тому прытом же именью нашем отчyzном, спольне к кгрунты з кгрунты лежачое, удвоем именью нашем по стрыях наших, по небожчыку пану Стому и по пану Тишку и по пану Грыгорю, которые по тыхъ стрыех наших правом прырожоным на нас стали и нам ровно з стрием нашым з паном Грыгорем Шапкою досталос»

¹ РГАДА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 971.

Указанная информация позволяет проследить историю существования имения на р. Лучосе. Сначала имением владел прадед Г. Ф. Шапки Евлаш, от которого имение получило название Евлашевщина. Затем имением владел сын Евлаша Юшка, и от его имени имение стало называться Юшковское. Впоследствии имение было поделено между сыновьями Юшки: Стоймой, Тишкой, Григором, Михаилом и Федором. Их части имения получили названия Стомовщина, Тишковщина, Григорьевщина, Михайловщина и Федоровщина соответственно.

Приведем историю имений после смерти сыновей Юшки:

- земли Юшковского имения унаследовали Г. Ф. Шапка и братья Юшковские (отметим, что имение прадеда Евлаша – Евлашевщина – упоминается только как владение Г. Ф. Шапки);
 - имение Федоровщина от Федора перешло к его сыну Григорию Федоровичу Шапке как наследство отца (отчизна);
 - имение Михайловщина от Михаила перешло к его сыновьям Яну, Матею, Гришку, Богдану Михайловичам Юшковским (Лучоским);
 - имения Стомовщина, Тишковщина, Григорьевщина были поделены между Г. Ф. Шапкой и братьями Юшковскими (при этом отмечалось, что Г. Ф. Шапка держал те имения «яко того власного отчизного, так теж и тых спадковых Евлашевщины, Тишковщины, Стомовщины и Грыгоровщины... в спокойном держанью и вжыванью своем *от пятидесяти и от килку лет не пенно и перед сим никому не заведеное*»);
 - имения на р. Лучосе у Г. Ф. Шапки и братьев Юшковских купил А. Воропай (в 1589 г.)¹.

Имение Лучоса панов Шапок было продано с двором «зо всяким будованнем, з дворем в гумне, з огороды, погнои, пашни дворные... з службами, и з людьми тяглыми оселыми, давность заседельными, и з их жонами, детьми, маентностями, статками, з данью грошовою и з медовою, з дзяклам, всякими их повинностями, з землями их пашными оремыми и неоремыми, и з их сеножатьми, выгоны и выпусты, з гаи, з лесы, з зарослями... и старынами и з деревом бортным в борех и в старынах, з ловы зверынными и пташыми, з рэками, речыщами, з озерами, з ставы, з ставищами, з млыны

¹РГАДА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 971.

и их вымелками, з ловенем рыб в них, и з бобровыми гоны и со всим на все, яко се тое именье... здавна в границах, в межах, обыходах, в кгрунтах и пожытках своих само в себе, в одном обрубе лежачое, мело и тепер маєт¹. Аналогичным образом описывался состав имений Лучоса панов Юшковских. Это свидетельствует, что имения Лучоса разных владельцев были многоотраслевыми сельскими хозяйствами.

Уникальность данных выписей заключается и в том, что они были украшены разноцветными заставками, которые были выполнены для двух выписей однотипно (отличались только мелкие детали и цветовое оформление заставок). Сверху и справа на полях размером 3,2 см располагались заставки в виде растительного орнамента; слева – на полях размером 8,5 см – размещалась многокомпозиционная заставка с изображением ангела, геометрическим и растительным орнаментом и изображениями цветов, птиц с кольцами в клювах.

В выписи о покупке имения Лучоса у братьев Юшковских сохранились печати судьи, подсудка и писаря земского суда Витебского повета. Печати крепились к документу шелковым шнуром, который был сплетен из трех шнурков разного цвета: белого, красного и светло-синего. На шнурах крепились деревянные футляры токарной работы для печатей. Крышки футляров не сохранились. В футляр был залит желтый воск, сами печати земских урядников выполнены на черном воске.

Таким образом, упомянутые выписи земского суда Витебского повета 1589 г. являются ярким примером делопроизводства на белорусских землях второй половины XVI в. и своеобразным памятником письменной культуры высокого уровня в ВКЛ. Они хранят сведения о шляхетских имениях на р. Лучосе и их владельцах, а также свидетельствуют о том, что нормы статутов ВКЛ 1566 и 1588 гг. о возможности выдачи выписей из актовых книг земских судов на пергамене реализовывались шляхтой на практике. В то же время в Витебске во второй половине XVI в. имелись мастера, которые создавали документы на пергамене и оформляли их на высоком художественном уровне.

¹РГАДА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 971.

3.2. Губернаторская отчетность как источник по истории формирования государственных денежных доходов на территории белорусских губерний Российской империи в первой половине XIX в.

Отчеты губернаторов: краткий историографический обзор

Губернаторские годовые отчеты об управлении губерниями как отдельная разновидность делопроизводственной документации известны в качестве одного из наиболее систематизированных и многоаспектных исторических источников императорской России, изучению которых исследователи уделяли особое внимание.

Впервые порядок составления, представления и рассмотрения губернаторских отчетов, систему сбора сведений к ним, изменения их формы, состав содержащейся информации, ее документальную основу, достоверность данных, наличие текстов исследовала Н. Дятлова [201]. Б. Литвак рассматривал отчеты губернаторов в качестве одного из источников массовой документации XIX – начала XX в. [202, с. 142–205]. Историк уделил внимание анализу губернаторских отчетов до 1860-х гг. [202, с. 142–150], сравнил формуляры 1842, 1853 и 1870 гг. [202, с. 155–160], сформулировал проблему достоверности данных этого исторического источника [202, с. 161–186]. Белорусский историк Н. Улащик охарактеризовал отчеты губернаторов Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской губерний за 1804–1861 гг. как источник по истории сельского хозяйства Литвы и Западной Беларуси в дореформенное время [203], начав традицию подробного анализа содержащихся в них данных по тематическим группам. Сводная характеристика губернаторских отчетов дана в учебном пособии белорусского историка С. Ходина [56, с. 72–74]. В постсоветское время губернаторские отчеты императорской России, в том числе за первую половину XIX в., стали объектом исследования российского историка А. Минакова – автора многочисленных статей по данной теме [204–208].

Озвученные учеными-историками еще в советское время вопросы обстоятельств создания, содержания и использования губернаторских отчетов как исторического источника требуют тематического

расширения, дополнения и уточнения, развития, развернутого освещения в таких аспектах, как выяснение их подлинного авторства, происхождение информации, форм и путей получения статистических данных, состав и содержание формуляров, степень достоверности, точности и полноты содержащихся сведений, их научный анализ и оценка, уровень сохранности первичных материалов и конечных текстов оригиналов и копий в фондах архивов и рукописных отделов библиотек разных стран, эвристический потенциал и возможности их научного использования и др. В настоящее время возникла необходимость в составлении подробного хронологического и тематического каталога отчетов и обзоров губерний генерал-губернаторов, губернаторов белорусских земель XIX – начала XX в., материалов и приложений к ним. Следует отметить, что в России подобная работа уже ведется: издан сводный каталог печатных отчетов императорам от имени генерал-губернаторов, губернаторов, наместников и градоначальников Российской империи за 1845–1916 гг. [209; 210].

Правовое регулирование формирования документальной основы системы срочной официальной губернаторской отчетности

Через 11 дней после подписания императорского манифеста о создании министерств, 19 сентября 1802 г., появилось циркулярное обращение министра внутренних дел графа В. П. Коцубея к губернаторам, в котором им предписывалось представить в течение шести недель после его получения отчет со сведениями о численности ревизского населения, государственных податях, урожаях хлеба, состоянии сельских запасных магазинов и народном продовольствии, о фабриках и заводах, городских доходах и их использовании, публичных зданиях [211, с. 102–114]. Обязанности губернаторов ежегодно докладывать императору о состоянии вверенных им губерний в форме «всеподданнейших» отчетов были установлены циркуляром Министерства внутренних дел (МВД) 4 ноября 1804 г. Ежегодные отчеты гражданских губернаторов составлялись с 1804 г., как правило, в четырех экземплярах: оригинал предназначался императору, а копии поступали в ведомство генерал-губернатора, в МВД, оставались в губернаторской канцелярии.

После прихода к власти императора Николая I циркуляром МВД 18 октября 1827 г., согласно высшему приказу, начальникам губерний приказывалось один раз в год обезжать все уездные города, ревизовать в них присутственные учреждения, тюрьмы и другие объекты, докладывать монарху об их состоянии и предпринятых мерах для окончания беспорядков. Именной указ (циркуляр МВД) от 30 апреля 1828 г. закреплял в качестве обязанности гражданских губернаторов ежегодно представлять в МВД и к сведению императора не позднее 1 марта следующего года годовые отчеты о своих действиях по управлению губерниями и предложениях по лучшему их устройству [212, т. 3, № 2007, с. 519]. Циркулярное предписание министра внутренних дел губернаторам от 2 июня 1828 г. санкционировало осмотр подчиненных им губерний¹. Именной указ от 24 июля 1829 г., объявленный министром внутренних дел гражданским губернаторам, предписывал последним ежегодно осуществлять донесения императору об осмотрах вверенных им губерний [212, т. 4, № 3035, с. 543]. Циркулярное предписание министра внутренних дел гражданским губернаторам от 19 июля 1830 г. перечисляло предметы в составе рапортов императору, которые начальники губерний должны были доставлять главе государства во время императорских поездок по губерниям [212, т. 5–1, № 3808а, с. 741–744]. Николай I 2 июня 1831 г. утвердил форму губернаторских ежегодных отчетов. Донесения императору об осмотре губерний были заменены годовыми отчетами об их состоянии, однако начальники губерний были обязаны направлять императору рапорты о первом осмотре губернии [211, с. 102–104]. При составлении губернаторских отчетов рекомендовалось избегать излишнего и бесполезного многословия, повторений, излишних подробностей, указывать принятые высшими чиновниками меры об улучшении состояния в губерниях [211, с. 105, 106]. В составленной образцовой однородной по содержанию форме годовых рапортов гражданских губернаторов императору по ежегодному осмотру подчиненных им губерний, изложенной согласно именному указу от 8 июля 1831 г., разосланной при циркуляре МВД, обязательными стали статистические показатели о налоговых недоимках, ведомости о капиталах приказов общественного призрения [212, т. 6–1, № 4689, с. 667–671].

¹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 2128. Л. 8 об.

Согласно п. 319 «Наказа гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г. губернаторы должны были направлять императору и в МВД донесения о принятии управления и первом осмотре губернии, до 1 марта – общий ежегодный отчет о состоянии и управлении губернией по форме, приложенной к наказу, различные срочные или перечневые ведомости и донесения. Унификация губернаторской официальной отчетности, объявленная в 1837 г., была расширена и уточнена в начале 1840-х гг. Согласно циркуляру МВД гражданским губернаторам от 14 октября 1842 г. к образцовой форме отчетов гражданских губернаторов императору были добавлены специальные бланки ведомостей статистических материалов в виде формуляров из 27 приложений [213, с. 81–100]¹. Издание новых форм для годовых отчетов губернаторов стало одной из мер по сокращению служебной переписки. Утвержденный верховной властью образец ежегодного губернаторского отчета с приложением из 27 таблиц 7 марта 1843 г. был разослан всем начальникам губерний [214, с. 26]. В середине 1843 г. была принята также форма внешнего вида предоставляемых императору «всеподданнейших» губернаторских отчетов, которые предусматривалось доставлять в тетради с наклеенной на корешок белой бумагой. Приложения должны были располагаться на отдельных листах по порядку нумерации. Годовой отчет губернатора и приложение к нему сшивались в общую обложку из папки светло-серого цвета [213, с. 61].

Изменения форм и рубрик отчетов губернаторов, информация об источниках денежных государственных доходов

В материалах годовых губернаторских отчетов за 1804–1827 гг. имелся табель о повинностях, которые отправлялись деньгами (о земских и городских сборах). В соответствии с циркулярным предписанием МВД от 30 ноября 1828 г. отчеты гражданских губернаторов МВД по управлению губерниями составлялись по соответствующим департаментам ведомства: по Департаменту исполнительной полиции заполнялись пункты о городских доходах и расходах (с ведомостью), причинах нехватки медной монеты, взимании различного рода казенных податей со сведениями

¹НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 13111. Л. 307–356.

о поступлении доходов и сборе недоимок, о расходах на ежегодные и чрезвычайные повинности (иногда с ведомостями о повинностях, выполнившихся деньгами). Циркуляр МВД гражданским губернаторам от 8 июля 1831 г. включал образец формы «всеподданнейших» рапортов гражданских губернаторов по годовому обзору губерний, в которой присутствовала рубрика о недоимках. Губернаторские отчеты в 1830-х гг. включали графы об отправлении натуральных и денежных повинностей, ведомости о казенных доходах и состоянии недоимок со схожими сведениями в статистических приложениях. Изменения пунктов к губернаторским отчетам произошли в 1842 и 1853 гг. В формуляр отчета начальника губернии 1853 г. был включен второй раздел под названием «Подати и повинности» (общее состояние податей, недоимки, земские повинности, городские доходы). К отчету добавлялись приложения из разных ведомостей как дополнение и пояснение соответствующих разделов текста в виде 28 таблиц, в том числе о денежных сборах на выполнение различных повинностей, стоимости сдачи рекрутов, доходах и расходах городов, а также статистические сведения о казенных доходах по губернии.

Годовые отчеты генерал-губернаторов в МВД и императорам составлялись на основании данных, присланных начальниками губерний.

Кроме направления отчетов императорам об осмотрах губерний местными губернаторами во время их вступления в управление и в связи с путешествиями самодержцев, обязательных годовых отчетов о состоянии губерний, начальники губерний отправляли в МВД и императорам и другие донесения, прежде всего о состоянии денежных недоборов. Предоставление губернаторами донесений императору о податях и недоимках было установлено циркулярами МВД от 23 марта, 2 мая, 20 июня 1832 г. (при циркулярах от 12 июля, 23 октября, 26 ноября 1832 г. были разосланы формы донесений). Они вошли в п. 320 «Наказа гражданским губернаторам» 1837 г. В частности, циркулярное предписание МВД от 23 марта 1832 г. требовало от начальников губерний каждые полгода (за первую половину до 1 сентября, вторую – до 1 марта следующего года) доставлять лично императору донесения и ведомости со сведениями о взыскании недоимок (подробные срочные финансовые ведомости направлялись также в МВД согласно предписанию от 16 мая 1831 г. «в определенное от оного по удобству и усмотрению его время»: ведомости

об успехе взыскания податей и недоимок за половину года, о взыскании общих городских и земских повинностей по прошествии года, о чрезвычайных повинностях в любое время) [215, с. 119–122]¹. Указ Сената от 16 июня 1833 г. предусматривал доставку сведений о недоимках в Департамент государственного казначейства Министерства финансов и генерал-губернатору².

В таблицу необходимо было внести информацию: сколько полагалось собрать недоимок прежних лет, вновь открытых, оклада первой и второй половины года, сколько было взыскано, исключено и осталось отдельно недоимки и оклада первой и второй половины года. Полноту указывалась сумма недоборов по состояниям и отмечалось, сколько денег было назначено к безотлагательному платежу по Министерству государственных имуществ и не в его ведомстве, размер рассроченных финансовых средств различных взысканий по пяти департаментам Министерства финансов, в том числе с показом недоимок по департаментам Министерства финансов на ответственности губернского начальства³.

Губернаторы докладывали императору также о результатах ревизии правительственные учреждений, в частности, предоставляемые сведения о казначействах и наличии в их кладовых денежных средств.

Источники первичных финансово-статистических сведений к губернаторским отчетам

Основными источниками первичных сведений финансово-статистического характера губернаторских отчетов являлись обобщенные цифровые показатели из материалов губернских финансово-налоговых учреждений – казенных палат. По городам финансовую информацию обобщали и предоставляли губернатору в годовых отчетах руководители городской полиции (городничие или полиц-

¹ НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 6026. Л. 183–187, 246–252 об. ; Д. 6330. Л. 2 ; Ф. 1430. Оп. 1. Д. 3211. Л. 1–1 об. ; НИАБ в Гродно (НИАБГ). Ф. 1. Оп. 27. Д. 40. Л. 1 об.

² НИАБГ. Ф. 1. Оп. 27. Д. 492. Л. 53.

³ Образец ведомости о податях и недоимках за первую половину 1832 г. : Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6404. Л. 14–17, 48–56.

мейстеры), дум, магистратов, ратуш, сиротских судов, в уездах – начальники земской полиции (земские исправники), председатели дворянских опек, уездные казначеи и др.

Согласно циркулярному предписанию министра финансов от 12 октября 1832 г. председатель казенной палаты должен был составлять ведомость о податях и недоимках за каждые шесть месяцев¹. Известно, что полугодовые ведомости о недоимках витебскому губернатору доставлялись из казенной палаты за первую половину года в конце августа, а за вторую половину года – в конце февраля следующего года и в этот же срок отправлялись в Департамент государственного казначейства Министерства финансов в соответствии с предписанием министра финансов от 21 мая 1843 г.² Типичный отчет председателя казенной палаты за 1840-е гг. включал следующие группы данных: в общем по палате (состав казенной палаты и подчиненных ей учреждений, о движении дел и бумаг, счетов), по ревизскому отделению (о народонаселении, откупных сборах, количестве принятых рекрутов), по отделению казначейств (о количестве всех государственных доходов по губернии, всех расходов, осуществленных за счет государственной казны, о приходе и расходе различных сборов, не входящих в состав государственных доходов, о состоянии недоимок государственных доходов и различных сбров), по контрольному отделению (о деятельности контроля по ревизии книг и счетов, количестве открытых взысканий). После описания этих пунктов необходимо было сравнить результаты деятельности казенной палаты за три предыдущих года³.

Уездные казначейства должны были доставлять ведомости о недоимках по казенным и поиезуитским имениям, о поступлениях сборов, недоимок и взысканий, об имеющейся казне и ином казенном имуществе, хранившемся в кладовых с показанием денежной казны в различных видах монеты и распределением сумм, причисленных к общим государственным доходам, земских повинностей, принадлежащих отдельным местам и особенно хранимых, о количестве гербовой бумаги и залоговых билетов.

Формуляр статистических данных к годовым отчетам председателей земских судов включал данные о государственных доходах

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31 421. Л. 1.

² Там же. Д. 14 821а. Л. 2–2 об.

³ НИАБ. Ф. 333. Оп. 25. Д. 111. Л. 1–2.

с распределением их по категориям (№ 18), о повинностях (городских доходах и расходах, сборах на земские и мирские повинности) (№ 21).

В официальных губернских, уездных и заштатных городах составлялись годовые отчеты о состоянии города, в которых были материалы о хозяйстве городских поселений, в том числе о главных статьях доходов и расходов по их предметным категориям и по состояниям исполнителей, справочных и торговых ценах и др. Краткое статистическое описание о состоянии города приводилось в рубриках под буквами: ж – подати казенные; з – городские доходы; и – городские расходы; i – общественные городские сборы; к – цены на припасы и содержало сведения о городских окладных доходах и расходах, денежной недоимке всех наименований, денежных курсах, ценах и др.

В губернаторских отчетах имеются обобщенные сведения губернских, городских и уездных органов государственного административного управления о состоянии недоимок. Отметим, что в распоряжение канцелярий губернаторов и генерал-губернаторов прибывало много срочных документов с финансово-статистическими данными. Так, казенная палата должна была направлять министру финансов, а губернское правление – управляющему МВД месячные рапорты о состоянии недоимок. Императору должны были доставлять годовую ведомость о повинностях на основе данных губернаторских отчетов, полученных от местных городских и земских полиций, городских дум, магistrатов, губернского маршала, губернского правления, удельной конторы и др. Срочные документы со статистическими данными финансового характера поступали генерал-губернатору: семидневные ведомости о ценах на провиант и другие припасы от городских и земских полиций, месячные ведомости об успехах взыскания рекрутских складчинных денег и о поставке рекрутов от рекрутского присутствия, месячные ведомости о казенных недоимках от казенной палаты, годовые сметы о городских расходах (до 1 ноября каждого года) и отчеты о городских доходах и расходах (до 10 января каждого года) от городских дум, статистические данные (до 1 января каждого года) и др.¹

¹НИАБ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 366. Л. 5–6 об.

Степень достоверности, уровень точности, мера полноты финансовых данных губернаторских отчетов

В историографической традиции сложилось представление о неточности или относительной достоверности большинства цифровых показателей годовых губернаторских отчетов и приложений к ним. Согласно некоторым исследователям отдельные сведения из губернаторских отчетов, отражавшие работу начальников губерний, завышались (количество дорог, ярмарок, промышленных предприятий, учащихся и др.), а другие – занижались (обусловленная фискальными целями фиксация численности ревизского населения). Однако П. Бобровский, исследуя материалы Гродненской губернии, заключает, что наибольшую достоверность имеют сведения относительно учреждений и капиталов приказа общественного призрения, размеров недоимок государственных налогов и сборов. Справки, которые были предоставлены казенной палатой (о ревизиях, податях и повинностях), отличались наибольшей точностью и полнотой с точки зрения канцелярской «исправности» [216, с. 10–11].

Сопоставление содержания текста губернаторских отчетов и статистических данных приложений к ним с первичными материалами местных органов государственной власти и управления, использованными для их составления, позволяет сделать выводы, что некоторые исходные сведения не включались в окончательный отчет. Данные финансовой статистики губернаторских отчетов совпадают с другими первичными аналогичными материалами, составляемыми казенными палатами, которые были изложены в рапортах городничих, земских исправников, уездных казначеев и других должностных лиц местной администрации.

В целом ценность губернаторских отчетов как вида материалов официального делопроизводства обусловлена периодичностью и оперативностью их составления, формализацией и стандартизацией содержания, значительной степенью систематизации разностороннего фактического материала губернских, городских и уездных органов государственной власти и управления в форме обобщения отчетов различных правительственные учреждений и ведомств. Разносторонний и репрезентативный цифровой материал для анализа динамики конкретного финансового явления, процесса, определения общих тенденций и закономерностей

их развития содержится в приложениях к ежегодным отчетам губернаторов и генерал-губернаторов. Однако при их использовании следует учитывать несопоставимость территории белорусских губерний в результате административно-территориальных изменений первой половины XIX в.

3.3. Периодическая печать как источник по истории развития народного образования и учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.

Сфера просвещения является одной из приоритетных в системе государственного управления, значимой как для общества в целом, так и для конкретной личности. Именно указанная сфера создает условия и дает возможности для непрерывного профессионального роста, творческого развития человека, играет важную роль в его социализации и формировании гражданской позиции. В связи с этим периодическая печать была мощным орудием не только социальной и политической борьбы, но и просвещения, распространения научных знаний, развития культуры, формирования мировоззрения.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России, в состав которой входили белорусские земли, журналы и газеты имели разную ведомственную принадлежность и издавались правительством, государственными учреждениями, церковными органами, земствами, общественными организациями и частными лицами. Библиография периодических изданий России конца XIX – начала XX в., посвященных народному образованию и педагогике, насчитывает более 300 названий [217, с. 10]. Все многообразие газет и журналов с точки зрения их идеально-политического содержания можно свести к революционно-демократическим, буржуазно-либеральным и реакционно-монархическим изданиям. Периодическая печать в руках революционных демократов становилась средством борьбы против самодержавия, поэтому господствующим направлением здесь было обличение существующего строя и призыв к революционным преобразованиям. Либеральная периодическая печать (ее оппозиционность была весьма умеренной) вела полемику с правительственными

изданиями, обсуждала вопросы просветительского и культурного характера, развития народного образования. Смысл и значение официальной прессы (реакционно-монархического, охранительного направления) заключались, по мнению властей, в сокращении числа читателей неофициальных изданий и опровержении содержания публикаций на злободневные темы. Цензурная реформа середины XIX в. предполагала, что периодические издания за нарушение законов должны нести судебную ответственность. Власть предпочитала административные методы воздействия на печать как наиболее эффективные. Сложившаяся система административных взысканий в отношении газет и журналов включала предостережения, временные приостановки издания, запрещение розничной продажи или окончательное их закрытие.

Официальными изданиями, которые оформились еще в первой половине XIX в., были газеты «Губернские ведомости», точнее, их локализованные версии: «Минские...», «Могилевские...», «Витебские...». Редакторами этих изданий являлись чиновники государственного аппарата, а тиражи печатали в государственных типографиях. Для учебных заведений всех типов подписка была обязательной. Публикации носили в основном информационный характер (например, количество открывшихся школ, размер средств, выделенных на нужды народного образования, деятельность хозяйственных комитетов учебных заведений, количество лиц учительского состава по губерниям и др.) [218; 219].

Во второй половине XIX в. в белорусских губерниях издавались «Епархиальные ведомости», которые состояли из официальной и неофициальной частей. Кроме сведений о наиболее важных событиях церковной жизни, в них содержался значительный объем информации о церковных учебных заведениях (учительских и церковно-приходских школах, школах грамоты), священнослужителях, которые преподавали Закон Божий, организации педагогических курсов, народных чтений, церковных хоров из учащихся и др. [220; 221].

Важную роль в культурной жизни белорусских губерний сыграла первая частная общественно-литературная газета «Минский листок» (издавалась в 1886–1902 гг.). Несмотря на разнообразие социально-политических взглядов (в одних статьях находили отражение либерально-народнические идеи, в других проявлялась мелкобуржуазная революционность), «критика язв и пороков общественного строя определялась уровнем развития освободительного движения,

возможностями легальной печати, а также мировоззрением авторов статей и редакторов газеты» [222, с. 20, 118]. В рубриках «Местная хроника» и «Общая хроника» содержалась краткая информация о культурных событиях в городе, открытии новых учебных заведений и условиях приема, организации обучения на курсах и в ремесленных классах, количестве школ в губернии и др. [223–227].

В 1902–1905 гг. в Минске издавалась общественно-политическая и литературная газета «Северо-Западный край». Многочисленные материалы и корреспонденции в таких рубриках, как «Местная хроника», «Внутренние известия», «По нашему краю» и др., содержали информацию об открытии новых учебных заведений и их финансировании, передовых взглядах и идеях в сфере школьного образования и воспитания, ярких событиях [228, с. 3]. Публикации отражали взгляды социал-демократов, раскрывали двойственность и непоследовательность политики царского правительства в сфере народного образования, противоречивость реформ и начинаний на территории национальных окраин.

В социал-демократической печати публиковалось большое количество статей, посвященных состоянию народного образования и тяжелому положению учителей. Так, на страницах «Искры» не только разоблачались многие «гонители просвещения и мучители учительства», но и критиковались те педагоги, которые проявляли нейтралитет и аполитизм в своих действиях: «...приниженный и обезличенный учитель, порой, обраставая грубой корой педантизма и рутинерства, оказывал тлетворное влияние не только на детей, но и на взрослых» [229, с. 95]. Революция 1905–1907 гг. вызвала повышенный интерес населения к острым социальным проблемам и существенно изменила систему средств массовой информации. Царским Манифестом 17 октября 1917 г. объявлялась свобода слова, разрешалась политическая полемика (кроме радикальных призывов). Значительно выросло количество партий, изданий, работала Государственная дума, а права цензуры были ограничены законом. Большевистская печать продолжала начатую «Искрой» идеологическую работу по вовлечение народных учителей в революционную борьбу рабочего класса. Газеты «Звезда», «Правда», «Вперед», «Пролетарий» популяризовали платформу РСДРП в области народного образования, а задачу введения всеобщего обучения связывали с демократизацией социально-политического строя, приветствуя оживление революционного движения среди учащихся и их учителей.

«Наша доля» (1906) и «Наша нива» (1906–1915) были первыми газетами, которые выходили на белорусском языке. Здесь публиковались материалы общественно-политического, научно-просветительского и литературно-художественного характера. Большое внимание на страницах этих изданий уделялось развитию народного образования: многочисленные статьи и материалы отражали динамику расширения сети учебных заведений, печатались статистические данные о численности учащихся и учителей, расходах на развитие просвещения, включая педагогическую подготовку кадров, открытие библиотек. Несомненный интерес представляют материалы о бюджете народного учителя, взаимоотношениях «учащих» с местным населением, праздниках и мероприятиях в рамках учебных заведений, общественно-педагогическом и революционном движении начала XX в. [230; 231].

В рассматриваемый период происходит становление и развитие отраслевой, т. е. педагогической, журналистики как самостоятельного общественного феномена, инструмента общественного воспитания, средства развития и распространения передовых педагогических идей. В середине XIX в. педагогическая пресса была представлена только официальным изданием – «Журналом Министерства народного просвещения». К концу столетия была создана разветвленная система периодических изданий с количественным преобладанием частных. Возникают также новые частные журналы: «Русский педагогический вестник», «Учитель», «Журнал для воспитания». Широкое распространение и популярность на всей территории империи получают журналы «Школа и жизнь», «Вестник учителей», «Русская школа», «Образование», «Вестник воспитания», «Педагогический листок», «Для народного учителя». Эти издания характеризовались широтой предметно-тематической направленности, стремились удовлетворить различные информационные потребности учительской аудитории, распространить передовой педагогический опыт, реализовать рекламную функцию и др. Ценность публикаций повышалась за счет привлечения к сотрудничеству именитых авторов, ученых, ведущих педагогов и общественных деятелей.

Наряду с наиболее изученными журналами большое значение имеют местные ведомственные издания, статьи, корреспонденции, информационные сообщения которых не только носили информативный характер, но и передавали настроение и запросы общества, атмосферу исследуемого периода. В 1862 г. начинает выходить

официальный журнал «Циркуляр по Виленскому учебному округу» – монотематическое издание, которое ставило задачу регулирования образовательной деятельности. Здесь печатались министерские нормативно-правовые акты в сфере образования, циркуляры и распоряжения по округу, сведения о наградах и чинопроизводстве, программы преподавания школьных дисциплин, методические рекомендации и др. Как приложение к данному журналу издается «Народное образование в Виленском учебном округе» (1901–1915 гг.), где в отдельных рубриках публиковались официальные документы и приказы попечителя округа, статьи о состоянии народного образования и его нуждах, об открытии и деятельности учебных заведений, анализировался зарубежный опыт и передовая методика преподавания, организация учебно-воспитательного процесса, включая сообщения о ярких школьных мероприятиях, экскурсиях, выставках, юбилеях, праздниках деревоисаждения и др. В разделе «Библиография» можно было познакомиться с рецензиями на изданную тематическую литературу, в первую очередь учебники и учебные пособия [232; 233].

Обширный материал содержится в публикациях местных педагогических изданий – обществ взаимопомощи учителей. Так, в 1908 г. группа учителей Витебской губернии издала педагогический журнал «Голос учителя», а в 1909 г. – второй журнал, который вышел в Петербурге, – «Белорусский учитель». В 1910 г. Могилевское учительское общество издало журнал «Белорусский учительский вестник» (вышло шесть номеров), в 1911 г. Гродненское общество взаимопомощи приняло решение о выпуске журнала «Педагогическое дело». На страницах издания публиковались материалы о проблемах введения всеобщего образования и необходимости реформы школы, процессах совершенствования системы педагогической подготовки и улучшения материального и правового положения учителей. Особое внимание уделялось популяризации практического педагогического опыта местных преподавателей, а также деятельности обществ взаимопомощи и информированию об открытии педагогических курсов, организации съездов, выпуске новой литературы и др. Однако издания были недолговечными: первые из них, отражающие передовые настроения учителей, были запрещены после выхода одного или нескольких номеров в связи с антправительственным характером содержащейся информации. Либеральный по направлению журнал «Педагогическое дело» хотя

и избегал «остропублицистических материалов», смог издать только 13 номеров и также был закрыт [234–236].

Таким образом, ведущие тенденции развития школы, новые подходы к воспитанию и образованию подрастающего поколения всегда были связаны с демократизацией общества и его гуманизацией. В связи с этим печать помогала не только понимать важность происходящих событий, но и воспитывать подрастающее поколение. Высокая требовательность к источникам при историческом исследовании вызывает объективную необходимость критического анализа материалов прессы, так как она часто является проводником и защитником определенных политики и позиции. Вместе с тем, несмотря на разную социально-политическую ориентацию, разновекторную направленность, различные типы издательств и степень их легальности, язык и периодичность выхода газет и журналов, всероссийская и местная периодическая печать содержит незаменимый и оригинальный материал для изучения истории развития народного образования.

3.4. Ухвала минского магistrата по вопросу расселения евреев в городе в актовой книге за 1663–1680 гг.

Из комплекса минской магистратской книги записей за 1663–1680 гг. при изучении истории органа самоуправления в указанный период интерес представляют документы самоуправления, созданные врядниками при исполнении своих служебных обязанностей по организации управления городом, такие как ухвалы, реляции, реестры, инвентари и др.

Ухвалы (или вилькеры) являются важным источником по городскому праву. Возникновение документов такого рода было связано как с отсутствием определенных норм в магдебургском праве, так и с региональными особенностями отдельных городов, что вызвало необходимость принятия городами определенных постановлений по этим вопросам [237, с. 175]. Отечественные исследователи городского самоуправления выделяют ухвалы, которые касались вопросов формирования городских органов власти, вспомогательных органов городского самоуправления, порядка отчетов городского

правительства, оплаты служащим за труд, сбора налогов, взаимоотношений между магистратом и мещанами, а также благоустройства. В зависимости от срока действия ухвалы рассматриваются как долгосрочные (принятые на неограниченное время) или посвященные единичным явлениям городской жизни; по кругу рассматриваемых вопросов подразделяются на комплексные (регулировали широкий перечень политических, социальных и экономических вопросов) и специальные [238, с. 190]. Таким образом, причина возникновения указанных документов определила их значимость для исследователей истории городского самоуправления.

В книгу записей за 1663–1680 гг. внесена только одна ухвала минского магистрата от 6 июня 1679 г. Также в протоколе сессионного заседания минского магистрата за 4 июня 1680 г. упоминается ухвала, в которой регламентировалось строительство торговых лавок в городе¹. Однако в краткой записи протокола не указаны ни дата ее принятия, ни текст самого постановления. Ухвала от 6 июня 1679 г. небольшая по содержанию, имеет развернутую интитуляцию, где перечислен состав врядников минского магистрата.

**Ухвала минского магистрата от 6 июня 1679 г.
о запрете аренды домов и пивоварен евреям
на территории городской юрисдикции²**

[л. 989] Uchwała na sessji względem zydów na placach miejskich | mieszkaią. |
Roku państwowego tysiąc sześćset siedmdziesiąt | dziewiątego, miesiąca junia
szóstego dnia. |

Przed nami, Jerzym Jewsowiczem, Janem Piotrowskim, burmistrzami nowej rady, Fursem Janem Ułasowiczem, Michałem Andrzejewiczem Szyszką, *tudziez | Pawłem Olisiewiczem Filipowiczem, burmistrzami starej rady³; Alexandrem Żytkiewiczem, Demianem Sidorowiczem, raycami nowej rady, Benełdykiem Michałem Niedzwięckim, Hrehorym Łosukiewiczem, | raycami starej rady; Fiedorem Janem Sofronowiczem, | Athanazym Kazimierzem Niedzwięckim, ławnikami nowej | rady; Stephanem Bucniem, Janem Olisiewiczem, Pawłem

¹НИАБ. Ф. 1816. Оп. 1. Д. 33. Л. 154–154 об.

²Там же. Д. 1. Л. 989–989 об. (орфография писаря передается без изменений и исправлений: сохранены подчеркивания, выносные буквы переданы курсивом, сокращения слов раскрыты в круглых скобках; прописные буквы и знаки препинания расставлены в соответствии с нормами современного правописания).

³Очередность слов воссоздана согласно нумерации над каждым из них в документе.

Piesz|kiewczem, ławnikami starey rady; mężami communitatis, | cechmistrzami różnych rzemiosł y pospolstwem miasta J(ego) K(rólewskiej) | M(iło)sci Min(ska)¹.

Za zgodą całej sesji dnia wtorkowego dla obrady y | porządków mieskich zgromadzonej w ratuszu mińskim stanęła | takowa uchwała, iż ponieważ przywileja J(ego) K(rólewskiej) M(iło)sci miastu Minskemu | nadanym, y pozytkom mieskim dzieje się derogatia przez to, że | żydzi przeciwko przywilejom libere w domach mieskich mieszkają | y browary naymują. Tedy za domawianiem się niektórych osób | z szlachetnego magistratu mińskiego y innych sanctum, aby ko|zdy mieszczanin za niedzielę cztery ode dnia szóstego junii | w roku terazniejszym tysiąc sześćset siedmdziesiąt dziewiątym z domu swego, iako też² y browaru żydów wyrumował pod winą // [l. 989 ob.] zapłacenia kop sta na urząd mieski ratusza mińskiego | od każdego, który by się tej uchwale sprzeciwił y ony do execu|tiy nie przywiodł. A lubo y kop sto winy zapłacił, iednak na | potym, aby nikt żydom domów y browarów swoich naymować | nie ważył się. A ieśliby żydzi dobrowolnie za niedzielę cztery | ustąpić z domów mieskich nie chcieli, tedy podług uchwały | tej że sessji z takowymi sprzeciwami ma być postąpiono.

Co | wszytko swego czasu iest do xięg protokołu zapisano.

Z kto|rych | wypis wydano j(ego)m(ości) p(anu) Rukianskiemu, | lantwoytowi mińskiemu. //

Следует отметить, что в других документах книги записей за 1663–1680 гг. фиксация в интитуляции акта всех должностных лиц трех каденций происходила только при особой значимости внесенного дела (продажа городской недвижимости, сбор налогов и др.). В ухвале сообщалось, что евреи вопреки прежним постановлениям селились на территории городской («ратушной») юридики в домах минских мещан, а также арендовали у них пивоварни. По этой причине жителям той части города, которая находилась под руководством магистрата, было объявлено о запрете в дальнейшем сдавать дома и пивоварни в их пользование. Евреям было приказано покинуть арендованные помещения в течение месяца, а в случае неисполнения постановления нарушителям грозил штраф в размере 100 kop gрошей³.

Необходимо обратить внимание также на определенную особенность вписания всех актов на продажу (дарение, переуступку, передачу и др.) из минской магистратской книги записей за 1663–1680 гг. –

¹ Слово написано над строкой.

² Слово написано над строкой.

³ НИАБ. Ф. 1816. Оп. 1. Д. 54. Л. 989–989 об.

обязательное указание на то, что жители городской юрисдикции не могут заключать сделки на недвижимость с евреями, а также шляхтой и духовенством. За соблюдением данных требований следили врядники и неоднократно выносили на обсуждение дела на заседаниях магистрата в случае нарушения установленного порядка. В своих жалобах они ссылались на привилей короля польского и великого князя литовского Яна Казимира от 26 июля 1672 г., где было указано, что для сохранения целостности территории и объема сбора налога жителям других юрисдикций запрещалось приобретать землю на территории юрисдикции магистрата в Минске¹ [239, с. 280–281]. В других документах книги записей за 1663–1680 гг. также встречается упоминание врядниками декрета короля польского и великого князя литовского Владислава IV, согласно которому евреям разрешалось приобретать землю только около их синагоги².

Внесение текста постановления минского магистрата в виде ухвалы в актовую книгу, а также факт ее принятия на сессии всем составом минского магистрата свидетельствует о наличии определенной конфронтации между руководством города и евреями, которые вопреки договоренностям селились и арендовали недвижимость на территории городской юрисдикции.

Протокол сессии минского магистрата за 6 июня 1679 г.³

[л. 117] D(nia) 6 junyi na sesyi we wtorek a(nno) 1679. |

Szl(achetny) p(an) Jewsowicz, p(an) Piotrowski, burm(istrz), p(an) Zydkiewicz, p(an) Sidorowicz, raycy, p(an) Sofronowicz, | p(an) Niedzwiecki, ławnicy⁴ starey rady, p(an) Łoszukiewicz, rayca, p(an) Pieszkiewicz, ławnik, | p(an) Furs, burm(istrz), p(an) Bucen, ławnik, p(an) Niedzwiecki, rayca, p(an) Szyszka, burm(istrz), p(an) Olis(iewicz), burm(istrz), Jan Olis(iewicz), ław(nik).

¹ Кроме того, по привилею недвижимость, которая была выкуплена ранее, возвращалась под управление минского магистрата. В случае продажи земельных владений шляхте либо духовенству подчиненность этого недвижимого имущества магистрату сохранялась, а налог с него уплачивался в городскую казну. Если эти требования не выполнялись, то недвижимость переходила к бывшим хозяевам без возврата ее стоимости.

² НИАБ. Ф. 1816. Оп. 1. Д. 54. Л. 1108.

³ Там же. Д. 33. Л. 117–118 об. (орфография писаря передается без изменений и исправлений).

⁴ Далее отступ 0,7 см.

Z mężow communitatis: p(an) Jakub Masłowski, Piotr Niedzwiecki, Alexander Zacharewicz, Steph(a)n | Pieszkiewicz, Daniel Olisiewicz, Hrehory Odulicz, Maciey Sosnowski, Jerzy Jakubowicz, Fiedor Zydłkiewicz, Joseph Piotrowski. |

Cechmistrze: Matyasz Chalecki, Makar Iwanowicz, Zię(n)ko, Jakub Łosowicz¹. |

Z pospolstwa: p(an) Andrzej Maslanka, Konstanty Zacharewicz, Gabryel Czerhanowicz, Dan(iel) Zołota(rewicz), | szl(achetny) p(an) Paweł Olisiewicz, Jozeph Konkowicz, Skiłowicz, Jan Olisiewicz, *Hre*²(hory) Krukowicz, Hrehory | Piotrowicz, Hieronim Kołodzieyski, | Michał Zahorski, Stephan Huńska, Siemion Juszkiewicz. //

[l. 117 o6.] Szl(achetny) p(an) Jewsowicz, burmistrz, donosił wiadomości, iż dnia onegdayszego była chorągiew trockiego i(ego)m(ości) | p(ana) w(o)j(ew)oody, na którą dla zagodzenia nic nie było od miasta³. Druga, że pocztowych p(ie)n(ią) dzy nie dobrano. | Domawiał się wydawania tych p(ie)n(ią)dzy. Prosił o deklaratią, iesli mogą ten ciężar dzwigać, czyli nie. |

Szl(achetny) p(an) Furs, burmistrz, wnosił: „Ktoż w dniu, że nie chcemy dbać, żeby rozpisy do executyi przywodzono. | Druga, iż o to nie dbamy, że zydom domy zbywają osoby pod jurzdyką mieską będące. Trzecia, iż inne | jurzdyki ciężarow nie pomagają dźwigar, iako y zydowskie. Nie pozwalać żydom, aby towary miedzy | kramy nosili y gurę brali strony, hyberny trzeba się starszynie brać, a pospolstwu wydawać dla umniewszenia iey panow zabiedz pokłonem”. Ten że decl(aracią) potrzebo(wał), co czynic z żydami, że nie dają na pocztę. |

P(an) Jewsiewicz powiedział, iż: „Nie winniesmy za miasto na zołnierzow założyli. Druga, iż o pocztowe piełniadze musiemy się kłopocic o niewydanie, a z prowentow mieyskich na to nie trzeba dawać”. |

P(an) Masło(wski), cechmistrz, powiedział, iż: „Iescze rozpisu nie uczynilismy. Pan Jew(sowicz), burm(istrz), presentował copią | listu upominalnego J(ego) K(rólewskiej) M(ości) żydom dane in tutamen. Przekładał, iż sami kupcy zapomagają żydom in | proprium civitatis gravamen. Potym zdzi przez panow są cięzkimi. Prosił o podanie sposobu, co z tym czynic, | że zdzi z nalezytości swey wyłamuią się, podatkow z siedmiu kram dawać nie chcą, ani p(ie)n(ią)dzy | podwodnych.

P(an) Furs, bur(mistrz), powiadał, iż p(ie)n(ią)dze podwodne y zołn(ierskie) nie są składanki, lecz podatek, | R(ze)cy p(ospoli)tey należący. Za czym od tego list upominalny J(ego) K(rólewskiej) M(ości) ich nie zasłania, w ostatku by się prawołwać strony bicia rzekli, iz iesli żydom bito, było dać termin biiącym, wszak nie nasyłał magistrat. |

P(an) Szyszka, bur(mistrz), wnosił, iż ten list nie może żydom z podatkow R(ze)cy p(ospoli)tey wyłamować. Jezeli ten list mają, tedy od pewnych tylko podatkow. |

Pan Jew(sowicz), burmistrz, pytał wszytkich, kto będzie do executyi przywodził, kto będzie grabił, supposito że | mnieysza pozwać y prawować się, trzeba spolnych

¹ Следующий фрагмент текста написан через интервал в 1,5 см.

² Слово написано над строкой.

³ Далее слово sami зачеркнуто.

sił. Co z tymi czynic, co swoie domy y grunty | zydom pozawodzili, y że wydatkow nie wydaią. |

P(an) Sidorowicz, rayca, rzekł, iż słuszna rzez żadney wygody zydom nie czynić pod winą na czy|nięcego, ani browarow naymować, ani kramow zydom. |

P(an) Masłowski, cechmistrz, rzekł, iż: „Zydzi gurę biorą, nikt nie winien, iż w(asza)m(ość) panowie radni nie macie | spolney namowy, gdy się kto na zydy skarzy, tedy nie bronicie y iuż po czasie radę czynicie, | gdyscie w(asza)m(ość) niektorzy żydow na nas wsadzili. Dać by pokoy teraz temu, kiedy w ten czas zydow | nie grabiono, nim list Krola J(ego) M(iłości) upominalny zaszedł”. Potym rzekł, iż: „Ia pozwałam zydy grabić”. |

P(an) Furs, burmistrz, rzekł, iż list na list wyprawić posławszy do Krola J(ego) M(iłości), potym pozywać. |

P(an) Łoszukiewicz, rayca, rzekł: „Ta przyczyna z tego, że sprawę, ktorą ieden burmistrz za swego | roku zaczął, drugi kończyć nie chce, trzeba temu zabiegać, a niech kończy drugi, co ieden zacznie. | Trzeba by tych sądzić, który zydom dobra swe zawodza przeciw przywileiom”. |

Pan Pieszkiewicz, rayca, rzekł: „Pierwiej zydow upomniec, potym kosztu nie żałować, list | na list u Krola J(ego) M(iłości) wyprawić na zniesienie listu zydom danego zaręcznego, grabić nie pewna”. |

P(an) Jewsowicz, burm(istrz), rzekł, iż pierwiej trzeba tych pozwać, którzy zydom kotły e[x] zawiedli, y | sądzić. Druga, strony hyberny, nie trzeba nam samym grabić zydow¹, bo by oni zadali naruszenie li|stu zaręcznego. Więc do i(ego)m(ości) p(ana) hetmana posłać proszęć, aby przysłał zołnierzow. Niech oni | sami hybernę u nich wybierają. Muszą zydi oddać. Czy kazać ustąpić zydom z domow | chrzescianskich zawiedzionych pod jurzdyką mieską. |

P(an) Zydkiemiewicz, rayca, rzekł, iż terminu trzeba zydom czekać, potym kazać ustąpić, a od | tego czasu nie naymować domu ani browarow, bo są takie domy, które sami zydzi budowali | na mieskich placach.

P(an) Jewsowicz, burmistrz, replikował, iż dosyć terminu ustąpienia nie|dziel 4. Muszą zydi ustąpić, okna y drzwi pobrawszy, bo potym deputat gospodę zapisze.//

[l. 118] Zgoda całey sessyi², p(anów) burmistrzow, raycow, ławnikow y mężow communitatis, | cechmistrzow roznich rzemiosł y całego pospolswa, aby kozdy mieszczanin tak z domu, iako | y browaru swego za niediel cztery wyrumował zydow³ pod winą na urząd kop stu na sprzeciwnego, a potym | *aby nikt im nie zawodził*⁴. |

Sł(awetny) p(an) Jewsowicz, burmistrz, wnosił wzgldem rozpisu na hybernę, podymne, pocztowe p(ie)n(ią)dze, | aby nie bawiąc wydawali. Trzeba aby był rospis przy takiej gromadzie. |

¹ Слово написано над строкой.

² Далее слова aby на зачеркнуты.

³ Слово написано над строкой.

⁴* слова написаны над строкой.

P(an) Furs, bur(mistrz), prosił o declaratią strony podatku na dług w Grodnie zaciągniony. |

P(an) Jewsowicz, burmistrz, wnosił krzywdę y zranienie p(ana) Łoszukiewicza, raycy, prosił o dobrą radę, | zwłaszcza pochwałki na cały magistrat, gdzie o całe miasto. Deklarowali koszt całego miasta. |

My burmistrze, raycy, ławnicy starey y nowey rady, mężowie communitatis, ce|chmistrze rzemiosł y wszytkie pospolstwo czyniemy wiadomo tym naszym pismem, iż w spra|wie sławetnego pana Łoszukiewicza, raycy mińskiego, z i(ego) m(oścą) panem podkomorzym min|skim o zbiecie y zranienie na dobrowolney drodze y o pochwałki na magistrat cały, tak że | w sprawie z zydami, wzg|łedem wyłamywania się z powinności antiquitus od nich pełnio|ney spolnego wszyscy od nas kosztu od żaczenia tych spraw aż do skonczenia prawując się | całego miasta expensami bronić nie będziemy y ten koszt [depressio]¹ wydamy, a nie tylko² z skrzynki miesc|kiey. Na co dla lepszey wiary ręka się naszą podpisujemy. |

Jerzy Jewsowicz, | burmistrz minski, | Jan Furs, burmistrz minski m(anum) p(ropria), | Jan Piotrowski, burmistrz | minski m(anum propria), | Michał Szyszka, burmistrz | starey rady, | Paweł Ollisiewicz | Fillipowicz, burmistrz | minski, | Damian Sidorowicz | reką swą, | Alexander Zytkiewicz| rayca roczny renko | swą, |, Hrehory Łoszukiewicz, rayca minski, m(anum) p(ropria), Fiedor Jan Soffronovicz, ławnik m(anum) p(ropria), Stepc(h)a(n) Bucn, ławnyk, | Kazimierz Niedzwiecki, ławnik m(anum) p(ropria), | Paweł Pieszkiewicz, ławnik m(anum) p(ropria), | Jakub Masłowski, | Piotr Niedzwiecki, mąż communi(tatis), | Maciey Sosnowki m(anum) p(ropria), | Michał Michayłowicz, mąż com(munitatis)³. // [л. 118 об.] Andrzej Michałowicz Maslianka, Michał Olisiewicz, cechmistrz kusznierski, | Jakub Łosowicz, cechmistrz rymarski, | Stephan Silewestrowicz Hunka, | Hrehory Krukowicz, | Zienow Dunaiewicz, cechmistrz, | Hrehory Pietrowicz, | Heronim Kołodzwsky, | Andrzej Michayłowicz. | Nie mogąc sam podpisać prosił, aby imię | onego podpisał. | Makar Iwanowicz, | cechmistrz krawiecki⁴.

Также следует отметить, что за период 1674–1680 гг. в отношении еврейской общины на заседаниях минского магистрата на обсуждение выносились вопросы о несвоевременной уплате налогов⁵; выселении евреев с территории городской юрисдикции и урегулировании застройки жилья по установленным ранее нормам⁶; обсуждались проблемы торговли, размещения магазинов, аренды пивоварен⁷. Однако

¹ Слово написано над строкой.

² Слово написано над строкой.

³ Собственные подписи, до конца страницы оставлен отступ около 3 см.

⁴ Следующий фрагмент текста написан через интервал в 6,3 см.

⁵ НИАБ. Ф. 1816. Оп. 1. Д. 33. Л. 23 об., 113 об., 145, 147 об.

⁶ Там же. Л. 50, 50 об., 69 об., 110 об., 146 об., 154.

⁷ Там же. Л. 68 об., 139 об., 154 об.

все протокольные записи по этим делам краткие и в большинстве случаев являются констатацией проблемы без записи о дальнейшем ее решении. В таком случае представляет интерес подробный протокол сессии за 6 июня 1679 г. для понимания предпосылок и повода для утверждения постановления минского магистрата¹. В протоколе зафиксированы все внесенные предложения и озвученные жалобы от должностных лиц минского магистрата на представителей еврейского населения города, которые стали причиной для принятия ухвалы на сессии. Они касались прежде всего аренды евреями домов и пивоварен, неуплаты общиной налогов и их насильственного взыскания, а также затрагивались вопросы торговли, уточнения определенных правовых норм в отношении евреев и поблажек со стороны некоторых чиновников в случае разрешения жалоб мещан на еврейское население. Под текстом протокола сессии за 6 июня 1679 г. поставлены подписи присутствующих урядников всех трех каденций, что в минской магистратской книге за 1674–1680 гг. встречается только в двух случаях. Дальнейшее вписание ее текста в актовую книгу записей за 1663–1680 гг. придало правовой статус этому документу.

Документ ухвалы из минской магистратской книги записей за 1663–1680 гг. и протокол обсуждения соответствующего постановления на заседании минского магистрата от 6 июня 1679 г. представляют ценность для исследователей истории городского самоуправления. В них отражены процессы, происходившие в отмеченный период в городе по вопросам взаимодействия магистрата с еврейским населением, а также организации его деятельности по правовому регулированию конфликтов с жителями других юрисдикций. Так же это единственный пример актуикации источника городского права в минских магистратских книгах за отмеченный период.

3.5. Берестяные грамоты как источник по проблеме функционирования налогово-данической системы в Древней Руси

Берестяные грамоты как уникальный источник по истории средневековой Восточной Европы в исторических исследованиях различных сторон жизни наших предков занимают особое место.

¹НИАБ. Ф. 1816. Оп. 1. Д. 33. Л. 117–118.

Берестяные грамоты позволили дать имена безымянным находкам археологов. Благодаря им была воссоздана генеалогия наиболее влиятельных боярских родов, выявлена роль в тех или иных событиях отдельных лиц [240; 241], персонифицированы некоторые произведения искусства домонгольской эпохи [242]. Все это невозможно было бы сделать до обнаружения берестяных грамот. Данный источник может стать ценнейшим в изучении проблемы функционирования и эволюции налогово-данныческой (фискальной) системы древнерусского этнополитического пространства [243]. Показательно то, что найденные первыми в 1951 г. грамоты (№ 1 и 2, обе относят к XIV в.) свидетельствовали об описании доходов с нескольких сел, а также пушного оброка. Последующие найденные берестяные грамоты стали источником по деловой переписке, касающейся сбора налогов и дани.

Берестяные грамоты, являясь аутентичным источником, позволяют получить сведения для определения таких явлений Древней Руси, как окладная единица, разновидности налогов и дани, содержание и размер податей. Из берестяных грамот мы узнаем информацию о том, что такие представители государственной администрации, как ябетники, детские, отроки, а также дьяки (диаки), были задействованы в сборе различных податей (встречаются поралье, погородье, медовое, поногатное), а также получаем сведения об объеме вознаграждения сборщиков налогов и дани.

Особенность рассматриваемого вида письменных (и вещественных) источников заключается в том, что их количество увеличивается с каждым новым археологическим сезоном. Расширяется география находок берестяных грамот, которая включает также территорию современной Беларуси. В настоящее время обнаружено более 1200 берестяных грамот, из них более 1150 – на территории российского Новгорода. Хотя основной комплекс находок – это Новгород Великий, однако растет число грамот, обнаруженных на месте древних городов Старая Русса, Торжок, Смоленск. География находок включает также Тверь, Рязань, Псков, Москву, Звенигород Галицкий, Вологду, Витебск и Мстиславль. Берестяные грамоты, найденные вне Новгорода Великого, чаще свидетельствуют о функционировании финансовой системы: реестры соляного сбора, долговые списки, денежные реестры, распоряжения сборщикам податей из Старой Руссы [244]. Однако историография проблемы функционирования налогово-данныческой системы Новгородской земли

и древнерусского этнополитического пространства все еще остается на уровне анализа отдельных грамот. Отсутствуют обобщающие работы, в которых прослеживалась бы эволюция фискальной системы, создавалась полная картина податной зависимости населения Новгородской земли и даннических обязательств ее периферии, реконструировалась структура всех звеньев новгородской администрации, занимавшейся сбором налогов и дани. Между тем накопленный аналитический материал позволяет осуществить исследование, которое прояснило бы ситуацию с развитием фискальной системы в других регионах Древней Руси, чья история еще не освещена с помощью берестяных грамот.

Приведем основные тематические блоки информации по функционированию налогово-даннической системы Древней Руси, которая представлена в берестяных грамотах: 1) круг должностных лиц, занимавшихся сбором налогов и дани; 2) конкретные формы податного обложения населения, виды повинностей; 3) окладная единица, т. е. плательщик налогов и дани; 4) содержание, размер и характер дани; 5) процедура (в том числе распределение дани) и время сбора разнообразных податей, а также рекомендации сборщикам; 6) география даннических отношений.

К обозначенным темам следует добавить вопрос об участии князя и его военной организации (дружины) в осуществлении фискальной функции (что является несомненным для иных регионов Древней Руси, но спорным для Новгородской земли). Важно указать также проблему участия децимальной (десятичной) организации в распределении и сборе налогов и дани.

Берестяные грамоты также являются источником информации о круге должностных лиц, задействованных в сборе налогов и дани, которая отсутствует в других источниках. Берестяные грамоты домонгольского периода содержат небольшой объем названий должностных лиц, в чьи обязанности входил сбор налогов. Чаще всего встречается обобщенное наименование «муж» или «люди» (грамота № 902; начало XII в.: «пошли другого мужа»; грамота № 295; 20–30-е гг. XIII в.: «пошли же с этим мужем обратно расчет...»; грамота № 724; 60–70-е гг. XII в.: «оставили меня... людье»); встречаются также упоминания «дьяка» (грамота № 739; 20–30-е гг. XII в.), «подвойского» (грамота № 147; 20–30-е гг. XIII в.), «отрока» (грамота № 509; 60–70-е гг. XII в.). В последнем случае присутствует указание на получение отроком за свою работу вознаграждения («за сбор

податей или долга с процентами по куне с мужа»). О том, что сборщик подати берет «по куне», свидетельствует и грамота № 640 (середина 50-х – середина 90-х гг. XII в.). Возможно, уже в домонгольский период в качестве сборщика податей упоминается «емец» или «борец» (в грамоте № 12 из Старой Руссы; 40–60-е гг. XII в.). Встречающееся в грамоте № 147 (20-е гг. XIII в.) название должностного лица – «подвойский», который обещает вышестоящему лицу хорошее «почество», возможно, обозначает должность судебного чиновника.

В грамотах домонгольского периода можно обнаружить свидетельство решающей роли посадника в распределении дани. Это следует из грамоты № 222 (в том случае, если ее содержание понято правильно и под именем Гюрги имеется в виду посадник Гюргий Иванович, о чем утверждает А. А. Зализняк) [245, с. 442]. Так, некий Матей, сборщик дани с колбягов, обращаясь к Гюрги, пишет, что «у тьбы жрьбье скоть по людьмо» («в твоих руках распределение долей, деньги по людям»). О значительных отчислениях (возможно, от собранной дани) в пользу посадника говорит и грамота № 601 (вторая половина XII в.: «посадьнику 30 [гривен] дани»).

В берестяных грамотах также упоминается об участии представителей княжеской дружины в фискальных отношениях. Однако в грамотах не встречается свидетельств о сборе дани непосредственно представителями дружины – княжескими детскими. Их роль, скорее всего, следует понимать как арбитражную и частично репрессивную. К княжеским детским обращаются в случае необходимости восстановить справедливость или принудить не-плательщика выполнить определенные фискальные обязательства. В первом случае роль княжеского детского представлена в грамоте № 222 (первая четверть XIII в.): обвиненный, возможно, в сокрытии части дани с колбягов некий Матей пишет, возможно, посаднику Гюргию о том, что готов заплатить княжескому детскому гривну серебра, чтобы тот поехал к несправедливо обвинившим данника. Своеобразная репрессивная функция детского, возможно, следует из грамоты № 295 (20–30-е гг. XIII в., сохранилась в неполном виде), из содержания которой известно, что высокопоставленный данник (возможно, посадник) требует от какой-то податной группы населения рассчитаться по старым долгам и произвести новый расчет (въдание), иначе будет прислан детский и придется уплатить еще и погон (т. е. плату на покрытие дорожных расходов административного лица) [245, с. 473]. Также в грамоте № 13 из Торжка присутствует

информация об угрозе прибытия княжеского детского в случае невыполнения неких обязательств [245, с. 451].

Еще более ценное подтверждение репрессивной функции княжеской военной организации содержится в грамоте № 890 (середина XII в.). В дошедшем до нас фрагменте письма, адресованном, вероятно, князю, некое должностное лицо в связи с отказом какой-то группы населения платить подать просит прислать дружины (другим решением возникшей проблемы был бы арест некоего лица, чье имя не сохранилось). Называемый в качестве участника осуществления фискальной функции отрок, безусловно, не имеет отношения к княжеской дружине. Понятие «отрок» как наименование должностного лица означает человека, стоящего ниже по социальной лестнице (изначально младше и по возрасту), находящегося в подчинении. Отрока необходимо рассматривать как помощника старшего данника.

В период после монгольского нашествия характерным наименованием сборщиков налогов и дани становится слово «борец» (в родительном падеже – «борца», производное от глагола «брать»). Отметим также прямое указание на подчинение сборщиков налогов и дани посаднику (они так и называются – «посадницы» (грамота № 463; конец XIII – начало XIV в.). Тексты на бересте подтверждают и встречающееся в летописи [246, с. 108] наименование высокопоставленных сборщиков дани – «данники» (в оригинале – «даник») (грамота № 281; 80–90-е гг. XIV в.).

Таким образом, содержание берестяных грамот позволяет обнаружить следующую систему организации фискального аппарата Новгородской земли: данник (на раннем этапе – мечник, или емец, позднейшее их название – «борец») – ответственный перед посадником, осуществляет сбор налогов и дани с помощью подчиненных ему людей (называют этих лиц вспомогательного персонала также отроками, дьяками). Эти же лица осуществляют разверстку податей или дани, на что неоднократно указывают берестяные грамоты (грамота № 902; начало XII в.: «в Езьске разверстали сорок пять гривен»; грамота № 12 из Старой Руссы). В грамоте № 295 (20–30-е гг. XIII в.) имеется описание самой процедуры распределения дани: расщепление палочки с зарубками. Размер налогово-даннических выплат был четко определен, отсюда возникали недоимки и проценты по ним, неоднократно фиксируемые в грамотах (возможно, связанные и с ростовщичеством). К низшему уровню фискального аппарата следует отнести органы самоуправления – сельские и городские общины

с их выборными органами. Хотя грамот о распределении податей от их лица не сохранилось, они, несомненно, участвовали в этом деле. В распоряжении исследователей есть только одна грамота, прямо указывающая на участие децимальной организации в вопросах налоговых выплат, – это грамота № 463 (конец XIII – начало XIV в.) «Поклон Федора и Кузьмы и всего десятка» о решении вопроса со сборщиками податей (борцами) о недоимках.

Политический строй Новгородской республики заставляет предположить, что на верху должностной иерархии должен был находиться посадник (с того времени, когда оформляется данный институт). Действительно, среди берестяных грамот можно обнаружить примеры обращения данников непосредственно к посаднику. В то же время грамоты подтверждают предположение о возникновении на территории Новгородской земли особой боярской власти. Это следует из закрепления некоторых податных регионов за конкретными боярскими семьями (В. Л. Янин видит в этом зарождение кормленческой системы) [247, с. 128]. Однако связь самого действия по сбору податей с аппаратом княжеского управления из содержания берестяных грамот прямо не прослеживается. Тем не менее не следует отрицать какое-либо значение князя и его военной организации в сборе податей и даней. Изначально представители дружины были, возможно, непосредственно включены в аппарат фиска (обозначение данников мечниками прямо об этом свидетельствует). Дружинная терминология некоторое время продолжает использоваться для обозначения сборщиков дани. Такое явление было характерно и для других восточнославянских регионов. Так, из документов Метрики ВКЛ известно, что на территории белорусских земель для обозначения фискальных и судебных чиновников до XVI в. использовался термин «детские» («децкія»), несомненно, восходящий к древнерусским реалиям. Однако и после ограничения власти князя со второй четверти XII в. его авторитет (а также военная организация) оказывает существенное влияние на сбор налогов и дани.

Рассмотренные примеры наименований должностных лиц государственного фиска позволяют сделать вывод как о неустоявшейся терминологии, так и о несовершенстве всей налогово-даннической системы на территории Новгородской земли. Формирование терминологии даннических отношений находилось в начальной стадии, поэтому преобладало словообразование путем использования глаголов, означавших в повседневной лексике сам процесс сбора

(или отдачи определенных материальных благ, например емец, борец, данник). Прослеживается использование профессиональной дружинной терминологии (мечники, детские). Еще один вариант возникновения наименований сборщиков дани – по их положению в должностной иерархии через переосмысление социального или возрастного статуса – также обнаруживается в берестяных грамотах (отроки, детские).

Неустойчивость терминологии налогово-даннических отношений прослеживается в содержании берестяных грамот и названиях конкретных фискальных обязательств населения. Как правило, само содержание выплат было связано с хозяйственной специализацией податного населения, что в некоторых случаях находило отражение в наименовании податей (медовое, рало или поралье: грамоты № 910, 663, 805). Именно поралье, предполагающее выплаты земледельца с единицы вспаханной одним ралом площади, следует отнести к основным видам сбора налогов и дани с населения. С городского же населения взымалось погородье, встречающееся только один раз в грамоте рубежа XII–XIII вв. (№ 718). Из грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича [248, с. 141–146; 249, с. 213–217] известно, что слово «погородье» было характерно и для других регионов.

Исследователи отмечают в качестве одной из важнейших особенностей существовавшего политического строя на территории Новгородской республики отсутствие полюдья [250, с. 33]. Между тем полюдье упоминается в грамоте князя Мстислава Владимиоровича Юрьеву монастырю (1130 г.), а также в одной из новгородских берестяных грамот (№ 226, третья четверть XII в.). Связь полюдья с институтом княжеской власти несомненна, существование же на территории Новгородской земли этой фискальной обязанности можно объяснить только ее взиманием с основных новгородских волостей, а не с территорий, всецело подведомственных князю (домениальных) (А. А. Гиппиус доказал, что грамота № 226 указывает на территорию по течению реки Паши в Обонежском ряде) [251, с. 50].

Общим же наименованием выплат населения был термин «дань», встречающийся в пяти грамотах (№ 286, 601, 718, 724, 811). Однако, исходя из содержания грамоты № 724 (60–70-е гг. XII в.), термин «дань» уже в домонгольский период мог иметь более узкое значение: контрибуция с периферийных племен (выплачивалась мехами, в указанной грамоте, рассказывающей о сборе дани в Заволочье, – песцами).

В домонгольский период преобладали выплаты деньгами (гривнами, кунами), что свидетельствует о значительном развитии товарно-денежных отношений на территории Новгородской земли. Однако в берестяных грамотах содержатся примеры натуральных выплат: медом (лукнами), маслом (в горшках), солодом (грамота № 863), возможно, полотном (грамота № 908), солью, рыбой, крупным рогатым скотом, разнообразными мехами (бобрами, песцами, куницами) и другими материальными ценностями. Размер налогово-даннических выплат, судя по всему, был четко определен, отсюда возникают недоимки и проценты по ним, хорошо известные из берестяных грамот.

Интерес представляют также берестяные грамоты, которые по своему содержанию соответствуют инструкциям по сбору дани. Кроме точного указания, с кого, что и в каком количестве собирать (это позволяет определить окладную единицу и размер налогов и дани), в них иногда содержатся рекомендации опытного сборщика, как следует действовать при сборе дани у подчиненных Новгороду народов (грамота № 286; 1360–1380 гг.) [252, с. 112–114]. Показательной в данном отношении является грамота № 12 (условно датируется 1140–1160 гг.) из Старой Руссы. Достаточно хорошо сохранившийся документ рассказывает о действиях сборщиков подати в случае отказа податного населения выполнять свои обязательства (призываются судебные исполнители – ябетники). Имеется также указание на распространение фискальных обязанностей на пришлых людей [253, с. 152–153].

В содержании берестяных грамот хорошо прослеживается такая особенность домонгольского периода средневековой истории восточных славян в сфере фискальных отношений, как преобладание личных связей.

Последние находки берестяных грамот позволяют дополнить и конкретизировать общую картину функционирования фискальной системы Древней Руси. Так, на примере документов из Старой Руссы отчетливо фиксируется хозяйственная специализация отдельных регионов древнерусского этнополитического пространства. Для Старой Руссы такой специализацией является добыча соли, в связи с чем возникло наименование «соляной сбор», зафиксированное в нескольких найденных на этой территории берестяных грамотах в 2021 г. [254, с. 17]. Значительный интерес представляет также новгородская берестяная грамота № 1140, предположительно

относящаяся к началу XIII в. Данный документ позволяет установить прямую связь между охотничим промыслом и выплатой дани (перевод грамоты: «...голод, и в лесу нет охоты, так что нам не с чем было его послать...») [254, с. 14]. Последние находки берестяных грамот домонгольского периода позволяют судить о функционировании системы таможенных сборов. Так, в новгородской грамоте № 1152 (условно датируется 1160–1180 гг.) сохранилась запись о товаре купца из Торопца: «у торопчанина на двух возах по пяти пудов и по три берковца...» [255, с. 15]. На одной из недавно обнаруженных новгородских берестяных грамот (№ 1135), датируемой приблизительно серединой XII в., отчетливо видно слово «разметь». Внешние особенности самой грамоты (отверстие в центре) позволяют предположить, что это был ярлык на мешке с собранными платежами [256, с. 89]. Более поздним временем датируется новгородская грамота № 1118, которая связана непосредственно со сбором подати (приведен перечень податных людей и размер взятого от каждого подати – «в белках и гривнах») [257, с. 29–30]. Не вызывает сомнений, что комплекс берестяных грамот, по своему содержанию связанных с фискальной сферой, также дополнится новыми находками.

Таким образом, берестяные грамоты являются ценнейшим источником информации по проблеме функционирования налогово-данснической системы в Новгородской земле и в целом в границах древнерусского этнополитического пространства. Новые находки данных уникальных документов расширяют и конкретизируют представления об отдельных аспектах налогообложения и иных обязанностях населения. Возможно, новые открытия позволят не только уточнить фискальный механизм, круг лиц, задействованных в сборе податей, но и выявить эволюцию этой важной для становления государственности сферы.

3.6. Периодическая печать как источник по истории белорусов Латвии в 1918–1940 гг.

Латвия являлась одним из центров белорусского национального движения в межвоенный период. Представители белорусского меньшинства в этой стране вели активную культурно-просветительскую и общественно-политическую деятельность, которая проявлялась

в создании сети школ, выпуске периодических изданий и книг, регулярном участии в избирательных кампаниях и т. д. В связи с этим жизнь белорусского меньшинства нашла отражение на страницах многочисленных изданий как в самой Латвии, так и за рубежом – в Западной Беларуси и БССР. Отдельные аспекты данной темы затрагивались Ю. Грыбовским [258], М. Янковяком [259], М. Голдманисом [260; 261] и другими исследователями.

Тема белорусского меньшинства получила широкое освещение в латвийской прессе. Законодательство межвоенной Латвии в период до 1934 г. в отношении как национальных меньшинств, так и средств массовой информации отличалось либеральностью. Закон о печати 1924 г. и другие правовые акты предоставляли журналистам и периодическим изданиям право свободно высказывать мнения о событиях в латвийском обществе, государственной политике и межнациональных отношениях в стране [262, с. 14; 263].

Регулярные сообщения о белорусах в периодических изданиях Латвии начали появляться в связи с деятельностью Военно-дипломатической миссии БНР в Латвии и Эстонии. Миссия действовала в 1919–1920 гг. под руководством К. Езовитова. Ее деятельность послужила толчком к активизации белорусов Риги. Например, по инициативе К. Езовитова открылся рижский отдел культурно-просветительского общества «Бацькаўшчына» [264, с. 49].

В период работы Военно-дипломатической миссии БНР общественную жизнь белорусов освещала столичная русскоязычная газета «Сегодня». Читатели этого издания узнали о жизни белорусского меньшинства в Латвии. Газета информировала, например, о деятельности Военно-дипломатической миссии и консульства БНР, концерте, приуроченном ко второй годовщине Всебелорусского съезда 1917 г., об организации «белорусской колонии» в Риге и др. Газета «Сегодня» также опубликовала интервью с руководителем Военно-дипломатической миссии БНР К. Езовитовым и дипломатическим представителем БНР в странах Балтии К. Дуж-Душевским [265; 266]. Автором значительной части статей являлся А. Горев (писал под псевдонимами «А. Горевъ» и «А. Г.»). В публикациях отсутствовала критика белорусского движения, сообщения носили информационный характер.

В августе 1920 г. был подписан латвийско-советский мирный договор, в результате которого в состав Латвии вошли значительные территории с населением, идентифицировавшим себя как белорусы.

Военно-дипломатическая миссия БНР прекратила свою работу, а центр белорусской жизни переместился из Риги в Даугавпилс [264]. В 1921 г. уменьшается количество упоминаний о белорусском движении в газете «Сегодня». Вместе с тем возрастает число сообщений о белорусском движении в латышскоязычных изданиях, которые ранее не интересовались данной тематикой. Культурно-просветительская и общественно-политическая жизнь белорусов Латвии периодически освещалась как общелатвийскими изданиями «Latvis», «Latvijas Kāreivis» и др., так и латгальскими периодическими изданиями «Latgales Ziņas», «Daugavas Vārds», «Latgalits» (на латгальском языке) [267; 259].

Особенность межвоенной латвийской прессы заключалась в том, что в изданиях нередко высказывалось враждебное отношение к белорусскому движению. Некоторые авторы не признавали существование белорусов в Латвии и писали слово «белорусы» в кавычках. Широко распространялась мысль о том, что белорусский «псевдонарод» стремится использовать бюджетные средства для деятельности своих школ, переманивая учеников из учебных заведений других национальностей [260, с. 166–167].

Идея о том, что белорусов в Латвии не существует, сочеталась с политической борьбой. Одним из критиков белорусского движения был латгальский депутат Сейма (парламента Латвийской Республики) Францис Кемпс. Он считал, что белорусы Латвии не имеют ничего общего с православными белорусами окрестностей Витебска, Минска или Полоцка. На одной из его статей имелась редакционная пометка о том, что ответственность за все приведенные данные несет автор текста. Газета «Jaunākās ziņas» сначала опубликовала статью Ф. Кемпса, а позже напечатала осуждение его позиции, защищая деятельность латвийских белорусов. Публикации и выступления Ф. Кемпса приводили к конфликтам с белорусскими деятелями. К. Езовитов, С. Сахаров и Мурник, как указано в номере «Новага жыцця» от 7 апреля 1923 г., подали специальные заявления, чтобы за клевету в прессе в адрес белорусского движения привлечь депутата Сейма Ф. Кемпса к суду [260, с. 168–170; 261, с. 18; 268].

Немало критических по отношению к белорусскому движению статей появилось в связи с событиями Белорусского процесса (1924–1925 гг.). Такие тексты, призывавшие, например, закрыть белорусские школы, публиковали издания «Latvis», «Latgalietis», «Izglītības Ministrijas Mēnešraksts». Негативные высказывания

о белорусах в прессе могли стать одной из причин сокращения численности белорусов Латвии по итогам переписей населения в два раза [260, с. 167, 171].

Отдельно следует рассмотреть издания государственных учреждений. Важными источниками по истории белорусов Латвии в 1919–1940 гг. можно назвать газеты «Правительственный вестник» («Valdības Vēstnesis») и «Сборник законов и постановлений Кабинета министров» («Likumu un Ministru kabineta noteikumu krājums»). В газете публиковались тексты принятых законов, постановления правительства и министерств, в том числе решения Белорусского отдела Министерства просвещения. Среди опубликованных материалов содержались программы обучения белорусских школ, постановления о назначении белорусов на бюджетные должности; сроки школьных каникул, решения Фонда культуры о распределении средств белорусским учреждениям или, например, сообщение Министерства внутренних дел о предоставлении К. Езовитову гражданства Латвийской Республики. Представляет интерес номер газеты, посвященный пятой годовщине провозглашения независимости Латвии, где дана характеристика деятельности правительства за 1918–1923 гг., в том числе по организации белорусского школьного дела [262; 269].

«Бюллетень Государственной библиотеки» («Valsts bibliotēkas biletens») публиковал новые поступления в Государственную библиотеку Латвии, среди которых были издания Белорусского издательства в Латвии и другие книги на белорусском языке. Белорусское движение времени от времени становилось предметом обсуждения в Сейме. Речи депутатов печатались в издании «Saeimas Stenogrammas» («Стенограммы Сейма»). Данные источники могут помочь в выяснении отношения представителей различных политических направлений и национальных меньшинств к белорусскому движению. «Вестник Министерства внутренних дел» («Iekšlietu Ministrijas Vēstnesis») информировал об уголовных делах в отношении белорусов и публиковал статистическую информацию, сведения о периодических изданиях [270–272].

Источником по истории межнациональных отношений является журнал «Ежемесячник Министерства просвещения» («Izglītības ministrijas mēnešraksts»). В 1923 г. К. Езовитов напечатал в указанном издании статью «О белорусах и великорусах в Латвии». Текст статьи представлял собой ответ политикам разных взглядов и национальностей, которые отказывались признавать существование

белорусов в Латвии и, соответственно, белорусское школьное дело. С помощью статьи К. Езовитов, опираясь на работы этнографов и историков, а также на статистические данные, стремился доказать, что белорусы – отдельный народ, а белорусский язык – отдельный язык; что белорусы действительно есть в Латвии и наравне с другими национальными меньшинствами имеют право на свои школы и общественные организации [261, с. 167–168; 273; 274].

Говоря о периодической печати как об источнике по истории белорусов в Латвии, нельзя обойти вниманием белорусскую прессу в этой стране. Белорусское меньшинство организовало выпуск около 15 газет и журналов. Первым изданием стал журнал «На чужыне», единственный номер которого вышел в 1920 г. в Риге. Большинство периодических изданий печаталось в 1925–1934 гг. Среди них были такие, как «Голос беларуса», «Беларуская школа ў Латвії», «Школьная праца», «Гаспадар» и др. Белорусская периодика ориентировалась на сторонников различных политических направлений, имела тематическую специализацию, поэтому отражала разные стороны жизни белорусов [275].

Переломным моментом в истории печати в Латвии стал переворот, осуществленный К. Улманисом в 1934 г., в результате которого была введена цензура, а свобода обсуждения межнациональных отношений в прессе оказалась ограниченной [260, с. 166].

Сведения о белорусах в межвоенной Латвии можно найти в периодических изданиях Западной Беларуси в составе Польской Республики, представлявших различные направления политической мысли, таких как «Сын беларуса», «Наша праўда», «Родны край», «Кгупіса» и др. [276]. В некоторых изданиях сообщения о белорусском меньшинстве Латвии составляли регулярную рубрику (например, в газете «Наша праўда» – наряду с рубриками «З Радавае Беларусі» и «Беларусы ў Амэрыцы»). Публикации в западнобелорусских изданиях освещали основные события жизни латвийских белорусов, например начало организации белорусского меньшинства, Белорусский процесс, последствия переворота К. Улманиса для белорусской общины. Не оставляли без внимания и культурную работу, деятельность скаутов и др. Авторы многих статей с сочувствием относились к белорусским деятелям в кризисные для них моменты. Показательной является статья «Латвийская юстиция» И. Мялешки («Беларуская доля», 25 марта 1925 г.), в которой сквозь призму реалий Польши автор дал оценку событиям Белорусского процесса.

Он утверждал, что нет оснований обвинять белорусов в сепаратизме, сравнивал латвийское правосудие с политикой властей Российской империи, указывал на более мягкое отношение латвийских властей к полякам по сравнению с белорусами [277; 278].

Периодические издания отражают контакты между белорусскими деятелями Латвии и Западной Беларуси. В течение 1923 г. К. Езовитов опубликовал в ряде номеров газеты «Новае жыцьцё» очерк «Становішча беларускай школы ў Латвії», в котором информировал о демографии белорусов Латвии, приводил сведения о начале белорусского движения в стране, а также о состоянии сети белорусских учебных школ Латвии. Вероятно, именно он указан как «собственный корреспондент» той же газеты, публикавший заметки о различных сторонах жизни белорусов Латвии [279; 280].

В прессе Западной Беларуси проявлялась и внутренняя борьба среди белорусов Латвии. Если в названных выше статьях К. Езовитов стремился показать пользу своей деятельности для белорусского движения, то другой видный белорусский деятель – Владимир Пигулевский – в своем письме (под псевдонимом Гуль), напечатанном в газете «Змаганьне», обвинил С. Сахарова, Щорса и К. Езовитова в том, что из-за их действий «белорусское дело в Латвии катится к страшному катастрофическому концу», а Щорс «на всякий случай кому-то нужен, как человек, которого можно послать нанести белорусскому делу в Латвии последний удар, нужен тому, кто хочет умыть собственные руки» [281].

Белорусы Латвии поддерживали контакты с белорусскими деятелями Литвы. К. Езовитов печатал свои произведения – стихи и воспоминания – в журнале «Крывіч», который издавался в Ковно К. Дуж-Душевским. Журнал «Крывіч» также помещал ряд материалов о белорусах Латвии: впечатления В. Ластовским о посещении Латвии в 1926 г., обзор изданий латвийских белорусов, новости из жизни белорусов Латвии. Похожие материалы публиковал и ковенский журнал «Покліч» [282; 283].

Некоторую информацию о белорусах Латвии публиковали и периодические издания БССР. Журнал «Маладняк» дал развернутый обзор литературного творчества поэтов белорусского меньшинства. Данная публикация соответствовала официальной идеологии БССР: ее автор отмечал в творчестве латвийских поэтов преобладание мотивов социальной и национальной борьбы, находил в стихах подтверждение неотделимости мировой революции. Белорусским

поэтам Латвии предлагалось укреплять связь с рабочими и крестьянами, устраивать для них выступления. В целом их творчество оценивалось положительно [284].

В газете «Савецкая Беларусь» в начале 1920-х гг. существовала рубрика «Беларусы за кардонам» («Белорусы за границей»), в которой преимущественно публиковались события из Западной Беларуси. Сведения о белорусах Латвии появлялись там редко. В номере от 26 ноября 1922 г. было размещено несколько коротких сообщений о начале работы белорусских просветительских учреждений в Краславе и Даугавпилсе. Новости о политической жизни Латвии (особенно о деятелях коммунистического движения) в целом печатались гораздо чаще, чем о белорусском движении в этой стране. Освещая парламентские выборы в Латвии 6 и 7 октября 1928 г., «Савецкая Беларусь» в ближайшие к выборам дни обошла стороной результаты для белорусских деятелей, которые участвовали в выборах вместе со списками социал-демократов и независимых социалистов [285; 286].

Таким образом, периодическая печать представляет собой ценный источник по истории белорусского меньшинства в межвоенной Латвии. Публикации, посвященные белорусам Латвии, зафиксированы как в латвийских изданиях, так и в изданиях Западной Беларуси в составе Польши, а также Литвы и БССР. Эта группа источников отличается многоязычностью. Периодические издания широко освещали вопросы, связанные с деятельностью белорусской общины: культурную жизнь, работу учебных заведений, политическую активность и др. Данные источники позволяют отразить сложные процессы сохранения национальной идентичности белорусами в Латвии в межвоенный период.

Глава 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

4.1. Провениенция документов в археографических изданиях Матея Догеля и ордена пиаров Литовской провинции 1758–1764 гг. как источник по истории и реконструкции архива великих князей литовских

Археографические публикации, основанные на документах архивов, особенно периода их формирования или хранения фондообразователями, в архивоведении выступают как один из видов источников для реконструкции состава указанных документальных собраний в случае их дробления или частичной утраты. В отношении архивов периода Средневековья или Нового времени, где наблюдается дефицит прямых источников (реестров, описей и других исторических форм учета документов архива), любые альтернативные или косвенные источники о их документальном составе приобретают особую ценность для реконструкции. В связи с этим первоочередной задачей является точная идентификация названий мест хранения опубликованных актов, указанных при печати, с конкретными архивами своего времени, откуда они были заимствованы.

Объектом рассмотрения выступает состав архивохранилищ, библиотек или других мест хранения, где находились документы, опубликованные в археографических изданиях по истории внешней политики Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского и Польского королевства, подготовленных орденом пиаров Литовской провинции в 1758–1764 гг. под руководством Матея Догеля и изданных в рамках серии «*Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae*», а также в книге «*Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaris authenticis descripti*» [287–290].

Основная задача заключалась в определении происхождения документов, которые сопровождаются в названных сборниках провениенциями «*Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae*» и «*Ex Originali*».

Указанный вопрос в науке еще полностью не решен. Его разработка позволит установить степень связи обозначений провиниенции с комплексом оригиналов актов общегосударственного значения архива великих князей литовских (архива Великого княжества Литовского, государственного архива Великого княжества Литовского), что будет способствовать обоснованию приемлемости данных публикаций как источника для реконструкции состава архива во второй половине XVIII в. Кроме того, представленное исследование продолжает развивать один из аспектов, рассмотренных ранее в рамках темы исторического названия архива великих князей литовских [291].

На латинском языке название «архив (Архив?) Великого княжества Литовского» («in Archivo MDL», «in Archivo MDLith.») впервые фиксируется источником, известным как «Отрывок про наказание Слуцких князей» (лат. «Fragmentum de suplicio Ducum Slucensium Vilnae sumpto»). В историографии он фигурирует под датой «1487 г., Вилья» [292, с. 71]. Под этим названием здесь выступает сбор книг Метрики ВКЛ и оригиналов актов общегосударственного значения. Однако датировка названного фрагмента требует проверки: источник известен по копиям XVII и XVIII вв. [291, с. 7–9].

В отношении собрания аналогичных документов Польского королевства слово «архив» в своей латинской версии *archivum* впервые зафиксировано в достоверных письменных источниках под 1551 г. Именно тогда секретарем Жигимонта Августа, католическим священником, историком, писателем, деятелем Контрреформации Мартином Кромером (1512–1589) было создано знаменитое латинское подокументное описание Архива казны Польского королевства в Краковском замке – «Publicarum Regni Poloniae Literarum Inventarium et Breviarium Anno Domini MDLI» [293, с. 453–460; 11]¹.

¹ Другие названия на надписях, размещенных на бумажных наклейках на обложке, относятся ко времени создания источника или более позднему: «Inventarium publicarum literarum»; «Regni Poloniae. Cromeri 1551». Слово *literarum* можно перевести как «письма», «листы». Очевидно, здесь идет речь о «актах» или «грамотах» – документах в широком смысле слова, что соответствует значению этого слова в делопроизводстве ВКЛ. Таким образом, на этом уровне названия все документы в источнике представлены через указание на их вид как совокупность – «публичные грамоты (акты) Польского королевства». Во вступлении – посвящении монарху – также часто используется слово «библиотека» (*bibliothecas*).

Слово «архив» здесь применяется в тексте предисловия в отношении самого собрания актов Королевства в институциональном значении, в противопоставлении библиотеке: «в Krakowском архиве», «грамоты (акты) в архиве» («in archivio Cracoviensi», «literae in archivio»). Там же раскрывается специфика описания, учета, организации (классификации и систематизации) и поиска актов, что функционально присуще именно архивам в современном понимании этого слова.

«Verum de bibliotheca alias fortassis plura. Ut autem studium istud tuum laudabile est, ita ne illud quidem sua laude caret, quod publica totius regni literarum monumenta, quae hactenus *in archivio Cracoviensi* temere dissipata et neglecta iacuere, in ordinem redigi ac disponi, et in indicem conjici curasti»; «Sic autem digestus est a nobis hic index sive inventarium, quemadmodum ipsae literae *in archivio* sub titulis principum, regnorum atque provinciarum, unde profectae sunt, vel ad quas pertinent, dispositae sunt, annorum ratione observata, ita ut antiquissimae quaeque primum, novissimae postremum locum obtineant» (курсив наш. – А. Л.) [293, с. 454]. Приведем перевод, наиболее близкий к оригиналу: «И поскольку этот ваш опыт (в отношении библиотеки) достоин похвалы, то не без определенной меры похвалы (должны остаться) и публичные грамоты всего Королевства, которые до сих пор лежали в беспорядке и в запустении в Krakовском архиве. Вы же позаботились об их надлежащем упорядочивании и размещении, отражении их в указателе»; «Этот список, или опись, был составлен нами таким образом, как и сами грамоты в архиве, размещенные под названиями княжеств, королевств и провинций, из которых они происходят или к которым они принадлежат, в соответствии с порядком лет, так что самые старые занимают первое, а самые поздние («свежие») – последнее место. Теперь конкретные предметы (акты) описываются (в заголовке) как можно более скжато, с добавлением на полях года, в котором они были написаны. Так что оба, то есть номер года и предмет, при взгляде на поверхность самих грамот представляются (здесь и в описи) сразу почти одинаковыми словами, так что тому, кто хочет найти грамоты, очень легко (это сделать)».

Необходимо подчеркнуть, что приведенный случай употребления слова «архив» касается исключительно латиноязычной сферы и так называемого «коронного» архива. Тем не менее он позволяет более полно представить процесс распространения и укоренения

понятия «архив» на польском или старобелорусском языке в Польше и ВКЛ¹. Как известно, указанное польское собрание было аналогичным великокняжескому, которое хранилось в то время – в 1551 г. – в земском скарбе ВКЛ в Вильне². Более того, персональные унии, процессы перехода верховной власти в ВКЛ и Польше в конце XIV – первой половине XV в., а также определенные архивообразующие процессы в период 1551–1584 гг. привели к смешению состава обоих документальных собраний в части актов периода 1367–1401 гг. [294; 295]. Это вынуждает рассматривать вероятность взаимовлияния между обоими архивами польско-литовских монархов в процессе выработки названия архива ВКЛ во второй половине XVI – первой половине XVII в.

Непосредственно в отношении соответствующего собрания актов ВКЛ – именно комплекса оригиналов актов общегосударственного значения, а также некоторых других комплексов актов, которые

¹ В этом месте необходимо дополнить и скорректировать некоторые утверждения, приведенные на тему исторического названия архива ВКЛ в журнале «Архіварыус» за 2023 г. [291]. В частности, на с. 9–10 демонстрируется приверженность мнению, что в источниках, происходящих из Польши, слово «архив» на польском языке (*archiw, archiwum*) впервые зафиксировано в 1632 г., а в ВКЛ – в 1650 г. на латинском языке [291, с. 9, 10]. Опись М. Кромера 1551 г. позволяет расширить представления о времени возникновения и распространения понятия *archivum* именно на латинском языке как минимум в Польше. Это следует учитывать при определении даты создания «Отрывка о наказании слуцких князей», рассматривая возможность переноса нижней хронологической границы данного события на вторую половину XVI в. [291, с. 10].

² В журнале «Архіварыус» за 2023 г. содержится следующее утверждение, в котором при подготовке к печати была допущена ошибка, а именно: «Літоўская даследчыца пацвярджае ранейшыя даныя гістарыяграфіі аб тым, што ў ВКЛ фізічным складом для дзяржаўнага збору дакументаў лічылася скарбніца або скарб дзяржавы ў Вільні, у велікакняжацкім замку. Гэта фіксуюць выяўленыя ёй крыніцы 1460-х, 1480-х, 1630-х гг.» [291, с. 10]. Последнее предложение здесь нужно читать так: «Гэта фіксуюць выяўленыя ёй крыніцы 1560-х гг., 1580-х гг., 1630-х гг.». В сданной в редакцию версии указывалось буквально на источники «60-х гг., 80-х гг. XVI ст., 30-х гг. XVII ст.». Автор приносит искренние извинения госпоже Раймонде Рагаўскене, на которую ссылается в этом фрагменте, а также редакции журнала. Ошибка была допущена по причине невнимательности автора к финальной версии корректуры текста, направленной в печать.

хранились в земском скарбе, – слово «архив» в первый раз начинает фигурировать с 1669 г. в названии «Архивы казны ВКЛ»¹. И только под 1729 г. фиксируется название «архив Великого княжества Литовского» («Архив Великого княжества Литовского»?) как собрание оригиналов актов, которое, более того, противопоставляется «архиву Метрики большой канцелярии ВКЛ». При этом оно помещено в достоверном историческом источнике актового характера за подписью канцлера ВКЛ².

Во второй половине XVIII в. формулировка с названием «архив (Архив?) Великого княжества Литовского» («Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae») оказывается широко задействованной в археографических изданиях серии «*Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae*» (1758, 1759, 1764 гг.) [287–290]. Публикация в определенной степени носила официальный характер. Это было многотомное издание, подготовленное пиарами Литовской провинции под руководством М. Догеля (1715–1760). Оно имело целью издание в печатном виде на латинском языке всех известных межгосударственных соглашений и актов дипломатических отношений Польского королевства и ВКЛ с зарубежными странами. Данный проект получил разрешение монарха, был согласован с правящими кругами Королевства и Княжества, основывался на их поддержке и контролировался на предмет соответствия оригиналу. Этот факт зафиксирован во введениях относительно подготовки издания к тому или иному из томов серии: «*Approbatio*», «*Dedicatio*», «*Prospectus operis*», «*Praefatio*», «*Privileium*» [287–289]. Здесь демонстрировались тексты привилегий Августа III, разрешения, подтверждения, распоряжения канцлеров и других должностных лиц, ответственных за сохранение актов. Польский исследователь вопроса Ярослав Курковский рассматривает этот проект как явно «публичный» или общегосударственный, созданный в интересах всего общества, подобный своими целями на известное многотомное издание актов законодательства «Речи Посполитой Обоих Народов» «*Volumina legum*», осуществленное также орденом пиаров [296, с. 90–91].

¹ Archiwum Główny Akt Dawnych (AGAD). Archiwum Warszawskie Radziwiłłów (AR). Dział II. Sygn. 1565. k 1.

² AGAD. AR. Dz. II. Sygn. 2460. Regestr Pact, Hramot, Correspondentyi <...> 1729 r. s. 1, 7, 14, 15, 21.

Как известно, из восьми запланированных томов «*Codex diplomaticus <...>*» было издано только три. Первый том 1758 г. издания содержал документы об отношениях с такими странами, как Богемия, Венгрия, Австрия, Дания, Бавария, маркграфства Бранденбургское и Новое (Marchia Nova), Венецианская Республика, Саксония, Франция, княжество Брауншвейгское, герцогство Мекленбургское, Испания, Голландия, Трансильвания, Силезия, Померания, Молдавия, Валахия, Бессарабия, документы за период 1067–1732 гг. [287]. Пятый том (1759): Инфляндия (Ливония), герцогства Курляндия и Земгалия, документы 1199–1759 гг. [288]. Четвертый том (1764) – Пруссия, документы 1212–1739 гг. [289]. В ряд публикаций М. Догеля, где были размещены акты «из архива (Архива?) Великого княжества Литовского», также следует включить сборник «*Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaribus authenticis descripti*», посвященный установлению границ ВКЛ и Польского королевства между собой и с соседними государствами, изданный в 1758 г. [290].

В основе «*Codex diplomaticus <...>*» и «*Limites <...>*» были документы, которые происходили из государственных и частных архивов ВКЛ и Польского королевства. Текст большинства из опубликованных документов содержал указание на место их хранения, в некоторых случаях – на действующий учетный номер или другие поисковые данные актов. Наличие разрешений и подтверждений официальных должностных лиц, ответственных за сохранение актов, относительно соответствия текста публикации источникам может свидетельствовать о реальности и официальном характере названий, актуальном списке хранилищ документов обоих государств по состоянию на 50-е – первую половину 60-х гг. XVIII в., более конкретно – на 1754–1764 гг., т. е. на период, который охватывает время подготовки и издания всех перечисленных сборников. Анализ названных изданий, их содержания и легенд к документам позволяет выявить следующий состав мест их хранения:

- ВКЛ: 1) «архив (Архив?) Великого княжества Литовского» – в составе формулировки «*Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae*», варианты: «*Ex Archivo M. D. Litvaniae*», «*Ex Arch. M. D. Litvan.*», «*Ex Archivo M. D. L.*»; 2) «архив (Архив?) канцелярии Великого княжества Литовского» – «*Extat in Archivo Cancellariae Magni Ducatus Litvaniae*», варианты: «*Extat in Archi. Cancel. Magni Duc. Litv.*», «*Extat in Archivo*

Cancellariatu Magni Ducatus Litvaniae» и др.; 3) «Несвижский архив князей Радзивиллов» – «Ex Archivo Nesuisciensi Principum Radiviliorum», варианты: «Ex Archivo Nieśvisiensi Principum Radiviliorum», «Ex Archivo Principum Radiviliorum Nieśvisiensi», «Ex Archivo Nieśvisiensi»;

- Польша: 4) «архив сокровищницы Королевства (Польского в Краковском замке. – А.Л.)» – в составе формулировки «Ex Archivo Thesauri Regni», вероятно, он же – под названием «Ex Archivo Regni Cracoviensi»; 5) «Краковский архив Королевства (Польского)» – «Ex Archivo Regni Cracoviensi», вероятно, он же – под названием «Ex Archivo Thesauri Regni»; 6) «архив Королевства (Польского в Варшаве?)» – «Ex Archivo Regni», вероятно, он же – под названием «Extat in Archivo Cancellariae Regni»; 7) «архив канцелярии Королевства (Польского в Варшаве?)» – «Extat in Archivo Cancellariae Regni», варианты: «Extat in Archivo Cancellariatu Regni» или «Libri IV Metrices Regni» (единичный случай), вероятно, он же – под названием «Ex Archivo Regni»; 8) «архив Краковской капитулы» – «Ex Archivo Capituli Cracoviensi»; 9) «архив/табулярный графа Залусского (Юзафа-Андрея), епископа Киевского» – «Ex Archivo Illustrissimi, Excellentissimi ac Reverendissimi D. Comitis Załuski, Episcopi Kijoviensis», варианты: «Ex Archivo Illustrissimi ac Excellentissimi Comitis Załusci, Episcopi Kijoviensis», «Ex Archivo Illustrissimi ac Reverendissimi Załuski, Episcopi Kijoviensis», «Ex Tabulario Illustrissimi D. Comitis Jozefi Załuski Episcopi Kijoviensis», «Ex Tabulario Illustrissimi Comitis Załuski, Episcopi Kijoviensis», «Ex Tabulario Zalusciano», «Ex Archivo Zalusciano»; 10) «архив графа Дэмбовского (Антония-Себастьяна), епископа Куявского» – «Ex Archivo Illustrissimi Comitis Dębowksi, Episcopi Cujaviensis» [287–290].

Кроме указаний на архивы, составитель издания использует и обозначения «из оригинала», «из аутентика», «из автографа» и некоторые варианты: «Ex Originali»; «Ex Originali. Sigilla 3»; «Ex Originalibus et exemplis authenticis descripti etc fol(io) 4»; «Ex Originali. Vid(elit). Tit(ul). Austria fol(io) 342. Num(ero) CXIV»; «Ex Authentico»; «Ex Exemplari Authentico (Ex authentico exemplari), quod extat in Tabulario Illustris(simi) D. Iosephi Comitis Załuski Referendarii Regni»; «Ex Autographo» (в отношении трансумпта документа 1355 г., выполненного в 1357 г. – «Transumptum Literarum <...> vero Instrumenti»); «Aus dem Original» («Codex diplomaticus <...>», четвертый том «Пруссия», 1515 г.).

Таким образом, всего в изданиях М. Догеля упоминается около 10 отдельных собраний документов, которые названы «архив»

(«Архив»?) или «табулярий»¹. При этом некоторые из приведенных позиций могли обозначать одно и то же собрание. В редких случаях указание на место хранения актов отсутствует. Наиболее регулярно оно употребляется в пятом томе в рамках фрагмента за 1704–1759 гг. В качестве привязок к месту, очевидно связанному с хранилищем актов ВКЛ, М. Догель указывал три. Обозначение «Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae» имеется уже в изданиях 1758 г. Так, в первом томе «Codex diplomaticus <...>», посвященном странам Западной Европы, первый раз оно встречается при заголовке к документу 1589 г. в конструкции-связке с другими обозначениями провиниенции – «копия находится в» («extat in»): «Ex Originali. Extat in Archivo Magni Ducatus Litvaniae. Lib(er) Num(ero) 167. Fol(io) 78» [287, с. 240]. Наиболее ранний же здесь акт с указанием на происхождение в форме «Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae» – присяга воеводы молдавского Петра Александра великому князю литовскому и королю польскому Жигимонту Августу, 1552 г. [287, с. 618]. В то же время в сборнике документов «Limites <...>» (1758 г.) первый раз данный «архив» как место хранения документа упоминается в разделе о государственных границах с Турцией к инструкции Криштофу Кмитичу, винницкому державцу, уполномоченному от ВКЛ в вопросе верификации границ с Валахией (Румынией) и в районе Белгорода над Днестром, без даты (около 1542 г.): «Ex Archivo M(agni) D(ucatus) L(itvaniae). Lib(er) 29 fol(io) 51» [290, с. 54]. Самый же ранний акт с таким происхождением датируется здесь 1472 г. – постановление комиссаров обоих сторон о границах между ВКЛ и Инфлянтами: «Ex Archivo M(agni) D(ucatus) L(itvaniae). Liber n(umero) 6 fol(io) 279» [290, с. 207].

Чаще всего данное название как указание на место хранения актов фигурирует в пятом томе 1759 г. издания, посвященном истории взаимоотношений с Инфлянтами (Ливонией). Наиболее ранний акт с ним – документ 1216 года (sic!), при этом в своей самостоятельной форме – «Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae» [288, с. 5]. Привлекает внимание хронологический диапазон самых ранних актов, которые

¹ По аналогии с хранилищами наиважнейших актов государства в Древнем Риме (лат. *tabulae publicae* – государственные финансовые или кредитные записи). При диктаторе Луции Корнелии Сулле (138–78 гг. до н. э.) после пожара Капитолия в 83 г. до н. э. на территории Римского форума к 78 г. н. э. было возведено здание, известное в истории архитектуры как *Tabularium*. Особенность здания в том, что там же находилась и государственная казна (лат. *aerarium*).

происходят из «архива Великого княжества Литовского», например 1216, 1219, 1224, 1231, 1234, 1243, 1360, 1362, 1366 гг. В свою очередь, здесь же в пятом томе впервые в рамках названной серии фигурирует и название «архив канцелярии ВКЛ» – «Ex Originali. Extat in Archi(vo) Cancel(lariae) Magni Duc(atus) Litv(aniae)»; первое такое упоминание – в отношении документа 1350 г. [288, с. 46].

Приоритетное значение имеет вопрос о содержании названия «архив (Архив?) Великого княжества Литовского», его официальном статусе и устойчивости. Даже если допустить, что это название не передавало современное ему официальное наименование собрания актов княжества периода подготовки и публикации «*Codex diplomaticus <...>*» (1754–1764 гг.), это достаточно важное свидетельство, которое отражает существующие в то время представления образованных кругов общества о главном собрании государственных актов ВКЛ и, возможно, об обособленном, самостоятельном статусе его комплексов. Однако какому из частей архива соответствует приведенное название: комплексу оригиналов актов или книгам Метрики ВКЛ? В историографии имеются ответы на этот вопрос. Так, Я. Курковский, автор одного из исследований археографической деятельности М. Догеля, отождествляет эту провениенцию именно с Метрикой ВКЛ. В представлении историка данная форма обозначения места хранения документа (в его терминологии – провениенция, провениенционная ссылка, польск. – *proweniencja, odsyłacz proweniencyjny*) выступает аналогом названия польского документального собрания «*Ex Archivo Regni*» или «Из архива Королевства (Польского)». По его мнению, под этим названием, а также под обозначением «*Ex Archivo Cancellariatu Regni*» в «*Codex diplomaticus <...>*» следует понимать Метрику Польского королевства, а дополнения наподобие «*Ex Originali. Extat in Archivo Cancellariatu Regni, Lib. 19. Lit. T. n. 20. fol. 24*», «*Ex Originali. Sigil. 2. Extat in Archivo Cancell. Regni, Lib. 126. n. 127. fol. 3*» и т. п. – как наличие копии акта в Метрике Польского королевства [296, с. 121].

Одновременно с польским историком «догелианы» название «*Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae*» как обозначение самой Метрики ВКЛ аргументировано объяснила литовская исследовательница Инга Иларене. Она установила, что опубликованные М. Догелем в пятом томе «*Codex diplomaticus <...>*» акты демонстрируют значительное, хотя и неполное, сходство с документами книги публичных дел под номером 3 (38) / 525 из того же комплекса, посвященной Рижскому епископству и Инфлянтам [297].

Все вышеприведенное позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, заслуживают внимания формулировки в изданиях М. Догеля, которые имеют следующую конструкцию: «Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae. Lib(er) num(ero) 118»; «Ex Archivo Magni Duc(atus) Lithu(aniae). Libr(um) num(ero) 185 fol(io) 137»; «Ex Archivo M(agni) D(ucatus) L(itvaniae). Liber n(umero) 6 fol(io) 279»; «Ex Archivo M(agni) D(ucatus) L(itvaniae). Lib(er) 29 fol(io) 51»; и т. п. Они явно демонстрируют элементы учета отдельных документов, присущие именно книгам: *liber*, *numero*, *folio*. При этом виды данных книг, которые упоминаются в издании, соответствуют видовым составам книг Метрики ВКЛ и Польского королевства: «*Libri Legationum (Legationem)*» – книги посольских дел; «*Acta inscriptionem*» – актовые книги записей. При этом можно заметить, что название «архив (Архив?) канцелярии Великого княжества Литовского» в изданиях М. Догеля периодически также употребляется в качестве противопоставления оригиналам: «*Ex Originali. Extat in Arch(ivo) Cancell(ariae) Magni Duc(atus) Litv(aniae)*» (1350 г.) [288, с. 46]. При этом подобные формулировки также содержат элементы учета акта, характерные для книг Метрики ВКЛ, например: «*Extat in Archivo Cancellariae Magni Ducatus Litvaniae. Lib(er) 206 fol(io) 56*» (1639 г.) [288, с. 403–404]. Все это указывает на то, что в представлении составителей «*Codex diplomaticus* <...>» и «*Limites* <...>» названия «*Archivum Magni Ducatus Litvaniae*» и «*Archivum Cancellariae Magni Ducatus Litvaniae*» являются синонимами одного документального собрания.

Во-вторых, в изданиях М. Догеля также применялось обозначение, которое явно противопоставляет два комплекса: с одной стороны – «архив (Архив?) Великого княжества Литовского», т. е. Метрику ВКЛ, с другой – оригиналы актов, например «Из архива (Архива?) Великого княжества Литовского. В сопоставлении с оригиналом» («*Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae. Collatum cum Originali*») (1529 г.) [289, с. 257], «Из оригинала. (Копия) находится в архиве Королевства (Польского) Книга 103 Номер 104 лист 582. Есть также в архиве Великого княжества Литовского. Книга Номер 163 лист 477» («*Ex Originali. Extat in Archivo Regni Lib(er) 103 Numero 104 fol(io) 582. Item in Archivo Magni Ducatus Litvaniae. Numero 163 fol(io) 477*») (1593 г.) [287, с. 278]. В первом случае стоит заметить, что место хранения оригинала вряд ли могло быть связано с ВКЛ, скорее с Пруссией. Это был акт восстановления вечного мира с маркграфом бранденбургским, прусским князем Альбертом, выданный

от имени Жигимонта Старого, его сына и Панов Рады ВКЛ 29 июня 1529 г. в Вильне. Иначе говоря, согласно самой логике и процедуре оформления двусторонних межгосударственных соглашений в ВКЛ могла храниться разве что его копия. В известных научных описях комплекса оригиналов актов архива великих князей литовских или документальной части земского скарба ВКЛ такой единицы хранения не зафиксировано. То же можно заметить и в отношении второго из них. Соответственно, в обоих цитируемых случаях *«Archivum Magni Ducatus Litvaniae»* выступает как копиарий. Именно этим в определенном смысле и была Метрика ВКЛ.

В-третьих, отождествление объектов, обозначенных в провиниенциях *«Ex Archivo Regni»* и *«Ex Archivo Cancellariatu Regni»*, а также *«Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae»* и *«Ex Archivo Cancellariae Magni Ducatus Litvaniae»*, и их обоих с книгами метрик соответствующих государств может быть справедливым и по следующей причине. В изданиях М. Догеля не встречается (не выявлено) формулировок, которые бы подтверждали наличие одного акта в той или иной форме сразу в двух таких собраниях, наподобие *«Ex Archivo Regni. Extat in Archivo Cancellariatu Regni»* или *«Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae. Extat in Archivo Cancellariae Magni Ducatus Litvaniae»*. Кроме того, во многих документах, близких между собой по времени создания, которые имеют такие обозначения происхождения, как «архив» или «архив канцелярии», наблюдается почти полное совпадение учетных номеров книги метрики, например *«Ex Archivo Cancell. Regni Lib. 7. sub Lit. G. fol. 124»* (1454 г.) и *«Ex Archivo Regni Lib. 7. sub Lit. G. fol. 120 et 128»* (1454 г.) [289, с. 143, 145].

В-четвертых, кроме указаний на архивы, составители издания широко используют такие обозначения, как «из оригинала», «из аутентика», «из автографа». При этом какие-либо другие архивные учетные данные актов в таком случае отсутствуют. Речь идет именно об оригиналах, а не о копиях, поскольку часто здесь присутствовала информация о количестве печатей, прикрепленных к документу, других признаках, характерных именно для оригинала. Действительно, если допустить возможность применения к оригиналам актов или к месту их хранения обозначения «архив ВКЛ», использование такого обозначения происхождения документа, как «из оригинала», было бы чрезмерным и, наоборот, логичным в случае указания с помощью названия «архив ВКЛ» на копию акта в книге Метрики ВКЛ, а в случае использования оригинала – на оригинал.

Однако вопрос заключается в том, откуда, из какого собрания происходил тот или иной документ, опубликованный «из оригинала»: из «архива ВКЛ» или из его польского аналога, и из какого именно? Мог он в то время храниться вместе с Метрикой ВКЛ в том же «архиве ВКЛ»?

Данный вопрос в историографии археографического наследия М. Догеля неоднократно поднимался. Исследователи темы действительно допускают сохранение в «архиве ВКЛ» в то время и оригиналов (И. Иларэне) [297, с. 34]. В свою очередь, Я. Курковский относил эту форму обозначения места хранения документа к наиболее выраженным недостаткам справочного аппарата М. Догеля из-за ее низкой информативности. Вместе с тем он отождествил провиниенцию «Ex Originali» с таким архивом, как «Краковский архив Королевства» («Archiwum Koronny Krakowski»). Данное собрание известно в историографии также как «Архив казны Королевства Польского в Краковском замке» (польск. «Archiwum Skarbu Koronnego w zamku Krakowskim, Archiwum Skarbu Koronnego na Zamku Krakowskim», лат. «Archivum thesauri regni in arce Cracoviensi») [298]. Ученый установил, что акты из состава первого тома «Codex diplomaticus <...>», которые сопровождаются таким обозначением своего происхождения, как «Ex Originali», по состоянию на 2006 г. хранились в AGAD в коллекции пергаминов («Zbiór dokumentów pergaminowych»). Им было идентифицировано как минимум шесть единиц таких документов по истории взаимоотношений Польши с Брауншвейгским княжеством [296, с. 121, 144]. Как известно, в значительной своей части коллекция пергаменов AGAD представляет собой именно бывшее документальное собрание Польского королевства, преимущественно в форме оригиналов, которое хранилось в Кракове, на Вавеле, в хранилищах сокровищницы польских монархов, где с давних пор размещалась древнейшая и наиболее ценная часть других реликвий этого государства. В самом издании используются два названия, которые явно обозначают этот архив. Первое название почти созвучно идентификации Я. Курковского – «Ex Archivo Regni Cracoviensi»; второе название указывает на собрание актов в казне Польского королевства – «Ex Archivo Thesauri Regni». Выводы Я. Курковского об отождествлении этого хранилища именно с местом, обозначенным как «Ex Originali», можно подтвердить формулировками провиниенций такого вида к актам из первого и пятого томов, например: «Из аутентика, который есть в Архиве

сокровищницы Королевства (Польского)» («Ex Authentico quod extat in Archivo Thesauri Regni») (1399 г.); «Ex Registro Originali <...> ac ex aliis Documentis quae extant in Archivo Thesauri Regni conscripta» (1600 г.) [287, с. 109; 8, с. 510]. В другом месте указание на Архив сокровищницы Польского королевства дано в качестве противопоставления копии акта в «коронной» Метрике, на традиционном месте такого обозначения, как «Ex Originali»: «Ex Archivo Thesauri Regni. Extat in Archivo Canc(ellariae) Regni. Lib(er) Legationem. Lit(era) V fol(io) 421» (1569 г.) [287, с. 620]. При использовании самого названия указанного краковского архива сопровождение его учетными данными книги, характерными для Метрики Польского королевства, не зафиксировано.

Подобные характеристики в издании М. Догеля демонстрирует и обозначение «Ex Archivo Regni Cracoviensi», например «Ex Archivo Regni Cracoviensi. Extat in Cancell(ariae) Regni. Liber 3 N(umer)o 4 fol(io) 77» (1447 г.) [287, с. 58]. Это доказывает синонимию между ними.

Вопрос, где на момент подготовки публикации хранились собственно оригиналы таких актов, на наличие копии которых в Метрике ВКЛ указывали формулировки наподобие «Ex Originali. Extat in Arch. Cancell. Magni Duc. Litv.», остается открытым. Наиболее вероятно, это было то же собрание Польского королевства. Среди опубликованных М. Догелем оригиналов в настоящее время не обнаружено ни одного документа, который был бы зафиксирован в известных реестрах архива великих князей литовских периода его хранения как в казне («земском скарбе») ВКЛ, так и в частных архивах рода князей Радзивиллов.

Заслуживает также внимания характер документов, заимствованных М. Догелем из Несвижского архива князей Радзивиллов. Они имеют обозначение происхождения «Ex Archivo Nesuisensi Principum Radiviliorum» с незначительными вариациями. Тематика их свидетельствует о том, что это не были акты из «государственной части» архива ордината несвижского, князя Михаила Казимира Радзивила Рыбоньки, которая хранилась в Несвижском замке. Они происходили из его так называемой фамильной, т. е. семейной, части, которая содержала документы, связанные с государственной деятельностью представителей рода. Это оригиналы актов, возникших в рамках выполнения Радзивилами-канцлерами функций по управлению Инфлянтами в 1562–1566 гг.; акты, которые сложились в результате политической и военной деятельности представителей биржанской

линии рода в 50–60-е гг. XVII ст., их тесных связей с Пруссией; оригиналы и копии официальных актов по взаимоотношениям с Пруссией из XIV тома собрания «Acta Tomiciana», который был создан секретарем королевской канцелярии Станиславом Гурским (около 1497–1572 гг.) и хранился в Несвижском архиве («Ex Archivo Nieśvisiensi Principum Radiviliorum in MS. Tomickii Episcopus Cracoviensi Tom XIV fol(io) 19», «Ex Archivo Principum Radiviliorum Nieśvisiensi in MS. Tomickii Episcopus Cracoviensi et Regn(i) vice-cancell(arius) Tom XIV fol(io) 28») [288, с. 251–259, 266–269; 289, с. 289–294, 486, 498–501].

Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что в пятом томе «*Codex diplomaticus <...>*» отдельные документы 1561–1566 гг. об отношениях с Инфлянтами, которые имеют обозначение «из оригинала», сопровождаются документами из Несвижского архива князей Радзивиллов [288, с. 250–251, 269–278]. При этом как минимум один из них непосредственно касается личности канцлера Николая Радзивила Чёрного – привилей Жигимонта Августа от 28 ноября 1561 г. об «администрировании» в Инфлянтах: «*Sigismundi Augusti Regis Privilegium administrandi Ducatum Livoniae, Duci Nicolao Radziwiłł Palatino Vilnensi. Datum Vilnae d(ie) 28 November. Anno 1561. Ex Originali*» [288, с. 250–251]. Однако, возможно, это ошибка составителей издания и данный акт хранился вместе с другими подобными в Несвижском архиве. Так или иначе упомянутый случай, скорее, исключение из правила. Иначе говоря, «*Ex Originali*» у М. Догеля следует связывать прежде всего с Архивом сокровищницы Польского королевства в Краковском замке.

Таким образом, в изданиях ордена пиаров Литовской провинции 1758–1764 гг. «*Codex diplomaticus <...>*» и «*Limites <...>*» такое обозначение происхождения актов, как «из архива (Архива?) Великого княжества Литовского» на латинском языке («*Ex Archivo Magni Ducatus Litvaniae*»), соответствует архиву книг Метрики ВКЛ. Оно выступает синонимом «архива (Архива?) канцелярии Великого княжества Литовского» («*Ex Archivo Cancellariae Magni Ducatus Litvaniae*»). Их применение не совпадает с актами, опубликованными «из оригинала» («*Ex Originali*»), а даже явно противопоставляется им. Результаты изучения вопроса о месте хранения актов, опубликованными «из оригинала», позволяют отождествить данное происхождение с Архивом сокровищницы Польского королевства в Краковском замке. Следует отметить, что, несмотря на масштабную эксплуатацию названия

«архив (Архив?) ВКЛ» в крупнейшем в истории ВКЛ, а также и позднейшего периода археографическом проекте, посвященном межгосударственным соглашениям, источники второй половины XVIII в., как официального, так и неофициального характера, не позволяют утверждать, что такое название закрепилось за тем или иным комплексом актов архива великих князей литовских.

4.2. Взгляды В. И. Пичеты на развитие истории отечественной археологии

Современный этап развития белорусской археологии характеризуется повышенным интересом к истории науки. Особое внимание исследователей привлекает период между двумя мировыми войнами – время институционального оформления дисциплины. На данном этапе ведется активная работа по реконструкции творческого пути археологов, публикуются биографические очерки, переиздаются малодоступные современному читателю труды, вводятся в научный оборот ранее неизвестные документы. Создан фундамент, необходимый для осмысления особенностей формирования археологической науки. Вместе с тем изучение истории белорусской археологии межвоенных десятилетий актуализирует задачу определения уровня развития историографического направления. Поиск ответа на вопрос о том, каким образом исследователи оценивали достижения своих предшественников, в какой контекст они помещали собственные работы, дает возможность уточнить и углубить актуальные представления об эволюции отечественной археологической мысли.

Проблемы становления историографии и истории археологии Беларуси неоднократно поднимались специалистами. В литературе отмечены авторы, которые в 1920-х – начале 1940-х гг. подводили итоги археологического изучения территории нашей страны. Объектом изучения становились публикации Б. Р. Брежго, А. А. Спицына, С. А. Дубинского, А. Н. Лявданского [299, с. 192; 300, с. 7; 301, с. 4; 302, с. 587–588]. Незаслуженно мало внимания было уделено научному творчеству В. И. Пичеты. Известный историк-славист и первый ректор БГУ в своих трудах неоднократно затрагивал проблемы истории археологии [300, с. 7; 303, с. 17; 304, с. 63]. Однако эта сторона

деятельности В. И. Пичеты в белорусской историографии не раскрывается полностью. Предлагаемое исследование направлено на определение положения работ В. И. Пичеты среди историографических исследований межвоенного времени.

Указанная проблематика присутствовала в работах В. И. Пичеты, опубликованных в 1920-е и 1940-е гг.: научных статьях и монографиях [305–307], курсах лекций и научно-популярных обзорах [299; 308]. Следует отметить, что публикации были посвящены прежде всего истории Беларуси или историографии белорусской исторической науки, поэтому освещали археологические темы поверхностно.

Много внимания осмыслению истории белорусской археологии уделил В. И. Пичета в неопубликованном учебнике «История Белоруссии» [309]. Эта работа до сих пор остается малоизвестной, поэтому приведем краткие сведения о ней. В 1940 г. авторский коллектив историков под руководством академика Белорусской академии наук Н. М. Никольского завершил написание двухтомного учебника для высших учебных заведений. В основу рукописи «Истории Белоруссии» была положена программа, разработанная Народным комиссариатом просвещения БССР. Большую часть текста первого тома, хронологически охватывавшего период от первобытности до 1861 г., написал В. И. Пичета. Он же подготовил разделы, посвященные источникам, а также историографии истории и археологии Беларуси. По ряду причин учебник так и не был опубликован. В настоящее время рукопись хранится в Национальной библиотеке Беларуси [303; 306, с. 181; 310, с. 144–145]. Сведения об истории белорусской археологии приведены в двух разделах данной рукописи: «Археологические материалы» и «Археологические работы» – и частично дублируются [309, с. 24–28, 69–70].

В работах, посвященных истории белорусской археологии, В. И. Пичета затрагивал следующие темы: итоги дореволюционного этапа археологического изучения территории Беларуси; достижения советской археологии и уровень развития археологии в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Рассмотрим указанные исследовательские направления более подробно.

1. *Дореволюционный этап археологического изучения территории Беларуси.* В 1920-х гг., когда происходило становление первых научных, образовательных и просветительских центров молодой белорусской советской республики, многие авторы обратились к осмыслению предшествующих этапов развития археологии. Например,

в план историко-археологической секции Института белорусской культуры на 1926–1927 академический год была включена подготовка к печати сборника статей по истории археологии объемом до 50 листов¹. В соответствии с планами Белорусской академии наук на 1928–1929 академический год С. А. Дубинский должен был написать статью «Археологическая работа на Беларуси в дореволюционные времена и ее результаты»².

Внимание на проблему истоков отечественной археологии обратил и В. И. Пичета. Он отмечал, что археологические раскопки «в старые времена... происходили очень медленно» [299, с. 192]. По мнению исследователя, территории Беларуси в археологическом плане была слабо изучена [308, с. 6; 305, с. 8]. Наиболее исследованным регионом он называл запад Витебской губернии [308, с. 6].

В декабре 1926 г. В. И. Пичета выступил на собрании социально-исторической секции Института белорусской культуры с докладом о спорных вопросах белорусской археологии. Наиболее точно суть проблемы историк выразил следующими словами: «...не пришло ли время дать обобщение археологическому материалу, потому что материала много, а обработан он мало»³. Таким образом, ученый подчеркивал прежде всего недостаточное количество обобщающих работ, которые бы предложили реконструкцию «археологического прошлого» белорусских земель [308, с. 6].

Более развернутая характеристика дореволюционного этапа отечественной археологии была дана ученым в начале 1940-х гг. В рукописи учебника по истории Беларуси В. И. Пичета отмечал, что на белорусских землях коллекционирование древностей практиковалось уже во второй половине XVIII в. В качестве примера упоминал коллекцию музея, существовавшего при Полоцком иезуитском коллегиуме. В начале XIX в., по словам исследователя, были проведены «первые научные раскопки в Белоруссии». Основателем белорусской археологии он называл Теодора Нарбута, осуществлявшего исследования под Быховом и Рогачевом. По утверждению В. И. Пичеты, в середине XIX в. масштабы археологического изучения территории республики увеличились. Возросший интерес специалистов к изучению истории прошлого наблюдался в конце века

¹ Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 24. Л. 178–178 об.

² Там же. Д. 22. Л. 274 об.

³ Там же. Д. 23. Л. 184.

и был обусловлен подготовкой археологических съездов в Вильне и Киеве [309, с. 24–26].

В. И. Пичета особое внимание обратил на количество научных работ предшественников. Он отметил, что «до революции была проведена значительная работа, ибо не совсем полный список работ по археологии Белоруссии по 1933 г. включает в себя свыше 4000 названий разных книг, статей и газетных заметок, из которых более половины появилось в дореволюционное время» [309, с. 24].

Кроме того, В. И. Пичета выделил основные черты начального периода становления белорусской археологии. В рукописи учебника В. И. Пичета указывал, что до 1917 г. археологическое изучение территории Беларуси проводилось любителями, которые интересовались преимущественно курганами и не всегда использовали научные методы раскопок. На белорусских землях отсутствовал единый центр, который бы занимался общим руководством археологическими работами. Не было и общедоступных музейных археологических собраний [309, с. 24–26, 69–70].

Очерк развития белорусской археологии, приведенный в рукописи учебника, был дополнен перечнем ученых, которые, по мнению В. И. Пичеты, внесли большой вклад в осмысление прошлого: Ф. В. Покровский, В. Б. Антонович, В. З. Завитневич, Е. Р. Романов [309, с. 25]. Наиболее высоко оценивалось археологическое наследие А. А. Спицына. Как отмечал В. И. Пичета, этот исследователь в конце 1890-х гг. «дал ряд археологических сводок по отдельным губерниям Белоруссии» [309, с. 26], а в 1925 г. опубликовал большую статью, в которой анализировал результаты работы дореволюционных поколений археологов. Следует отметить, что учебник по истории Беларуси, который планировал создать В. И. Пичета, так и остался в рукописном варианте, а ключевые тезисы, сформулированные в 1940 г., В. И. Пичета повторил в публикации 1942 г. [306, с. 181].

Краткая, но содержательная характеристика белорусской археологии XIX – начала XX в., подготовленная В. И. Пичетой для университетского учебника, была новой для своего времени. Подведение итогов дореволюционного этапа развития археологии в СССР стало возможным только в 1945 г., во время проведения Всесоюзного археологического совещания [311]. Публикации многих белорусских исследователей конца 1930-х – начала 1940-х гг., посвященные проблемам исторической и археологической науки, соответствовали

требованиям времени и ограничивались только перечнем успехов, достигнутых после 1917 г. [312, с. 167–170].

2. Достижения советской археологии. Период 1920-х гг. характеризовался активным развитием археологии: регулярно проводились полевые экспедиции, в Минске состоялись конференции и съезды, издавались академические и научно-популярные издания, которые знакомили широкие слои общества с хроникой научной жизни и подводили предварительные результаты археологических исследований [301, с. 6–22]. Неоднократно к осмыслению достижений учреждений, организаций и отдельных исследователей обращался и В. И. Пичета.

В 1927 г. ректор БГУ подготовил для журнала «Полымя» очерк, посвященный новейшим открытиям белорусских археологов, где отмечал большую заинтересованность археологией в настоящий момент [299, с. 192]. Исследователь подчеркивал вклад Института белорусской культуры и местных краеведческих объединений в организацию археологических раскопок по всей территории БССР. Кроме того, В. И. Пичета кратко охарактеризовал деятельность многих специалистов по изучению археологических древностей. Так, опубликованную в 1925 г. обобщающую статью А. А. Спицына «Литовские древности» [313] он назвал «исходным пунктом для изучения археологического прошлого Беларуси» [299, с. 192]. Историк высоко оценил деятельность А. Н. Лявданского, работавшего в Борисовском уезде и окрестностях местечка Новый Быхов. Он упомянул о значимости раскопок, проведенных И. А. Сербовым, С. А. Дубинским, К. М. Поликарповичем на территории Минщины и Гомельщины [299, с. 192].

В. И. Пичета неставил перед собой цель осветить все направления археологических исследований в БССР. Заинтересованные данной темой могли найти подробные сведения в специализированных изданиях [314; 315, с. 257–262]. В небольшой публикации историк-славист стремился рассмотреть работы белорусских исследователей в более широком контексте. Именно поэтому он обратил внимание также на достижения украинских и русских археологов, которые имели значение и для Беларуси [299, с. 195].

Безусловным признанием заслуг В. И. Пичеты в области археологии можно считать постановление правления БГУ, выданное в январе 1929 г. Ученый был включен в состав Археологической комиссии при Народном комиссариате просвещения БССР «для подготовки

работы по БССР в связи с созывом Всесоюзного археологического съезда»¹. Однако амбициозные планы по проведению представительного научного форума так и не были реализованы, а сам В. И. Пичета был репрессирован. Общесоюзное археологическое совещание состоялось только в конце Великой Отечественной войны [311] и прошло без участия известного историка.

В 1940-х гг. В. И. Пичета неоднократно рассматривал проблемы развития белорусской археологии двух предшествующих десятилетий. Во вводных разделах учебника по истории Беларуси он посчитал целесообразным рассказать о создании историко-археологической комиссии при Институте белорусской культуры и ее последующих реорганизациях, в результате которых начала функционировать секция археологии при Белорусской АН. В рукописи положительно оценивалась археологическая деятельность музеев и краеведческих организаций. Упомянул В. И. Пичета и публикации на археологическую тематику, изданные белорусскими научными учреждениями в 1920–30-е гг. [309, с. 28].

Исследователь кратко охарактеризовал результаты археологических исследований после революции. Он отметил, что изучение территории республики приобрело систематический и планомерный характер. В результате масштабных работ на востоке Беларуси были выявлены 2 стоянки верхнепалеолитического времени, около 800 стоянок периода эпипалеолита, неолита, бронзового века, около 900 городищ и 100 селищ, отнесенных к железному веку. Белорусскими археологами, утверждал В. И. Пичета, было открыто около 3000 курганных могильников и около 30 000 курганных насыпей, возведенных в X–XIII в. Историк не ограничился приведением количественных показателей и пробовал определить культурную принадлежность ряда памятников [309, с. 27–28]. На страницах рукописи учебника «История Белоруссии» В. И. Пичета отметил работы И. А. Сербова, В. Р. Тарасенко и К. М. Поликарповича, подчеркнув, что именно К. М. Поликарповичем осуществляется «общее руководство ими (раскопками. – А. В.) и обработка собранного материала» [309, с. 26–28, 69–70].

Общая положительная оценка уровня белорусской археологии 1920–30-х гг. была дана В. И. Пичетой в обзорной публикации, размещенной в сборнике статей «Двадцать пять лет исторической науки

¹Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 315. Л. 41, 43.

в СССР. 1917–1942» за 1942 г. [306, с. 181]. Отдельные достижения, прежде всего открытие палеолитических памятников, перечислялись также в статье, напечатанной в журнале «Вопросы истории» в 1946 г. [307, с. 11–12].

Тексты В. И. Пичеты, подготовленные в начале 1940-х гг., не были единственным на то время подведением итогов работы белорусских ученых. Следует предположить, что данная проблематика рассматривалась в ряде рукописей других авторов, не дошедших до нашего времени [316, с. 213–214]. Затрагивалась она и в обобщающей статье под редакцией Н. М. Никольского, опубликованной в 1938 г. [312, с. 167–170]. В отличие от сотрудников Белорусской АН В. И. Пичета не только охарактеризовал результаты конкретных археологических исследований, но и обозначил ключевые этапы институциональной истории белорусской археологии. Еще одной особенностью работ историка следует считать обзор библиографии по археологии Беларуси. Несмотря на возможные последствия, исследователь не побоялся, пусть и в лаконичной форме, рассказать студентам про издания, почти все авторы которых были репрессированы.

3. Развитие археологии в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Проблема функционирования археологической науки в Западной Беларуси «в годы польского владычества» поднималась в рукописи учебника по истории Беларуси [309, с. 28]. В. И. Пичета отмечал, что заметного развития в 1921–1939 гг. археология не получила. Единственными успехами ученых он называл исследования курганов в северной части Вилейщины, раскопки Старого Замка в Гродно, работы на городище раннефеодального времени в Давид-Городке [309, с. 28]. Следует отметить, что рассуждения историка были посвящены недостаточно раскрытои в историографии того времени теме. Вместе с тем в начале 1940-х гг. вопрос об особенностях археологической изученности «западных областей БССР» приобретал не только идеологическое, но и научное значение: в последнюю предвоенную осень К. М. Поликарпович приступил к обследованию территории Пинской области [316, с. 77, 207].

Таким образом, В. И. Пичета также являлся автором научных работ, посвященных проблемам истории белорусской археологии. Наиболее фундаментальный обзор истории науки был подготовлен им в начале 1940-х гг. и предназначался для университетского учебника. В данном обзоре исследователь раскрывал вопросы развития

археологии в дореволюционный период, обсуждал достижения советских ученых, критически оценивал степень археологической изученности территории Западной Беларуси.

Темы, которые рассматривал В. И. Пичета, были достаточно новыми для своего времени. По многим причинам только небольшая часть научного наследия историка оказалась доступной для отечественного археологического сообщества. Несмотря на то что работы были написаны историком более 80 лет назад, они сохранили свою актуальность и в настоящее время. Не теряют своей значимости слова, с которыми В. И. Пичета обратился к коллегам в далеком 1927 г.: «Белорусскому археологу и историку нужно считаться с достижениями науки археологии, что, безусловно, даст возможность разобраться в ранних культурных связях и отношениях народов, живших на территории Беларуси в доисторическую эпоху» [299, с. 195].

4.3. Опыт Национального архива Республики Беларусь по подготовке электронных изданий

Важным направлением в работе архивных учреждений по использованию документов является публикационная деятельность. Она позволяет донести до широкого круга заинтересованных лиц архивные источники по определенной теме без обращения в архив. Развитие современных технологий дает возможность архивистам осваивать новые формы документов, в том числе представленные в открытом доступе: виртуальные выставки (как по документам одного архива, так и межархивные); научно-справочный аппарат, базы данных, архивные сборники в электронном виде и т. д. В этом направлении активная работа проводится Национальным архивом Республики Беларусь (НАРБ), который успешно использует перечисленные формы публикации документов, а также внедряет новые – электронные издания.

Подготовка электронных сборников проводится совместно с Национальной библиотекой Беларуси, которая осуществляет разработку программного обеспечения. К выявлению документов также привлекаются архивные учреждения Беларуси и зарубежных стран. Первым таким совместным проектом стал сборник «Подпольная и партизанская печать Беларуси: газеты, листовки, рукописные

материалы, стенгазеты» (2009 г.) [317], который переиздавался в 2010 и 2015 гг. В 2010 г. вышло электронное издание «Спадчына акадэміка Яўхіма Карскага: да 150-годдзя з дня нараджэння» [318]. В 2019–2020 гг. опубликованы три сборника из серии «Партизанский архив», в которых была осуществлена публикация следующих документов: «Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1944 год» [319], «Сводки и спецсообщения руководящих органов партизанского движения в Беларуси: 1942 год» [320], «Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1943 год» [321]. В 2021 г. начата работа над двумя тематическими сериями: «Переселенцы из БССР» (в 2022 г. вышел сборник «Белорусы на целинных землях Казахстана: 1954 г. – середина 1960-х гг.» [322]) и «НЭП в БССР» (в 2022 г. вышла «Новая экономическая политика в БССР: сельское хозяйство» [323]).

Необходимо отметить, что большинство приемов, которые применяются при подготовке электронных изданий, являются классическими для любой архивной публикации. Однако у них существует специфика, которую рассмотрим на примере сборника «Белорусы на целинных землях Казахстана: 1954 – середина 1960-х гг.».

Указанное издание стало первым в серии «Переселенцы из БССР», посвященной экономической миграции населения в послевоенный период (участию белорусов в освоении целинных земель Казахстана, стройках в Сибири, переселении в Карело-Финскую ССР и Калининградскую область). Сборник включает 187 документов из белорусских (НАРБ, Белорусский государственный архив кинофонодокументов (БГАКФД), Государственный архив Минской области) и казахских архивов (Архив Президента Республики Казахстан (АП РК), Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГА ВКО), Государственный архив Костанайской области (ГАКО), Лисаковский региональный государственный архив).

Издание имеет следующую структуру: 1) от составителей; 2) историческое предисловие; 3) перечень опубликованных документов; 4) документы; 5) иллюстративный блок; 6) видеоряд; 7) биографические справочники; 8) список сокращений; 9) Именной указатель; 10) географический указатель.

Как видим, большинство позиций характерно для традиционного бумажного издания. Документальная часть состоит из четырех разделов: документы центральных и республиканских партийно-советских органов об освоении целинных и залежных земель; организация

и отбор кадров переселенцев (подразделы: организация и деятельность студенческих отрядов по освоению целинных и залежных земель, качественный и количественный состав переселенцев, география освоения целинных и залежных земель); формы и методы привлечения рабочей силы в районы освоения целинных и залежных земель (подразделы: агитационно-пропагандистская работа и «общественный призыв», направление выпускников школ, средних специальных и высших учебных заведений, переселение семьями, транспортное обеспечение и сопровождение выезжающих на освоение целинных земель); организация работы, быта и повседневной жизни переселенцев (подразделы: письма и воспоминания переселенцев, моральное и материальное поощрение переселенцев, вклад белорусского государства и народа в освоение целинных и залежных земель). Документы (PDF-файлы с разрешением не менее 300 dpi) в разделах/подразделах сгруппированы в хронологическом порядке, содержат заголовки (просмотреть легенду можно только в перечне), на документах из АП РК проставлены водяные знаки (рис. 2).

Переселение семьями

← X

<p>22 декабря 1954 г.</p> <p>14 января 1955 г.</p> <p>18 апреля 1956 г.</p> <p>2 марта 1957 г.</p> <p>16 марта 1957 г.</p> <p>15 марта 1957 г.</p> <p>29 августа 1957 г.</p> <p>29 июля 1959 г.</p> <p>12 сентября 1959 г.</p> <p>28 ноября 1959 г.</p> <p>28 сентября 1960 г.</p>	<p style="text-align: center;">ПРИКАЗ</p> <p>начальника Главного управления по переселению организованному рабочим людом при Совете Министров БССР № 7</p> <p>Ч. 1. Установляется, что с 1 января 1955 года по 31 декабря 1956 года включительно из числа поступивших в АП РК рабочих, имеющих землю в колхозах районах, поселках и городских районах БССР, в количестве 150000 человек, включая гражданскую, рабочую в колхозах и 450 семей с детьми, необходимо привлечь для выполнения плана по колхозам и совхозам в количестве 150000 человек.</p> <p>2. Установляется, что с 1 января 1957 года по 31 декабря 1958 года включительно из числа поступивших в АП РК рабочих организованному рабочему люду, имеющих землю в колхозах районах, поселках и городских районах БССР, в количестве 150000 человек, включая гражданскую, рабочую в колхозах и 450 семей с детьми, необходимо привлечь для выполнения плана по колхозам и совхозам в количестве 150000 человек.</p> <p>3. Установляется, что с 1 января 1959 года по 31 декабря 1960 года включительно из числа поступивших в АП РК рабочих организованному рабочему люду, имеющих землю в колхозах районах, поселках и городских районах БССР, в количестве 150000 человек, включая гражданскую, рабочую в колхозах и 450 семей с детьми, необходимо привлечь для выполнения плана по колхозам и совхозам в количестве 150000 человек.</p> <p>4. Установляется, что с 1 января 1961 года по 31 декабря 1962 года включительно из числа поступивших в АП РК рабочих организованному рабочему люду, имеющих землю в колхозах районах, поселках и городских районах БССР, в количестве 150000 человек, включая гражданскую, рабочую в колхозах и 450 семей с детьми, необходимо привлечь для выполнения плана по колхозам и совхозам в количестве 150000 человек.</p>
--	--

Приказ № 7 начальника Главного управления по переселению и организованному набору рабочих при Совете Министров БССР Д.С. Гусева об обеспечении выполнения плана переселения из БССР семей в колхозы освоения целинных и залежных земель, для работы на предприятиях лесной промышленности, рыболовецкие колхозы и приложение к нему

Рис. 2. Форма представления документов в электронном сборнике

Публикация документов в таком виде имеет как свои плюсы (работа с цифровой копией, фактически с оригиналом), так и минусы (если качество документов (текста) невысокое, это может осложнить прочтение документа; электронные публикации не дают возможности использования некоторых археографических приемов (подтекстовых примечаний, ссылок, комментариев и т. д.). Необходимо отметить, что при подборе материалов для электронного издания у составителей есть возможность публиковать документы больших объемов. Однако в некоторых случаях в рассматриваемом сборнике были опущены части документов или приложений к ним, которые не относились к теме (документы 1, 5, 8, 114, 144) или частично дублировались в других документах (документ 29).

Одним из недостатков электронных публикаций является невозможность дать ссылки на конкретные страницы, в связи с чем в именном и географическом указателях они даются полностью на документ (это не представляет проблемы, если документ состоит из 1–3 листов, однако если листов больше, то возникают сложности). Также в дальнейшем было бы необходимо рассмотреть возможность гиперссылок для перехода из перечня на сами документы, что значительно ускорило бы работу. Перспективной здесь является публикация наравне с цифровыми изображениями, оформленными в соответствии с археографическими правилами набранных текстов документов, увеличение технических возможностей текстов за счет как внутренних, так и внешних гиперссылок. В то же время следует руководствоваться реальными техническими возможностями издателей электронных сборников и необходимостью консультироваться со специалистами.

Иллюстративный блок состоит из 66 документов из фондов НАРБ, АП РК, БГАКФД, ГАКО, ГА ВКО, разделенных на следующие разделы: отправка кадров на целину, организация труда и быта переселенцев, досуг и поощрение целинников, портреты переселенцев. Электронные издания представляют возможность включать в сборники также видеоряд. Так, характеризуемый сборник включает семь видеосюжетов из БГАКФД. В них рассказывается о проводах студентов на целину, освоении целинных земель и сборе урожая, досуге и возвращении целинников на родину.

В сборник включено семь биографических справок о политических деятелях, которые стояли во главе партийно-государственных структур БССР и отвечали за вопросы переселения (Н. Е. Авхимович,

А. Н. Аксенов, Д. С. Гусев, Г. А. Криулин, К. Т. Мазуров, Л. С. Семенов, В. С. Смирнов). Справки включают биографические данные в хронологическом порядке, сведения о выборных должностях и наградах.

Необходимо отметить, что публикация сборника документов в электронном виде позволяет уменьшить его себестоимость, увеличить количество документов и уменьшить время на их подготовку (в случае представления только их цифровых образов). В то же время форма их представления должна измениться, так как диск как носитель информации уже устарел, кроме того, необходимо учитывать технические возможности при разработке структуры издания.

4.4. Организация выставок архивных документов в СССР: историографический аспект

В теории советского архивоведения использование архивных документов предполагало следующие виды: информирование, работа в читальном зале, публикация архивных документов, лекции, экскурсии, выставки и др. [324]. Выставки архивных документов не являлись отдельным объектом исследования. Они рассматривались как один из инструментов реализации этого процесса, который носил исключительно практическое значение.

Литературу, в которой отражаются особенности организации выставочной деятельности в СССР, можно разделить на две группы: учебные пособия и статьи в периодической печати. Исходя из анализа научной литературы, можно выделить следующие аспекты организации выставок архивных документов: теоретический и практический.

Впервые теоретические вопросы организации выставок архивных документов рассматривались на I Всероссийской конференции архивных деятелей. Так, вопросы значения выставок и их организации были представлены в докладах С. А. Аннинского «О пропаганде архивного дела», В. Н. Нечаева «Об архивных музеях», Н. П. Черепнина «Принципы организации выставки» и И. Л. Маяковского «Архивы, музеи и библиотеки» [325].

С. А. Аннинский обращал внимание на агитационно-пропагандистскую цель создания выставок [325, с. 125], В. Н. Нечаев отмечал,

что популяризация архивов должна происходить не только путем традиционных временных выставок, но и с помощью постоянно действующего музея архива, который нес бы в себе культурно-просветительскую идею и вызывал интерес широких масс к архивным документам. В. Н. Нечаев отмечал, что в архивном музее можно найти общеисторические, биографические и автобиографические, культурно-исторические, историко-бытовые, делопроизводственно-бытовые, графико-художественные, палеографические и мемориальные материалы [325].

В докладе Н. П. Черепнина «Принципы организации выставки» выдвигалось несколько первостепенных вопросов: какие выставки являются актуальными и как правильно нужно организовывать выставки. В противоположность С. А. Аннинскому исследователь обращал внимание на то, что выставка должна являться инструментом для работы учителей в школах и выступать в качестве наглядного материала о прошлом, а не готовиться для агитационно-пропагандистских целей. Он акцентировал внимание на том, что представленные на выставке материалы должны обладать наглядностью, поэтому из-за отсутствия должного опыта по организации выставок архивных документов архивам стоит обращаться за помощью к музеям [325, с. 126].

Научное обсуждение проблемы выставочной деятельности получило свое продолжение на II конференции архивных работников РСФСР. Результаты научного осмыслиения практической деятельности стали основой разработанной «Инструкции по организации архивной выставки», которая была представлена на конференции для обсуждения.

Впервые в 1927 г. была опубликована «Инструкция по организации выставок архивных документов к 10-летию Октябрьской революции». К ней прилагался примерный план выставки, план организации отдела популяризации деятельности архивных учреждений, а также «Инструкция Центрархива РСФСР местным архивным органам о порядке сортирования печатных и иллюстративных материалов к 10-летию Октябрьской революции и о порядке использования их на выставках Музеев Революции» [326].

Теоретически аспект в области организации выставок архивных документов нашел свое отражение также в советских учебных пособиях, где процесс организации выставок архивных материалов описывался в разделе использования документов.

В учебнике К. Г. Митяева «Теория и практика архивного дела», несмотря на то что не было дано определение понятия «выставка архивных документов», выделялись подходы к отбору и аннотированию материалов для выставки. Место выставки архивных документов определялось в разделе «Использование архивных документов». К. Г. Митяев пишет: «Архивы должны отзываться на текущие вопросы политической и общественной жизни, принимать участие в разрешении задач социалистического строительства...» В учебнике также отмечалась организация охраны экспонируемых документов [324].

В 1958 г. вышла работа Н. А. Ковальчук «Организация и использование документальных материалов в государственных архивах СССР», где также в числе форм назывались выставки архивных документов [327].

В 1969 г. В. В. Максаков в монографии «История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.)» рассматривает вопросы, связанные с различными направлениями архивной деятельности: сохранность, учет, использование и т. д. В. В. Максаковым частично были описаны виды использования архивных документов в СССР в период с 1917 по 1945 г., когда организация выставок имела второстепенный характер [328].

В учебнике В. Н. Автократова «Теоретические проблемы отечественного архивоведения» выставки определяются как одна из форм использования архивных документов наряду с радиопередачами и статьями. Исследователь относит выставки к группе малых форм использования архивных документов. В. Н. Автократов отмечает, что важной особенностью организации выставки является структурная переработка информации. Он считает, что особенность организации выставок архивных документов заключается в том, что экспонируется семантически не переработанная информация, так как на выставке архивных документов представляются не исследования, а документы в оригиналах и копиях. Также В. Н. Автократов выделяет следующие этапы организации выставки: 1) организация выставок в архиве (темы или идеи выставки); 2) определение круга привлекаемых архивных фондов; 3) выявление и отбор релевантных документов; 4) аннотирование и составление общего перечня экспонатов; 5) пространственно-структурное решение выставки. По мнению исследователя, при проведении выставок важно всегда соблюдать соотношение показа и рассказа. Документы на выставках

В. Н. Автократов называет реципиентами и пишет, что пользователь на выставках много видит, но мало читает, или просто смотрит и слушает экскурсовода. И то, что формирует привязанность к истории, вызывают именно эти «остатки прошлого» (т. е. документы) [329].

Практический аспект организации выставок раскрывался в научных статьях специализированных архивоведческих журналов «Архивное дело», «Советские архивы» и др. В зависимости от локализации проводимых архивных выставок их разделяют на три группы: выставки на территории советских республик, советские выставки за границей и международный опыт выставочной деятельности [330].

Выставки архивных документов на территории советских республик организовывались в связи с юбилейными событиями и памятными датами. Приведем описание опыта проведения данных выставок разными исследователями.

Так, Д. И. Вердыш в статье «Архивному делу Молдовии – 60 лет», перечисляя тематику проведенных выставок, обращает внимание на периодичность их подготовки, эффективность и описание сопроводительных мероприятий, которые помогают сделать архивные документы доступными и понятными [331].

В статьях З. Е. Гусаковой «Комплексное использование документов Облгосархива о культурном строительстве» [332], О. Г. Чистякова «Использование архивных документов в учебном процессе. ЦГА Карельская ССР» [333], М. В. Кривенко «Использование документов ЦГАМО в учебно-воспитательных целях» [334], О. В. Литягиной «Госархив Оренбургской области» [335] раскрываются основные вопросы использования выставок в образовательном процессе. Ученые отмечают, что выставки способствуют налаживанию дружеских отношений между архивными учреждениями и школами, а также помогают в патриотическом воспитании молодежи. Отдельно анализируются способы, как вызвать интерес учащихся к архивным документам, и даются характеристики видов документов, которые следует использовать для выставочной деятельности.

Выставка часто использовалась как способ привлечения внимания к отдельным видам документов. Например, в статье «Организация использования документов личного происхождения в ЛГАЛИ» В. П. Ярошецкая описывает выставки, где демонстрируются документы личного происхождения совместно с документами учреждений и организаций. Отдельно автор рассматривает примеры

документально-художественных выставок, где основу экспозиции составляют материалы личного происхождения. В. П. Ярощецкая, описывая особенности выставок документов личного происхождения, отмечает, что такие выставки стали неотъемлемой частью общения архивистов с творческой элитой [336].

Популяризация фотодокументов через архивную выставку раскрывается в статье П. М. Рожина «Организация комплектования и использования фотодокументов в Госархиве Курской области». Исследователь акцентирует внимание на практическом примере, кратко описывает состав выставки, дает ссылку на место локализации, сроки и ее оценку. Практический пример дает возможность рассуждать об эффективности использования выставок архивных документов для популяризации фотодокументов [337].

Отдельного изучения заслуживает организация выставок, приуроченных юбилейным событиям и памятным датам. Так, в статьях М. В. Стеганцева «Встречая юбилей» и «Выставка “Государственный архивный фонд СССР – национальное достояние народа”» [338; 339], А. Г. Митюкова «Архивы Украины в завершающем году одиннадцатой пятилетки» [340], Н. С. Зелова «Материалы участников революции 1905–1907 гг.» [341], С. Р. Долгова «ЦГАДА – к 800-летию “Слова о полку Игореве”» и «Документы М. В. Ломоносова в ЦГАДА. К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова» [342; 343], А. А. Пашаева «Использование документов государственных архивов Азербайджанской ССР и перспективы его развития» подробно рассказывается о различных разделах выставок и приводится их расширенная характеристика. Исследователи перечисляют виды архивных документов, которые использовались в каждом разделе, статьи изобилуют фактами, датами и фамилиями участников выставок с подробным описанием материалов [344].

Архивная выставка нередко рассматривалась в контексте методики архивного дела. Так, об этом речь шла в статье «Межотраслевая тематическая выставка “Обеспечение сохранности документов ГАФ СССР”» Н. А. Карпунова и Э. В. Колесовой. Историки в качестве примера привели выставку, которая проходила в Москве, в здании Центрального государственного архива Советской армии (ЦГАСА). Они акцентировали внимание на том, что целью данной экспозиции была пропаганда научно-технических достижений и передового опыта в обеспечении сохранности Государственного архивного фонда СССР. Особый интерес представляет состав организаторов выставки,

так как, помимо учреждений системы Главархива СССР, участниками являлись Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ), Лаборатория консервации и реставрации документов (ЛКРД) АН СССР, Центральный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования имени Б. С. Мезенцева (ЦНИИЭП), Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации Министерства культуры СССР (ВНИИР), другие учреждения и организации, что отражает взаимодействие архивов, музеев и библиотек по сохранению документального наследия. Исследователи описывают разделы выставки, проблемные вопросы и эффективность проведения подобного рода мероприятий с другими учреждениями [345].

Вопросы делопроизводства и архивного дела отражены в статье В. В. Прокопчука «Кабинет по делопроизводству при Главархиве УССР». Автор описывает выставку-кабинет по развитию делопроизводства, где к каждому экспонату прикреплялась подробная аннотация. На выставке демонстрировались наглядные процессы делопроизводства. Значительное место в экспозиции было отведено демонстрации средств оргтехники [346].

Вопросы популяризации архивного дела рассматривались в статьях И. Жукова «Агитмассовую работу архивных органов – на высшую ступень!» и «Агитмассовая работа ЦАУ СССР в 1935 г.» [347; 348], М. Гордон «Архивный материал как орудие агитации и пропаганды» [349], А. Куликова «Архивы в массы!» и «Радио и популяризация архивного дела» [350; 351], А. М. Рахлина «Выставки архивных документов в Германии» [352], А. Шапиро «Участие России во всемирных выставках XIX и начала XX вв.» [353].

Краткое описание проведенных выставок с рефлексией и отзывами посетителей приведено в статьях Н. Д. Пивоварова «Хранить и использовать» [354], а также в материалах О. В. Ударова «В г. Оренбурге в Доме работников просвещения» [355].

В конце 1980-х гг. вопросы сотрудничества и обмена опытом приобретают актуальность, что также отражается и на выставочной деятельности. В статье А. А. Головина, Л. А. Процая «Договор о творческом сотрудничестве» авторы повествуют о заключении договора между Ленинградским государственным архивом кинофотофонодокументов и партийным комитетом Ленинградского производственного мебельного объединения «Нева» совместно с творческой группой по изучению истории Балтийского судостроительного завода имени С. Орджоникидзе. В рамках договора были подготовлены

архивные выставки. Исследователи приводят плюсы сотрудничества в области подготовки выставок архивных документов [356].

О работе союзных республик в 1920–30-е гг. по организации выставок архивных документов можно узнать из статей Н. Шахраманова «Выставка «20 лет архивного строительства в Азербайджанской ССР» [357], Ф. Рубинштейн «Юбилейные выставки ЦАУ Узбекской ССР в 1934–1935 гг.» [358].

В материалах журнала «Советские архивы» в рубрике «Архивы за рубежом» описывалось участие представителей архивных органов СССР, Великобритании, Индии, ФРГ, США и других стран в создании документальных выставок.

Выставочная деятельность и сотрудничество с Великобританией анализируются в статье Л. Е. Селеванова «О связях архивистов СССР и Великобритании». Ученый приводит примеры сотрудничества СССР и Великобритании, перечисляет организованные выставки и описывает методику обмена копиями документов. В статье Е. М. Кожевниковой «Архивное дело в Великобритании» отмечаются особенности выставочной деятельности Великобритании, дается краткая статистика посещаемых выставок, описываются выставочные площади и места для проведения лекций, семинаров, встреч, отдельно рассматривается методика размещения архивных документов в витринах [359].

Выставочная деятельность Болгарии анализируется в статье П. Пейкова, С. Барутчийски «Центральный государственный архив Народной Республики Болгарии (35 лет работы)». Авторы, помимо характеристики состояния архивного дела в стране, рассматривают процесс создания документальных выставок [360].

В коллективной статье О. Г. Чижова, Н. Ф. Бровкина, В. С. Петренко, В. В. Борисова, Л. В. Двойных, Н. К. Ногайдели, А. Н. Хасбиулина «Выставки документов в Варшаве и Москве» описаны выставки и виды документов, которые использовались при их организации [361].

Организация архивных выставок в Германии отражена в статье Т. В. Белова, К. Г. Черненкова «Использование документов в ФРГ». Исследователи обращают внимание на разницу в подходах к организации выставок между баварскими архивистами и представителями гессенских архивов. Баварские архивисты выступают за то, чтобы выставка формировалась только из подлинников и проводилась в самом архиве для специалистов, а представители гессенских архивов

придерживаются мнения, что главная задача выставки – доступность документов для общественности. В статье внимание уделяется выставочным площадям и экспозиции [362].

Таким образом, можно сделать вывод, что организация выставок архивных документов в советской историографии изучена недостаточно. Информация в основном представлена в виде статей в научных и периодических изданиях. Опыт практической деятельности архивных учреждений в теоретических исследованиях отражен неполностью. Впервые теоретические вопросы организации выставок архивных документов обсуждались на I Всероссийской конференции архивных деятелей и II конференции архивных работников РСФСР. В исследованиях теоретического характера были рассмотрены вопросы организации выставок в связи с использованием архивных документов (частично К. Г. Митяевым, Н. А. Ковальчук, В. Н. Автократовым), для выставок были приведены подходы к отбору, аннотированию материалов и их хранению на экспозиции. Практический аспект, как правило, отражается в периодических изданиях и имеет описательный характер. Исследователи обращали внимание на образовательную функцию выставок архивных документов, популяризацию видов документов, организацию юбилейных выставок, приуроченных к памятным датам, саморефлексию в методике архивного дела, а также сотрудничество и обмен опытом.

4.5. Документы по истории Белорусского государственного университета в отечественных музеях и библиотеках: разработка базы данных вторичной информации

Исследования, посвященные истории университетов, начинают проводиться с возникновением первых европейских университетов и уже в XIX в. становятся традиционными в Италии, Франции, Великобритании, Германии, России и других странах. Так, например, в дореволюционный период в Российской империи были созданы труды Н. Н. Булич «Из первых лет Казанского университета (1805–1819): рассказы по архивным документам» [363], Н. П. Загоскина «История Императорского Казанского университета за первые сто

лет его существования, 1804–1904» [364], М. К. Любавского «Московский университет в 1812 году» [365], К. Военского [366], С. В. Рождественского и др.

В XX–XXI вв. практически каждый университет в мире изучает свою историю и научное наследие ученых, связанных с его деятельностью. В настоящее время сложились центры по исследованию истории университета как феномена культуры в Великобритании, Франции, Италии, Германии, России и других странах. Так, например о Московском университете были изданы исследования В. И. Орлова [367], О. В. Сердюцкой [368], подготовлена работа в двух томах «История Московского университета» и др.

Кроме традиционных трудов по истории университетов, создается литература справочного характера. Так, например, были подготовлены несколько томов библиографического словаря по истории Казанского университета. В Московском университете в 2010 г. А. Ю. Андреевым, Д. А. Цыганковым было подготовлено издание «Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь» [369].

Для повышения эффективности использования большого количества информации в университетах в последние годы активно используют информационные технологии. В Ягеллонском университете (Краков, Польша) в архиве для личных дел составлена картотека научных сотрудников, докторов, в том числе хабилитированных, и профессоров. На основе документов преподавателей сформирован электронный проект *«Corpus academicum Cracoviense. Elektroniczna baza studentów i profesorów Uniwersytetu Krakowskiego w okresie staropolskim 1364–1780»* [370].

В Беларуси первые подобные исследования появились в 1920-е гг. и были связаны с обобщением опыта работы БГУ. Издававшиеся каждый год в виде брошюр отчеты БГУ правительству содержали, кроме прочего, элементы анализа деятельности университета и перспективные задачи. Исследования, подготовленные в 1926 г. в связи с 5-летием функционирования БГУ, а также 25-летием научной и педагогической деятельности его первого ректора В. И. Пичеты, представляли большой интерес и способствовали развитию белорусской науки и высшего образования [371–373].

В последующие годы в опубликованной в 1963 г. монографии «Высшая школа Советской Белоруссии», автором которой являлся

заместитель министра высшего образования БССР Н. И. Красовский, впервые были систематизированы и проанализированы разрозненные факты о создании советской системы высшего образования, названы имена организаторов и выдающихся научных-педагогов, содержался богатый статистический и справочный материал [374].

В конце 1990-х гг. в БГУ выпускается несколько серий, названных в классическом стиле: «Universitas» («Университет»), «Scriptor universitatis» («Университетский автор»), «Memoria et Gloria» («Память и слава») [37; 373; 375; 376], а также «Современные технологии университетского образования» и «Образовательные исследования». На их страницах публиковались документы и исследования посвященные как истории университета и его выдающимся представителям, так и освещающие этапы развития различных отраслей белорусского общества в более широком контексте. В рамках празднования 100-летия БГУ в 2021 г. М. Ф. Шумейко и О. А. Яновским был подготовлен сборник документов «Неизвестный В. И. Пичета» [21].

Еще одним направлением по изучению истории БГУ стала основанная в 2017 г. серия «Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества». Применение просопографического подхода позволило на страницах данного издания отразить роль выдающихся преподавателей университета в становлении белорусского общества, науки и образования [377–380].

Ежегодно историческим факультетом БГУ проводится научная конференция «Пичетовские чтения». По ее результатам были подготовлены сборники материалов конференции в 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг., в которых были опубликованы статьи по истории БГУ О. А. Яновского, М. Ф. Шумейко, С. Н. Ходина, Т. Д. Гернович и др. [381–385].

Все исследователи истории университета в первую очередь обращаются к университетскому архиву, где сосредоточены документы, созданные в процессе деятельности университета и фиксирующие основные направления его работы. Однако ввиду специфики организации отечественного архивного хранения документов архив БГУ размещается не в самом университете: его документы передаются на постоянное хранение в НАРБ, в котором они образуют фонд № 205 «Белорусский государственный университет».

Кроме НАРБ, документы по истории БГУ хранятся в фондах Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов (БГАКФД), Центрального научного архива НАН Беларуси и др.

Документы по истории университета также размещаются в составе музейных коллекций Национального исторического музея Республики Беларусь, Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа, Государственного литературного музея Янки Купалы.

В Национальной библиотеке Беларуси и ЦНБ имени Якуба Коласа НАН Беларуси хранятся личные документы, рукописи и переписка выдающихся ученых, чья деятельность связана с историей университета.

Непосредственно в БГУ в Отделе архивной работы, учета и использования документов находятся личные дела его сотрудников и студентов. В Музее истории БГУ также собрана большая коллекция документальных, фото- и видеоматериалов.

Кроме отечественных архивов, библиотек и музеев, документальное наследие университета хранится в Архиве РАН и других архивах, музеях и библиотеках Российской Федерации. Так, в 2014 г. под руководством М. Ф. Шумейко была завершена научно-исследовательская работа «Документальное наследие академика В. И. Пичеты в белорусских и российских архивах». В результате исследования авторским коллективом (М. Ф. Шумейко, Т. Д. Гернович, О. С. Иванова, Е. А. Макаренко) выявлено более 970 документов, освещающих различные этапы жизни и деятельности ученого. На них составлен перечень, который интегрирован в созданную Архивом РАН совместную российско-белорусскую автоматизированную базу данных (АБД) вторичной документной информации объемом около 2 тыс. документов (дел), доступную в интернете по электронному адресу <http://arran.ru/?q=ru/node/413> [386].

Документальное наследие по истории БГУ имеет огромный потенциал, и потому его выявление в отечественных архивах, музеях и библиотеках и создание удобных механизмов использования (перечень документов, база данных, документальные публикации) сохраняет свою актуальность.

Так, в 2023 г. под руководством С. Н. Ходина при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных

исследований (БРФФИ) авторским коллективом (М. Ф. Шумейко, Т. Д. Гернович, Н. С. Соломкина, В. А. Будницкий, Д. А. Якуш) была начата научно-исследовательская работа «Документальное наследие Белорусского государственного университета в отечественных архивах, библиотеках и музеях». Предполагается, что в связи с тем, что источники для исследования выявляются в различных хранилищах (архивах, музеях и библиотеках), будут обнаружены новые факты по истории развития белорусского общества, установлены новые связи и сформировано современное комплексное представление о развитии высшего образования и науки.

В связи с тем, что учет в архивах, библиотеках и музеях имеет разные подходы при формировании описательной информации на документы, были выработаны приемы дифференцированного описания, позволяющие объединить в будущем в рамках одной базы данных информацию различных учреждений.

Одним из методов дифференцированного описания является выделение общих и уникальных характеристик документов. К общим характеристикам выявленных документов по истории БГУ были отнесены тематика, авторство, дата создания и т. д. Выделение уникальных характеристик зависело от типа документа: для официальных документов – ключевые слова, для изображений – изображенные лица, предметы, события и т. п. Данный подход позволил эффективно структурировать информацию о документах и разработать параметры для осуществления поиска по необходимым критериям.

Для создания гибкой и динамичной структуры базы данных были выделены рубрики и подрубрики. Рубрики отражают ключевые темы, области знаний, типы документов и другие важные аспекты, подрубрики раскрывают их содержание. Так, были выделены следующие рубрики: учебная деятельность, научная деятельность, общественно-воспитательная работа, административно-хозяйственная деятельность, культурно-спортивные мероприятия.

В ходе проведенной научно-исследовательской работы «Документальное наследие Белорусского государственного университета в отечественных архивах, библиотеках и музеях» в дополнение к обнаруженным в архивах документам (около 500 единиц хранения) также был выявлен комплекс документов в отечественных музеях и библиотеках (около 500 единиц хранения). Так, в Национальном историческом музее Республики Беларусь были выявлены фотодокументы университетских зданий, студентов и преподавателей

в ходе занятий, международного сотрудничества, а также программы и приглашения на научные и торжественные мероприятия, свидетельства об окончании университета, дипломы, грамоты и др. Наиболее информативными в их ряду были документы В. Н. Перцева, такие как свидетельство о рождении, автобиография 1956 г., личный листок по учету кадров, диплом 1-й степени об окончании историко-филологического факультета Московского университета и др., а также биография В. И. Пичеты (1878–1947 гг.) в трех учебнических тетрадях, написанная его дочерью К. В. Пичетой.

В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны были выявлены документы преподавателей и студентов БГУ: В. Я. Крищановича, А. Ф. Марковца, Л. А. Наливайко, М. Танка, А. Рудака, А. Филимонова, В. Д. Лаптенка, А. А. Бачило, Д. С. Умрейко, А. Адамовича, М. Баранова, П. Бровки, И. А. Ветохина, В. Витко, Т. С. Горбунова, Н. Гилевича, П. Глебки, Т. Н. Годнева, К. И. Гурского, И. В. Гуторова, Я. Коласа, К. Крапивы, А. Кулешова, Я. Купалы, П. Левицкого, Т. Ломтева, К. И. Лукашева, М. Лынькова, Н. М. Никольского, В. Н. Перцева, В. И. Пичеты, Н. А. Прилежаева, Н. Т. Романовского, П. З. Савочкина, А. Н. Севченко, В. А. Томашевича, Э. Ф. Языкович, М. П. Еругина и др.

В Национальной библиотеке Беларуси выявлены документы, связанные с деятельностью В. И. Пичеты, М. В. Довнар-Запольского, Е. Р. Романова. Наибольший интерес представляют черновые автографы статей В. И. Пичеты «Война 1812 г. и народное хозяйство Белоруссии», «Кризис крепостного хозяйства», «Гродненская экономия в XVI в.», а также машинописная копия с правками автора учебника для вузов «История Белоруссии»: первый том – 511 листов, второй том – 503 листа.

В Центральной научной библиотеке НАН Беларуси интерес представляют документы (диссертации, монографии, статьи, очерки, дипломы, удостоверения, автобиографии, фотодокументы и др.) Н. Н. Улащика, который являлся студентом БГУ. В личном фонде Н. Н. Улащика содержится обширная переписка с различными деятелями науки и культуры, учреждениями и организациями, родственниками и знакомыми. Переписка затрагивает широкий спектр тем, в том числе взаимоотношения внутри научного сообщества историков, позицию московских ученых в отношении изучения белорусской истории. Переписка также содержит уникальные сведения о личных архивах деятелей истории и культуры. Отдельный

интерес в переписке Н. Н. Улащика представляет информация о деятельности исторического факультета БГУ и Краеведческого общества университета в 1920-х гг.

Исследование показало, что имеется различие в использовании архивных документов в научных целях в архивах, музеях и библиотеках. Архивы, ориентированные на сохранение и систематизацию больших объемов документации, обладают особой структурой, где акцент делается на хранение документов в составе фондов и коллекций и описание информации в соответствии с принятыми стандартами. Значительное внимание уделяется сохранению первоначального порядка систематизации документов, который сложился у фондообразователя, и обеспечению условий использования документов в научных целях.

В музеях, наоборот, учет документов тесно связан с экспозиционной деятельностью и историко-культурным контекстом. Основной задачей является сохранение артефактов и документов в виде выставочных объектов, что отражается на принципах учета документов. Учет документов в музейном контексте происходит по единичным объектам и не предполагает включение его в сложные комплексы.

Кроме того, музеи не включают в круг своих функций обеспечение условий для научных исследований и поэтому не располагают читальными залами и доступным для исследователей научно-справочным аппаратом. Выявление в музее информации о документах осуществляется на основе внутренних учетных документов, что предполагает тесное взаимодействие исследователя с хранителем музеиного фонда или коллекции. По данной причине для выявления информации о документах в музеях исследователи не могут работать самостоятельно, а вынуждены проводить исследование совместно с хранителями музеиных фондов или коллекций.

В 1995 г. в Республике Беларусь был опубликован справочник, содержащий краткую информацию о документах Национального архивного фонда (НАФ), хранящихся в Национальной библиотеке и музеях системы Министерства культуры и печати Республики Беларусь. Информация в справочнике была представлена в обобщенном виде, без указания учетных номеров и названий коллекций и фондов, что делало его непригодным для точного поиска [387].

До настоящего времени музеи Республики Беларусь не подготовили каталогов, содержащих информацию о хранящихся в них

документах, которые позволили бы проводить научные исследования и ссыльаться на учетные номера единиц хранения.

В Кодексе Республики Беларусь о культуре¹ (ст. 182) установлено, что доступ к информации, содержащейся в печатных и электронных каталогах музеев, открыт, но сведения о происхождении, стоимости и точном местонахождении музейных предметов, зафиксированные в учетных документах музея, являются ограниченными в распространении и предоставлении. Это значит, что информация об учетном номере документа в музее не предназначена для публичного доступа, а также что исследователь не имеет права уточнить, кто, когда и на каком основании передал документ в музей. Таким образом, работа с документами в фондах музея в целях научного исследования значительно ограничена.

Кроме того, в п. 6 ст. 182 данного Кодекса указано, что доступ к работе с музейными предметами, научными вспомогательными материалами и сырьем может быть ограничен в целях их сохранности и исключения возможного негативного воздействия, особенно если эти предметы являются подлинной формой письменности или изобразительного искусства (документы, рукописи, старопечатные издания, фотодокументы, графика и т. д.).

Таким образом, свободное использование документов в музее возможно только в том случае, если они опубликованы в каталогах или представлены в экспозиции. Во всех остальных случаях директор музея может ограничить доступ к документам, даже если они входят в состав НАФ Республики Беларусь. Таким образом, если следовать нормам Кодекса, документы, хранящиеся в музейных фондах и не выставляющиеся в экспозиции, являются закрытыми для исследования.

Следует отметить, что научный коллектив исторического факультета БГУ в ходе выявления документов в фондах Национального исторического музея Республики Беларусь и Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны встретил понимание со стороны руководства и сотрудников музеев и потому не испытывал трудностей в работе.

Однако из-за отсутствия научно-справочного аппарата (описей документов, каталогов, справочников и т. д.) в указанных музеях

¹ Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-3 // Информационно-поисковая система «Эталон online». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk1600413> (дата обращения: 21.03.2023).

исследователи вынуждены были полагаться на помощь хранителей коллекций письменных источников. Сотрудники музея подбирали материалы, а исследовательский коллектив оценивал их на соответствие теме. Консультации научных сотрудников, поиск музейных предметов и научно-вспомогательных материалов по заявленной теме являются платной услугой, но благодаря содействию руководства музеев исследователи получили помощь бесплатно. Тем не менее это было сделано в порядке исключения и не является практикой для других исследований.

Самостоятельный поиск в музее возможен только по учетным документам. В архивах традиционно эту роль выполняет опись дел, являющаяся одновременно учетным и справочным документом. В музеях существует база данных с информацией об учетных номерах, заголовках и крайних датах документов, но она относится к внутренней документации и запрещена к использованию исследователями, что создает противоречие с правом на информацию, гарантированным Конституцией Республики Беларусь.

Изменение норм Кодекса Республики Беларусь о культуре в части использования музейных документов, открытие доступа к учетной информации и публикация каталогов и описей письменных музейных предметов способствовали бы расширению источников базы научных исследований и сближению методов работы архивов, музеев и библиотек.

4.6. Использование кинодокументов из фондов Белорусского государственного архива кинофонодокументов периода Великой Отечественной войны как исторического источника

Фондовые документы Белорусского государственного архива кинофонодокументов (БГАКФД) периода Великой Отечественной войны, включающие кинохронику, сюжеты киножурналов и документальных фильмов, обладают уникальным свойством: они позволяют исследователям не только оценить те или иные события, но и увидеть их в движении, услышать голоса прошлого, лично пережить, прочувствовать происходившее.

В настоящее время в фондах БГАКФД хранится 55 единиц учета кинодокументов (за исключением немецких трофеиных кинодокументов), запечатлевших военные события на территории БССР, а также белорусов, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, и белорусов – тружеников тыла. Анализ кинодокументов военных лет позволяет разделить их на три группы. Во-первых, это кинолетописный материал, созданный военными кинооператорами в партизанских зонах и во время освобождения территории БССР от фашистских оккупантов войсками Красной армии. В кинотеке архива представлено 36 единиц учета кинолетописей, из них 26 единиц учета связаны с партизанским движением на территории БССР, 8 единиц хранения были сделаны во время освобождения БССР войсками Красной армии, 2 единицы хранения свидетельствуют о зверствах фашистов на территории Беларуси. Во-вторых, это сюжеты киножурналов «Савецкая Беларусь» – 14 единиц хранения за 1942 и 1943 гг. В-третьих, документальные фильмы: «Сражение за Гомель» (1943 г.), «Народные мстители» (1943 г.), «Минск – наш!» (1944 г.), «Освобождение Гродно и Гродненской области» (1944 г.), «Освобождение Советской Белоруссии» (1944 г.). Ранее эти кинодокументы хранились в Центральном фотоархиве СССР в г. Красногорске и лишь в 1958 г. были переданы Центральному государственному архиву кинофонодокументов (ЦГАКФД) БССР [388, с. 9].

С первых дней Великой Отечественной войны кинохроника была призвана показать зрителям в тылу, как сражаются на фронтах их отцы, сыновья и братья, вселить уверенность в победе над врагом. 243 фронтовых кинооператора принимали участие в создании кинолетописи Великой Отечественной войны [389, с. 251]. Более 30 из них вели съемки в воинских частях во время освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и в партизанском тылу. Среди них можно выделить таких кинооператоров, как М. Беров (рис. 3), И. Вейнерович (рис. 4), Д. Ибрагимов, К. Пискарев, О. Рейзман, М. Сухова, В. Цеслюк, С. Школьников и др. Так, отснятый М. Беровым фронтовой материал измеряется 3,5 млн м кинопленки. И. Вейнерович 10 раз проводил киносъемки непосредственно на передовой и трижды вылетал в тыл врага к партизанам [390, с. 174].

Хроника «В одном из первых партизанских отрядов Белоруссии» (1941 г.) является самой ранней военной кинолетописью в фондах

Рис. 3. Кинооператор М. З. Беров
в годы Великой Отечественной войны. 1944 г.
Источник: БГАКФД. Арх. № 0-093984

Рис. 4. Фронтовой кинооператор И. Н. Вейнерович
во время киносъемок в партизанской бригаде
«Железняк». 1943 г.
Источник: БГАКФД. Арх. № 0-134396

БГАКФД. На ее кинокадрах запечатлены партизаны Чериковского отряда Могилевской области под командованием Г. А. Храмовича во время подготовки к боевой операции. Кроме того, просматривая хронику, можно увидеть присутствующих в отряде секретаря ЦК КП(б) Б Г. Б. Эйдинова и секретаря ЦК ЛКСМБ М. А. Минковича [391, с. 46].

Кинолетописи 1942–1944 гг., связанные с партизанским движением на территории БССР, в основном отразили деятельность партизанских соединений Полоцко-Лепельской и Борисовско-Бересинской партизанских зон. Причиной было близкое их расположение к Калининскому фронту, что позволяло с помощью авиации не только перебрасывать партизанам боеприпасы и медикаменты, а также эвакуировать раненых и гражданское население, но и посыпать фронтовых кинооператоров, таких как И. Вейнерович, М. Сухова, О. Рейзман.

Примером могут служить кинолетописи «В партизанском отряде Батьки Миная» и «Действия партизан в районе Бересина Минской области» [391, с. 50]. Кадры первого кинодокумента позволяют нам увидеть партизан 1-й Белорусской партизанской бригады под командованием М. Ф. Шмырева (Батьки Миная) во время отдыха, подготовки и ухода на боевую операцию, возвращения и похорон погибших товарищей. Сюжеты второй кинолетописи делают нас свидетелями освобождения городского поселка Бересиня партизанами бригады «Железняк» под командованием И. Ф. Титкова.

Просматривая кинолетописи 1943 г., такие как «Боевые действия партизан Ушач и Лепеля» и «Н. И. Жуков – летчик 105-го авиационного полка», мы становимся свидетелями доставки груза боеприпасов летчиком 105-го Гвардейского отдельного авиационного полка И. Л. Тараковым партизанам Лепельской бригады им. И. В. Сталина и его встречи с командиром бригады Героем Советского Союза В. Е. Лобанком [391, с. 51]. Вторая кинолетопись знакомит нас с прибытием летчика Н. И. Жукова на один из аэродромов Полоцко-Лепельской партизанской зоны и его встречей с партизанами.

В июне 1943 г. ЦК КП(б) Беларуси принял постановление «О разрушении железнодорожных коммуникаций противника методом рельсовой войны». Рельсовая война должна была сопровождаться крушениями поездов, взрывами мостов и разрушениями станционных сооружений партизанскими соединениями на территории противника. Доказательством тому являются кадры кинолетописи

«Рельсовая война и другие действия партизан в районах Полоцка, Лепеля, Могилева». Она запечатлела партизан бригады им. В. И. Чапаева (командир В. В. Мельников), Чашникской бригады (командир В. Е. Лобанок), бригады «Народные мстители» им. Воронянского (командир В. В. Семенов), а также партизан бригады «Чекист» (командир Г. А. Кирпич) во время диверсионных операций на железной дороге [391, с. 53].

В 1943 г. режиссером В. Беляевым при содействии фронтовых кинооператоров, таких как Н. Быков, И. Вейнерович, Б. Дементьев, А. Каиров, Б. Макасеев, М. Сухова (рис. 5), Б. Шер, С. Школьников и др., был создан документальный фильм «Народные мстители», рассказывающий о борьбе партизан с немецкими оккупантами от Карелии до Северного Кавказа, в том числе и на территории БССР [391, с. 52].

Рис. 5. Кинооператор М. Сухова ведет съемку
партизанского боя. 1943 г.

Источник: БГАКФД. Арх. № 0-097030

Осенью 1943 г. начался первый этап освобождения Беларуси. 23 сентября 1943 г. войска Красной армии освободили первый белорусский районный центр – Комарин.

В результате Гомельско-Речицкой наступательной операции Белорусского фронта 26 ноября 1943 г. был освобожден первый областной центр Беларуси – г. Гомель. О тех событиях свидетельствуют кадры черно-белого документального фильма «Сражение за Гомель» (режиссеры: Р. Киселев, И. Сеткина). Съемки происходили

на командном пункте 65-й армии, где находились командующий артиллерией Белорусского фронта генерал-полковник В. И. Казаков и командующий 65-й армией генерал-лейтенант П. И. Батов. В фильме также показаны кадры боев за город, разминирования улиц города и берега реки Сож, возвращения в город жителей [391, с. 53].

Военный успех 1943 г. был продолжен в 1944 г. Новой задачей для армий Белорусского фронта стало нанесение значительного урона войскам противника и создание плацдарма для наступления регулярных войск Красной армии в направлениях Бобруйск – Минск и вдоль реки Припять на Лунинец [392, с. 4]. Эти задачи должны были быть решены в ходе Калинковичско-Мозырской операции с 8 января по 8 февраля 1944 г.

Вместе с регулярными войсками в освобожденные города вошли и фронтовые кинооператоры: Д. Ибрагимов, Р. Кармен, Е. Мухин, Г. Островский, М. Посельский, А. Софьин. Снятые ими кинокадры документальной летописи «Освобождение Мозыря и Калинкович от немецко-фашистских захватчиков» запечатлели начало операции по освобождению этих городов войсками 61-й и 65-й армий [391, с. 55].

23 июля 1944 г. начался второй этап освобождения территории Беларуси – операция «Багратион». Начало битвы за Беларусь отразили кинолетописи «Сражение за Витебск», «Освобождение Орши войсками Красной армии», «В освобожденном Витебске». Сюжеты их были сняты военными операторами: А. Алексеевым, Т. Бунимовичем, Р. Карменом, Н. Соловьевым, А. Крыловым, В. Штатландером. Глядя на экран, мы становимся свидетелями мощной артподготовки перед началом операции «Багратион», форсирования рек Днепр и Западная Двина. В кадре можно увидеть командующих 3-м Белорусским и 1-м Прибалтийским фронтами генералов армии И. Д. Черняховского и И. Х. Баграмяна во время проведения операции, уличные бои, разминирование городской инфраструктуры, возвращение в город жителей, парад партизан в Витебске [391, с. 53–55].

После освобождения Витебска впервые на освобожденной территории прошел парад партизан. Об этом свидетельствует кинолетопись «Митинг и парад партизан в г. Витебске» оператора М. Глидера. На митинге присутствовали начальник Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) П. З. Калинин, командир Чашникской партизанской бригады «Дубова», Герой Советского Союза, генерал-майор Ф. Ф. Дубровский, секретари витебских под-

польных городского и областного комитетов КП(б)Б В. Р. Кудинов и М. И. Плис [391, с. 54].

По мере продвижения регулярных войск Красной армии и освобождения территории БССР личный состав партизанских соединений пополнял состав Красной армии. Примером могут служить кадры кинохроники «Встреча партизан с частями Красной армии», снятые операторами О. Рейзман, И. Вейнеровичем, В. Цеслюком в партизанской бригаде «Железняк» под командованием Героя Советского Союза И. Ф. Титкова [391, с. 49].

Кинолетописи «В освобожденном от немецко-фашистских захватчиков Минске и Минском районе», «Освобождение Минска от немецко-фашистских захватчиков» и фронтовой киноочерк «Минск – наш!» позволяют увидеть дальнейшее успешное продвижение войск Красной армии в глубь территории БССР, взятие в плен немецких солдат и генералов, освобождение Минска 3 июля 1944 г. [391, с. 53–55].

Взятием Минска закончился первый этап Белорусской наступательной операции «Багратион». Группа армий «Центр» за 11–12 дней наступления Красной армии понесла катастрофические потери и лишилась своих основных сил. 16 июля войска 2-го Белорусского фронта вышли в район г. Гродно. Войска 1-го Белорусского фронта 18 июля начали Люблинско-Брестскую наступательную операцию, в результате которой 28 июля штурмом был освобожден г. Брест [393, с. 318–319]. В кинотеке архива хранятся два кинодокумента: документальный фильм «Освобождение Гродно и Гродненской области войсками Красной армии от немецко-фашистских захватчиков» (операторы: М. Пойченко, Ю. Довнар) и кинолетопись «Освобождение Бреста войсками Красной армии» (операторы: Д. Ибрагимов, М. Шнейдеров, А. Софын, Н. Киселев), свидетельствующие о втором этапе операции «Багратион» и выходе войск Красной армии к государственной границе СССР [391, с. 54].

В 1942 г. в Москве была создана Белорусская студия кинохроники, возобновившая выпуск киножурналов «Савецкая Беларусь». Первый выпуск был смонтирован к сентябрю 1942 г. Всего за 1942 г. успело выйти четыре киножурнала. Затем съемки были продолжены в 1943 г. Фронтовыми операторами были подготовлены сюжеты для 10 выпусков киножурналов за 1943 г., из них 3 выпуска – № 2–3, 9–10 и 12–13 – совмещенные. Таким образом, в фондах БГАКФД содержится 14 единиц хранения киножурналов «Савецкая Беларусь» военных лет [391, с. 46–56].

Отметим, что все сюжеты киножурналов можно разбить на три большие группы: фронтовой киноматериал, съемки партизан, жизнь и деятельность белорусов в тылу.

Наиболее важными при создании киножурналов являлись кино-кадры, отснятые операторами в действующих частях Красной армии. Именно они должны были свидетельствовать о наших успехах и вселять надежду на скорое изгнание врага. Примером служат сюжеты киножурналов с красноречивыми названиями «Уперад на заход», «Уперадзе – Беларусь!», «На подступах да Беларусі», а также сюжет «Наступление наших войск в район Орла». В самом первом выпуске киножурнала «Савецкая Беларусь» за сентябрь 1942 г. была размещена хроника, отснятая фронтовыми операторами на Калининском и Западном фронтах во время успешного наступления наших войск с января по апрель 1942 г. Особенно трогательно выглядят кадры, сделанные во время выступления народной артистки СССР Л. П. Александровской перед земляками-белорусами на Калининском фронте летом 1942 г. (киножурнал № 1 1942 г.).

В киножурналах 1943 г. № 2–3 за февраль – март, № 6 за июнь, № 7 за июль и № 8 за август были показаны боевые действия во время Ржевско-Вяземской наступательной операции. Вместе с фронтовыми операторами зрители стали свидетелями освобождения городов Ржева, Гжатска.

Кроме того, просматривая киножурналы «Савецкая Беларусь» за 1943 г., можно увидеть сюжеты о вице-адмирале В. П. Дрозде, уроженце г. Буда-Кошелево, командующем эскадрой кораблей Балтийского флота во время прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г. (киножурнал № 4 1943 г.); о награждении медалями «За оборону Сталинграда» военфельдшера из Орши А. Куксевича и военно-го шофера из Могилевской области Н. Шмыгуна (киножурнал № 5 1943 г.); о встрече легендарного партизана В. И. Талаша с народным писателем Беларуси Я. Коласом (киножурнал № 2–3 1943 г.); о поиске своих семей командиром отряда им. 25-летия ВЛКСМ 3-й Минской бригады им. С. М. Буденного Н. С. Сенькевичем и комиссаром отряда им. К. Е. Ворошилова 1-й Гомельской бригады М. С. Бруйком с помощью сотрудников Бюро по розыску, эвакуированных из Беларуси (киножурнал № 4 1943 г.) [394, с. 382].

В киножурналах № 5 и № 6 за 1943 г. были размещены сюжеты о работе Гомельского паровозно-ремонтного завода в Приуралье

и Витебской чулочно-трикотажной фабрики им. КИМ в Ульяновске, снятые операторами О. Сухим и Н. Киселевым. Сюжеты киножурналов № 1 за 1942 г. и № 2–3 за 1943 г. посвящены работе белорусских поэтов А. Астрейки, П. Бровки и М. Танка в газете-плакате «Раздавім фашистскую гадзіну», скульптора, заслуженного деятеля искусств БССР З. И. Азгура в своей мастерской, члена АН БССР, профессора А. Р. Жебрака в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, Красной армии и многому другому.

Осенью 1943 г. начался первый этап освобождения Беларуси. Так, сюжеты киножурналов «Савецкая Беларусь» № 9–10 за сентябрь – октябрь, № 11 за ноябрь и № 12–13 за декабрь 1943 г. вобрали в себя хронику освобождения городов Кричева, Мстиславля, Добруша и Гомеля войсками Западного фронта и части Лиозненского района Витебской области войсками Калининского фронта. Одновременно с этим в киножурналах стали появляться сюжеты о взаимодействии партизанских отрядов с регулярными частями Красной армии. Так, после освобождения Добруша военными кинооператорами была снята встреча красноармейцев с комсомольцами-подпольщиками города и местными партизанами под командованием Варвары Вырвич (псевдоним – Катя). В тоже время с освобождением территории БССР в киножурналах появляются сюжеты о зверствах оккупантов против мирного населения. Например, в киножурнале «Савецкая Беларусь» № 9–10 за сентябрь – октябрь размещен сюжет об эксгумации военными врачами тел погибших в Мстиславском районе около д. Ляды.

По итогам освобождения территории БССР в 1943–1944 гг. режиссерами Н. Садковичем и В. Корш-Саблиным был снят документальный фильм «Освобождение Советской Белоруссии». Фильм содержит огромное количество хроникального материала начиная с 1943 г., отнятого военными операторами как в тылу врага, так и во время освобождения территории БССР и использованного в сюжетах киножурнала «Савецкая Беларусь». Фильм заканчивается кадрами, сделанными во время парада партизан в Минске 16 июля 1944 г. [391, с. 55].

Немецкий оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны принес огромный материальный ущерб и неисчислимые бедствия мирному населению. Об этом свидетельствуют кинолетописи «Злачынства, зробленыя немцамі на тэрыторыі Беларускай ССР у перыяд акупацыі» и «Тростенецкій лагерь смерти», последняя содержит доказательства преступлений фашистов не только

против жителей БССР, но и против граждан европейских государств [391, с. 55].

Из всего перечисленного можно заключить, что кинодокументы периода Великой Отечественной войны являются особым хроникально-документальным свидетельством того времени. Кинолетописи, сюжеты киножурналов «Савецкая Беларусь», документальные кинофильмы позволяют увидеть военные действия Красной армии и боевые операции партизан, быт партизан и жизнь белорусов в эвакуации. При этом, изучая киноматериал военных лет, следует не забывать о существовании цензуры и понимать, что многие кадры имели четко постановочный и идеологически выверенный характер.

К сожалению, кинопленки времен Великой Отечественной войны подвержены временным изменениям, сказывающимся на качестве изображения, поэтому главной задачей работников архива является сохранить этот уникальный аудиовизуальный материал для потомков.

4.7. Состав и сохранность переписи городского населения БССР 1923 г.

Статистические данные о населении как основной экономической силе являются фактором, определяющим главные векторы внутренней и внешней политики государства. По данной причине практически во всех странах мира институты государственной власти прикладывают значительные средства для получения качественной и актуальной статистической информации о населении.

В настоящее время полным по охвату и актуальным с точки зрения государственного значения источником демографических сведений являются всеобщие переписи населения, традиция которых в Беларуси началась в 1897 г. с проведения первой всеобщей переписи населения Российской империи. Эта перепись так и осталась единственной в дореволюционной Беларуси. Последующие попытки проведения демографических мероприятий по учету населения на территории Беларуси не увенчались успехом из-за событий, связанных с Первой мировой войной, революциями и польской интервенцией.

Одной из первых переписей населения в межвоенный период развития БССР стала Всесоюзная городская перепись 1923 г. Объектом этой переписи выступало население, которое занимается не сельским хозяйством, а промышленностью и торговлей: предполагалось учитывать не только городских жителей, но и население поселков городского типа, промышленных поселков, железнодорожных станций и селений и т. д. Одновременно с переписью городского населения в 1923 г. проводилась перепись торговых и промышленных предприятий БССР согласно разработанным инструкциям Центрального статистического управления (ЦСУ) РСФСР. Совмещение демографической, торговой и промышленной переписей было обусловлено необходимостью выяснения уровня торгово-промышленного потенциала и социально-экономического благополучия населения городских поселений в период НЭПа, а также в 1920-е гг. органы статистики часто проводили такого рода единые учетные мероприятия с целью экономии финансовых средств и рационального использования немногочисленного штата статистиков [395].

Активная фаза Всесоюзной городской переписи проходила с 15 по 22 марта на всей территории СССР, в том числе на белорусских территориях, которые в то время являлись частью БССР, РСФСР, УССР. На 2024 г. материалы переписи городского населения по БССР аккумулированы в описи № 1 фонда № 30 НАРБ. Общее количество дел демографической переписи в архиве составляет около 320 единиц [396].

Архивные материалы переписи состоят из двух групп: первичные формы и разработочные таблицы. Во время проведения городской переписи населения для сбора первичных сведений применялись три основные формы: личный листок (форма № 1), семейная карточка (форма № 2) и квартирная карта (форма № 3).

В отличие от предыдущих переписей личный листок переписи 1923 г. был сокращен и включал следующие вопросы для респондента: название населенного пункта, фамилия, имя, отчество, пол, возраст, национальность, семейное состояние, главное и побочное занятие, является ли владельцем дома, учится, является ли нетрудоспособным, живет ли на чужие средства, является ли членом деревенского хозяйства, живет ли в семье как одиночка (рис. 6, 7). В фонде № 30 сохранилось около 1250 личных листков по г. Костюковичи, м. Калинковичи, м. Наровля и п. Лужок (Д. 4013–4016, 4021).

Р. С. Ф. С. Р. Всероссийская городская перепись 1923 года. Ц. С. У. № 20

Личный листок № 7 Форма № 1.

Губерния Гомельская, уезд Березинский, город Радошковичи

1. Адрес: район комиссариат (отд. мис.)
поселок № дома 55 № кв. 1

2. Фамилия имя и отчество Боромыковец, Григорий Филиппович

3. Пол

4. Возраст Сколько минут от роду: 80 лет, или месяцев (для детей моложе года).

5. Национальность Белорусская

6. Семейное состояние (холост, девина, женат, замужем, вдов (а), разведен (а)) вдов

7. Главное занятие: а) ремесло, промысел, работа, должность, специальность
б) социальное положение (хозяин с наемными рабочими, служащий, рабочий, помогающий член семьи и т. д.)
в) наименование учреждения, гараждания или предприятия, где служит, работает или хозяйствует...

8. Адрес его

(См. на обор.)

Рис. 6. Форма № 1 – личный листок.
Источник: НАРБ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4013. Л. 30

8. Побочные занятия: а) ремесло, промысел, работа, должность...

6) положение в занятии (хозяин, служащий, рабочий и т. д.)
в) наименование и местонахождение предприятия или учреждения.

9) является ли владельцем дома

9) Если является безработным, то сколько времени... профессия последнее место службы или работы

10. Если учится, то получает азыование, наск или стипендию?

11. Если не имеет занятия, то не является ли нетрудоспособным **непрудоен**.

12. Если не имеет занятия и живет на чужие средства, указать источник средств существования **сестра** и занятия лица, дающего средства к жизни **хлебопеком**.

13. Является ли членом деревенского хозяйства **даст ли помошь ему** подает ли помощь из деревни? **6 семье**.

14. Живет в семье или как одиночка?

Марта 1923 года Подпись давшего сведения...

Рис. 7. Форма № 1 – личный листок.
Источник: НАРБ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4013. Л. 30 об.

Нововведением переписи 1923 г. стало использование семейной карточки, которая предназначалась для освещения вопросов, связанных с изучением семейного состава населения и жилищных условий (рис. 8, 9). Большая часть карточек в фонде № 30 сохранилась по г. Могилеву (около 5700 единиц, Д.: 3996–4012, 4012а, 4045а НАРБ), а также около 3400 единиц (Д. 4016–4027 НАРБ) по Гомельской губернии (м. Новый Быхов, Горки, Городец, Журавичи, Калинковичи, Корма, Наровля, Лужок, Свержень, Стрешин, Тишовка).

В квартирной карте указывались следующие сведения: количество комнат, общая жилая площадь, наличие элементов благоустройства,

характер использования квартиры, действует ли электрическое освещение, размер платы за квартиру на декабрь 1922 г., сколько зарегистрировано жителей согласно переписи (по формам № 1, 2), размер оплаты за отопление при наличии центрального отопления. В настоящее время при проведении нашего исследования в НАРБ не выявлены заполненные квартирные карты. В архиве хранятся лишь разработочные материалы этих карт.

39
619 л.г. с. 168
ц. с. у.

 Р. С. Ф. С. Р.

Всероссийская городская перепись 1923 года. Форма № 2.

СЕМЕЙНАЯ КАРТОЧКА.

Город Гомельская уезд Рогачевский город (поселок) Станица
 Беларусь (г.п.п.) ул. Торговая № 56 в. 10 пос. 168.

Глава семьи: а) главное занятие Художник б) социальное положение художник
 в) находится ли наемная или отсутствует. Капитал г) № по списку (на обор.) 1.

Примечание. В список на обороте карты заносятся по порядку сначала все живущие в квартире и находящиеся наименование членов семьи, начиная с главы, затем присутствующие и в конце временно отсутствующие. Отсутствующие свыше 3 месяцев в карточке вовсе не заносятся. Жильцы членами семьи не считаются.

Уд. М. К. Х. 966-23. См. на обор.

Рис. 8. Форма № 2 – семейная карточка.
 Источник: НАРБ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4023. Л. 168

16808

Список членов семьи.		Живущих в квартире.		Состав членов семьи по возрасту	
Но мер за ря да	Фамилия, имя и отчество (полностью).	Отношение главы семьи	Пол (м., ж.)	Населен ный пункт (наименование поселка, отсутствует, сел., деревня, поселок).	Социальное положение (наименование).
1	Б. Суров <u>95</u> и <u>София</u>	жена	ж. 48	самод	1
2	Б. Суров <u>Г. Я.</u>	жена	ж. 45	самод	1
3	Б. Суров <u>А. И.</u>	жена	ж. 72	безработица	1
4	Б. Суров <u>8-9</u>	чорт	ж. 11	бездом	1
5	Б. Суров <u>О. 99.</u>	чорт	ж. 7	бездом	2
6	Б. Суров <u>Н. 60.</u>	жена	ж. 3	бездом	1
7					
8					
Число членов семьи.		Состав членов семьи по возрасту			
Из них: м. и ж. 05. и м. ж. 06. и	Отсутствующие.	И Т О Г О	Число взрослых членов семьи по возрасту	М у и ч и л и м .	Ж е н и ч и н и м .
6	—	6	М. 16-49 л. 150 л. в год.	М. 16-49 л. 150 л. в год.	Ж. 15-49 л. 150 л. в год.
~ 4 6	—	6	М. 16-49 л. 150 л. в год.	М. 16-49 л. 150 л. в год.	Ж. 15-49 л. 150 л. в год.

Рис. 9. Форма № 2 – семейная карточка.
 Источник: НАРБ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4023. Л. 168 об.

Важной формой учета населения, помимо указанных трех, в инструментарии переписи 1923 г. была также подворная ведомость (форма № 4). Основным предназначением данной формы было охарактеризовать владение, его принадлежность, площадь, характер построений, количество помещений и благоустройство. Подворная ведомость служила также источником сверки и сводки результатов переписи уже в общие таблицы учетных участков. По данной причине, как и в предыдущем случае, в архиве сохранились лишь разработочные материалы ведомости.

Во время переписи применялись и другие формы, которые заполнялись счетчиками при обходе жилых строений обследуемого участка: форма № 5 – разработка данных о владениях и квартирах (число строений и их площадь); форма № 6 – разработка данных о владениях и квартирах (общее число квартир, число жилых комнат, число кухонь); форма № 7 – размер квартирной платы, форма № 11 – отчетный лист регистратора переписи (перечень строений, подсчет числа жителей и числа скота) и др. Преимущественно в фонде № 30 эти формы и их разработочные материалы хранятся в делах 4279–4286 и 4303–4323.

Наиболее многочисленными сохранившимися документами переписи городского населения БССР 1923 г. являются разработочные (сводные) таблицы. Так, данные о населении разрабатывались по личным листкам в 11 таблицах, а по семейным картам – в 3 таблицах.

Разработка сведений личных листков осуществлялась в следующих таблицах: таблица № 1 – население по полу и источникам средств существования (с выделением одиночек); таблица № 2 – самодеятельное население по главным занятиям и социальному положению (по классификации); таблица № 3 – население по занятиям и главным отраслям труда; таблица № 4 – население по занятиям и возрастам; таблица № 5 – самодеятельное население по социальному положению, возрасту и семейному состоянию; таблица № 6 – самодеятельное население по социальному положению и побочным занятиям; таблица № 7 – самодеятельное население по социальному положению и связям с деревней; таблица № 8 – безработные по профессиям и продолжительности безработицы; таблица № 9 – несамодеятельные по возрасту и семейному положению и № 9а – несамодеятельные моложе 20 лет по однолетним возрастным группам; таблица № 10 – несамодеятельное по полу и главным занятиям

их кормильцев, таблица № 11 – население по национальному составу, самодеятельности и полу [397].

При сводке сведений в разработочной таблице № 1 указывались следующие сведения: пол респондентов, самодеятельность, дети моложе 10 лет, безработные по побочным занятиям, несамодеятельные по возрасту (10–14 лет, 15–49 лет, 50 лет и старше) и старшие возрастные группы (трудоспособные, нетрудоспособные), одиночки (в фонде № 30 примеры таблицы хранятся в описи 1 с дела 3980 по дело 3995).

При сводке сведений в таблице № 2 указывались следующие сведения: социальное положение и главное занятие по 406 классам классификатора. В классификаторе занятия были разбиты по 47 группам, а те, в свою очередь, входили в 7 разделов: А. Рабочие (1–175 классы), В. Прислуга (176–192 классы), С. Служащие (193–268 классы), Д. Армия и Флот (269–273), Е. Лица свободных профессий (274–288), F. Хозяева (289–391), Н. Прочие занятия (392–406). В таблицу № 2 включались данные только о самодеятельном населении (не считая безработных), так что итоги этой таблицы совпадают с итогами второй страницы таблицы № 1. В фонде № 30 материалы указанной таблицы хранятся в делах № 4028–4030, 4040, 4043 и 4046.

В третью таблицу заносились следующие сведения: рабочие, прислуга и служащие каждого занятия по главным отраслям труда (сельское и лесное хозяйство, горное дело, фабрично-заводская промышленность, кустарная и ремесленная промышленность, железные дороги, прочий транспорт, торговля, кредит и тракторный промысел, государственные учреждения, прочие отрасли труда). Таблица № 3 составлялась отдельно по каждому классу занятий для разделов А (рабочие), В (прислуга) и С (служащие). Прочие занятия (Д, Н) в таблицу не включались. Форма таблицы заполнялась на двух сторонах: на лицевой – сведения о лицах мужского пола, на тыльной стороне – о лицах женского пола. В фонде № 30 указанные материалы хранятся в делах № 4103–4124.

Аналогичной формы была четвертая таблица, в которой подсчитывались занятия в зависимости от возрастных групп – с 10 до 19 лет по каждому году в отдельности. Четвертая таблица составлялась отдельно по каждому классу занятий, причем разделение третьей таблицы по отраслям в разделах А, В, С отсутствовало, но сохранялось в других разделах классификации. Примеры составления таблицы № 4 можно найти в делах № 4103–4124.

В таблицу № 5 включались сведения о семейном состоянии: холостые (девицы), женатые (замужние), вдовы, разведенные, а также безработные. Лица с необозначенным семейным состоянием относили к холостым. В фонде № 30 материалы данной таблицы хранятся в делах № 4125–4143.

В таблицу № 6 заносились побочные занятия по классификации. Таблица составлялась отдельно по тем же отделам занятий в соответствии с социальным положением, что и таблица № 5, и для безработных с побочными занятиями. Кроме того, составлялась итоговая таблица для всех самодеятельных и безработных. Материалы данной таблицы хранятся в делах № 4265 и 4278.

Таблица № 7 содержала информацию о связи городского населения с деревней. В эту таблицу заносились все самодеятельные и безработные с разделением по полу и социальному положению. По связи с деревней сведения брались из ответов на 13-й вопрос личного листка. Самодеятельные и безработные разделялись на следующие категории: состоящие членами деревенских хозяйств, дающие помочь деревенскому хозяйству, получающие помочь из деревни. Дающие помочь хозяйству в деревне или получающие оттуда помочь также относились к членам деревенского хозяйства. В фонде № 30 указанные таблицы хранятся в делах 4292 и 4293.

Таблица № 8 разработочных форм личного листка являлась продолжением предыдущих таблиц и включала сведения о безработном населении. Материалы данной таблицы хранятся в делах № 4288 и 4291.

В таблицу № 9 заносились несамодеятельные от 10 лет и старше, без различия трудоспособности. Лица с необозначенным семейным состоянием относились к холостым (девицам). Дополнением к таблице № 9 была карточка № 9а, в которую включались личные листки: детей моложе 10 лет (выделенные в первой таблице) и несамодеятельных в возрасте от 10–19 лет (в группировке по семейному состоянию по девятой таблице). Материалы данной таблицы хранятся в делах № 3917, 4294–4296.

В таблицу № 10 включались данные только о несамодеятельном населении. Таблица разрабатывалась отдельно по каждому полу, и несамодеятельное население сводилось по главным занятиям их кормильцев, согласно ответу на 12-й вопрос личного листка.

Причем для содержащихся на средства лица, не имеющих занятий, принимался во внимание источник средств их существования (таблицы хранятся в делах № 4032–4048, 4050–4057).

Последней по списку разработочных таблиц личных листков была таблица № 11. В эту таблицу включалось все население, причем безработных относили к самодеятельным. В личных листах, где национальность не была обозначена, инструктора самостоятельно вносили записи, руководствуясь произношением имени и фамилии респондента (таблицы хранятся в делах № 4297–4302).

Разработка сведений семейных карт проводилась в следующих трех формах: таблица № 1 – семьи в зависимости от занятий главы семьи и по численному составу; таблица № 2 – возрастной состав членов семей в связи с занятиями главы семьи и ее численным составом; третья таблица – состав семей в зависимости от самодеятельности в связи с занятиями главы семьи и ее численным составом.

В таблице № 1 информация о семьях группировалась определенным образом. Прежде всего карточки таблицы раскладывались на две группы: семьи, во главе которых стояли мужчины (лицевая сторона), и семьи с женщинами во главе (на обратной стороне). Затем каждая группа карточек раскладывалась по занятиям главы семьи, и карточки каждого класса занятий разрабатывались отдельно друг от друга. По каждой группе семей одинакового численного состава показывалось общее число семей и указывалось, в скольких семьях из этого числа их главы отсутствуют (таблицы хранятся в делах № 3891–3979). Во второй таблице о семьях сохранялось разделение семейных карточек первой таблицы, но только с тем отличием, что вместо классов занятия главы семьи рассматривались только по группам. Возрастной состав членов семьи подсчитывался по данным выносных граф внизу карточки (таблицы хранятся в делах № 4058–4082, 4097). Третья таблица заполнялась на двух сторонах в зависимости от пола главы семьи. Указывалось, сколько в семье было самодеятельных, безработных, количество членов семьи. В таблице № 3 сохранялась группировка семейных карточек таблицы № 2. Количество самодеятельных, безработных и прислуги подсчитывалось по данным боковых выносных граф семейной карточки (таблицы хранятся в делах № 4083–4096, 4098–4102).

По итогам переписи проводилась разработка квартирной карты и подворной ведомости по следующим таблицам: застроенные

владения и категории их владельцев (форма № 1), общая характеристика застроенных помещений (форма № 2), данные о квартирах (нежилые застройки) и владениях (форма № 3), распределение помещений по их назначению (форма № 4), данные о квартирах (незастроенные владения) и владениях (форма № 5), категории квартир по благоустройству (форма № 6), квартирная плата (форма № 7), распределение квартир по населенности (форма № 8). Материалы разработки квартирных карт и подворных ведомостей можно найти в делах № 4279–4286.

Таким образом, следует отметить, что хранящиеся в НАРБ документы переписи 1923 г. позволяют изучить характер занятий, а также социально-экономическое положение граждан и семей белорусских городских поселений. Материалы переписи с учетом некоторых расхождений, вызванных административно-территориальными преобразованиями, могут быть сопоставлены с материалами демографической переписи 1926 г., что снимает ранее сформированный в научной среде вопрос о слабом информационном потенциале данного исторического источника.

4.8. Публицистика Великобритании как исторический источник и элемент историографии ее политики в Центрально-Восточной Европе в межвоенное время

В современном источниковедении публицистика (рассматривается только ее письменная форма, т. е. публицистика как вид литературы. – Е. Д.) определяется как вид исторических источников, возникший в общественной сфере [398, с. 449]. Публицистика не только способствует выражению мнения, но и влияет на него. Данная особенность позволяет определять публицистику как вид исторических источников, которые содействуют выражению и формированию общественного мнения [399]. Кроме того, историческая публицистика может выступать и как элемент историографии, часть истории исторической мысли. Понятие «историческая публицистика» внесено Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в перечень

ключевых при изучении белорусской историографии [400]. Однако историческая публицистика, или «непрофессиональная история», редко являлась объектом историографического изучения.

По данной причине актуальной задачей стало исследование публицистики Великобритании как исторического источника, а также элемента историографии ее политики в Центрально-Восточной Европе в 1919–1939 гг.

Первая волна публицистики, где затрагивалась британская политика в центрально-восточноевропейском регионе, пришлась на период Парижской мирной конференции. Ее ход освещали такие журналисты, как Э. Диллон (до Первой мировой войны российский корреспондент «The Daily Telegraph») и С. Хаддлстон (журналист «The Times»). Их работы передают информацию о месте проведения конференции, ключевых действующих лицах, целях основных участников, а также позволяют судить о методах принятия решений, функционировании цензуры. Например, С. Хаддлстон описывал эпизод, когда британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж, по сути, дезавуировал действия английского члена комиссии по делам Польши, поставившего свою подпись под решением одного из вопросов. Это стало известно из-за утечки информации и вызвало насмешливые комментарии французской стороны, спровоцировавшие гнев британского премьера и замедление решения проблем, связанных с Польшей [401, с. 133–134].

Рассматривая публицистику Великобритании данного периода, можно выделить несколько ключевых тем, которые найдут отражение в последующей историографической традиции. Так, в работе Э. Диллона это тема жесткого противостояния премьер-министра Великобритании польским требованиям [402, с. 256], что в польской историографии, особенно у историков-эмигрантов, приведет к теме «антипольской позиции» Д. Ллойда Джорджа [403–405]. С. Хаддлстон же высказал понимание позиции Д. Ллойда Джорджа, указывая, что первый настаивал на умеренности обоснованно, так как польско-немецкий «договор должен быть чем-то приемлемым и долговечным. <...> Боялись, что Германию загонят в положение Венгрии. Вот почему польский вопрос считался таким важным» [401, с. 149]. Для подтверждения своих рассуждений С. Хаддлстон приводил слова британского премьера о том, что вопрос о Польше является проверочным: «Если мы нанесем Германии смертельную рану там, прощай, перспектива постоянного мира!» [401, с. 155].

Э. Диллон, в свою очередь, писал о влиянии на решения конференции экономических мотивов, в частности о желании Великобритании контролировать Балтийское море и побережье, чтобы иметь возможность действовать в Польше, Германии и России [402, с. 261–262]. Далее влияние экономических факторов на центрально-восточноевропейскую политику Великобритании также будет акцентироваться в историографии [406; 399].

Согласно оценкам указанных публицистов, у членов делегаций, в том числе Великобритании, не было реального представления о ситуации в регионе [402, с. 348; 401, с. 46–47]. При этом Э. Диллон более критичен, поскольку заявляет о «невежестве и слабости сил, взявших на себя функции мировых администраторов» [402, с. 256]. Он обратил внимание на то, что такая ситуация позволила Польше прибегать «к действиям, которые быстро разрешили вопрос, как они и ожидали» [402, с. 256]. В дальнейшем в историографии это реализуется в тезисе о тактике *fait accompli* [408; 409].

Провокационный характер работы Э. Диллона привлек внимание к ней других публицистов. Например, социалистка Д. Монтефиоре приветствовала его критические оценки англо-американской политики в Центрально-Восточной Европе, так как она «способствовала экономическому краху и нищете» [410]. Профессиональные историки также отреагировали на появление публицистической работы Э. Диллона. В частности, американский историк Ч. Сеймур опубликовал рецензию, где выступил с критикой указанной работы за отсутствие целостности повествования, выражение «презрения» к конференции и последующим событиям. При этом особое недовольство американского историка вызвал тезис автора о доминировании на конференции «невежественного англосаксонского дуумвирата» [411]. Основное утверждение действительно противоречило официальной американской оценке событий конференции [412].

В межвоенные годы публикации по международным проблемам подготовили члены Союза демократического контроля (СДК). Эта организация была создана в 1914 г. представителями либеральной партии, которые после войны присоединились к лейбористам, и выступала за расширение полномочий парламентариев в области принятия решений в сфере международных отношений. Летом 1917 г. она выдвинула собственные условия будущего мирного урегулирования. Один из пунктов условия касался Центрально-

Восточной Европы и содержал информацию о том, что Польша должна быть свободной и независимой, а населению австрийской Польши и польских районов Пруссии следует решить, желает ли оно быть в составе Польши [413, с. 29, 81–82, 150]. В послевоенные годы, когда происходили события польско-советской войны, разворачивался польско-литовский конфликт, вопрос о принадлежности Верхней Силезии оставался нерешенным, а члены СДК обращались к этим темам в своей публицистической деятельности. Они отмечали, что территория польского государства на востоке вышла за этнографические границы, что с точки зрения интересов России неприемлемо и приведет через 10 или 15 лет к пересмотру линии восточных границ Польши [414, с. 32, 40, 61]. Они указывали, что Польша проводит империалистическую политику, которая способствует сохранению напряженности в ее отношениях со всеми соседними государствами [415, с. 26–27]. Они также критиковали в парламенте весной 1923 г. британское консервативное правительство Э. Бонара Лоу за решение о признании текущих восточных границ Польши [416].

Позиция либералов, направленная на ограничение польских территориальных притязаний в Центрально-Восточной Европе, вызывала критику со стороны их противников. Например, Ш. Саролеа, бельгиец по происхождению, филолог, профессор Эдинбургского университета, в 1922 г. выпустил «Письма о польских делах». Он охарактеризовал польскую проблему как международную, подчеркивая важность консолидированной Польши для противостояния «замыслам немецких и российских реакционеров» [417, с. 3–4]. Критическое восприятие Польши либеральными политиками Великобритании он объяснял тем, что «торговые державы Англии и Америки всегда смотрели на Восточную Европу “через очки немецкого профессора”. И эти гоблинские очки, если они иногда и увеличивали Россию, всегда уменьшали Польшу» [417, с. 10]. Переводя свои рассуждения в плоскость реальных политических решений, Ш. Саролеа настаивал, что ключевые для британских либералов интересы торговли требовали передачи промышленных районов Силезии Польше, так как Германия могла их использовать в военных целях [417, с. 110–111].

В публицистической форме основные положения британской политики излагались официально. С разрешения внешнеполитического ведомства «Форин офис» в США была опубликована работа

главы его пресс-бюро А. Вилларта «Аспекты британской внешней политики». Ее основные тезисы: мир, безопасность и торговля; любое нарушение мира неизбежно ударит по Великобритании, поэтому «пограничные споры» в любых регионах Европы не интересуют Великобританию, но «война в этих районах будет волновать нас так же сильно, как и соседнюю для них страну» [418, с. 2–6], а для стабильной Европы требуется сотрудничество Великобритании и Франции в поддержании мира. Поскольку США отказались от ратификации Версальского договора и гарантиного договора с Францией, последняя обратилась к государствам Восточной Европы, чтобы они заменили ее западных союзников, стала лоббировать их интересы, но общественное мнение Великобритании и Доминионов было против расширения британских гарантий на Центрально-Восточную Европу [418, с. 40–41, 58]. Все эти утверждения коррелируются с тезисами официальной британской историографии межвоенного времени и периода Второй мировой войны [419].

Следует отметить также работу «Польский коридор и последствия», написанную журналистом, редактором Р. Дональдом, который проявлял интерес к польскому вопросу еще в период Парижской конференции, где он выступал в роли одного из обозревателей. Работа была издана после поездок в Восточную Европу в 1920-х гг. Находясь в дружеских отношениях с Д. Ллойдом Джорджем, он положительно оценивал тот факт, что Д. Ллойд Джордж «не подпал под обаяние энтузиастов Великой Польши» [420, с. 8], а также одобрял работу британских экспертов, чьи советы он считал логичными и обоснованными [420, с. 190]. Такая позиция сближает его с представителями официальной британской историографии.

Публикацию о проблемах Центрально-Восточной Европы и балтийского региона в середине 1930-х гг. представил британский журналист Р. Мэкрей. В этом случае журналист избегал оценочных комментариев и стремился к поиску рациональных объяснений событий, что приближает его работу к научному исследованию. Так, констатируя неприязненную по отношению к Польше позицию Д. Ллойда Джорджа, он объяснял ее не только нападками со стороны Р. Дмовского, но и политическими интересами Великобритании: «Англия хотела создания польского государства, но слабого и маленького, так как большое означало усиление Франции, чего британская дипломатия старалась избежать» [421, с. 88].

В конце 1930-х гг., как отметил британский историк и публицист Р. Сетон-Уотсон, «под угрозой диктатур общеценноное мнение Великобритании заинтересовалось международными отношениями более, чем когда-либо в прошлом» [422, с. 8]. К этому времени относится работа П. Арнота, британского журналиста и политика-коммуниста, в которой указывается, помимо стремления к «равновесию сил», готовность «сокрушить Советскую Россию» [423, с. 56–58].

Публицистика в это время выходила и из-под пера профессиональных историков. Так, Р. Сетон-Уотсон в работе «Британия и диктаторы» избегал резких оценочных суждений, заявляя о стремлении только способствовать просвещению британской публики в международных вопросах. В его работе закрепилось утверждение, далее характерное для британских историков, о проявлении незаинтересованности Великобритании к территориям Центральной и Восточной Европы [422, с. 103]. При этом в условиях перехода Великобритании в 1939 г. к «политике гарантий» он подчеркивал, что Польша и Чехословакия – два самых важных из восстановленных государств [422, с. 309], а решение о создании «польского коридора» и предоставление Данцигу статуса свободного города было хорошим компромиссом [422, с. 74–75].

В условиях предвоенного кризиса 1939 г. и в начале Второй мировой войны в Великобритании начали выходить серии памфлетов, посвященных международной тематике. Это были публикации выдержек из речей британских и зарубежных политиков на определенную тему, снабженных небольшими комментариями [424], или, наоборот, авторские тексты с разъяснением хода международных событий [425]. Их появление и содержание отразило изменения в британской внешней политике, направленные на принятие больших обязательств по отношению к региону Центрально-Восточной Европы [424, с. 8]. Также в них формулировались и обосновывались основы британской внешней политики: намерение сопротивляться силе и при этом готовность обсуждать колониальные, сырьевые вопросы, вопросы торговых барьеров, а также темы «жизненного пространства» и ограничения вооружений [424, с. 16]. В этих публикациях нашла отражение официальная версия хода событий 1939 г. [425].

Таким образом, только значительные для внутриполитической жизни Соединенного Королевства события превращали британскую политику в Центрально-Восточной Европе, не являвшейся зоной

непосредственных внешнеполитических интересов Великобритании, в общественно значимую проблему и объект публицистического интереса. В 1919–1939 гг. такими были события Парижской мирной конференции и обострение международных отношений в 1938–1939 гг. В первые послевоенные годы внимание британской публицистики к центрально-восточноевропейскому вектору политики Великобритании привлекалось посредством участников внутриполитической борьбы. Это характерно для представителей разных политических течений, стремившихся показать ошибки политических противников. Имели место также попытки обосновать официальную политическую линию. Во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. рассматриваемый вектор британской политики не выступал в качестве актуальной общественно-политической проблемы. Появление крупных публицистических работ, посвященных данной теме, было обусловлено личными мотивами авторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Юмашева Ю. Ю. Актуальные проблемы источниковедения информационной эпохи // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 23. Екатеринбург : Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2023. С. 109–140.
2. Ходин С. Н. Источниковедение Беларуси: XXI век // Актуальные проблемы источниковедения : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. к 110-летию основания Витеб. учеб. архив. комиссии, Витебск, 25–27 апр. 2019 г. Витебск, 2019. С. 241–243.
3. Ходин С. Н., Грицкевич В. П., Каун С. Б. История и теория источниковедения : учеб. пособие. Минск : БГУ, 2008.
4. Румянцева М. Ф. «Остатки» и «предания»: еще раз о классификации / систематизации исторических источников // Актуальные проблемы источниковедения : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. к 110-летию основания Витеб. учеб. архив. комиссии, Витебск, 25–27 апр. 2019 г. Витебск, 2019. С. 17–20.
5. Бородкин Л. И. Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Истор. информатика. 2012. № 1. С.14–21.
6. Юшин И. Ф. Электронные документы как исторический источник // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики : тр. VII конф. ассоц. «История и компьютер» / под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Владимира. М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003.
7. Гарскова И. М. Информационные технологии и информационный подход в исторической науке // Вестн. РУДН. История России. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-i-informatsionnyy-podhod-v-istoricheskoy-nauke> (дата обращения: 28.03.2023).
8. Румянцева М. Ф. Вещный поворот в контекстах источниковедения и глобальной истории // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27–29 апр. 2023 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов, М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. Т. 1. С. 9–12.
9. Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII–XVIII вв.: Владение Тимковичи / Глав. архив. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т истории АН БССР, Центр. гос. истор. архив БССР в г. Минске. Минск : Наука и техника, 1982.
10. Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII–XVIII вв. Владение Сморгонь / Глав. архив. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т истории АН БССР, Центр. гос. истор. архив БССР в г. Минске. Минск : Наука и техника, 1977.
11. Каун С. Б. Хозяйственные описания первой половины XVI века в свете методов количественного анализа и информационных технологий //

Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны / рэдкал.: С. М. Ходзін (адказ. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2005. Вып. 2. С. 154–163.

12. Долгополов В. Г. Ad fontes: тенденции в источниковедении последних десятилетий // VMA. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ad-fontes-tendentsii-v-istochnikovedenii-poslednih-desyatiletii> (дата обращения: 21.03.2023).

13. Мазур Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. : URSS, 2014. Вып. 46.

14. Репина Л. П. «Национальный характер» и «Образ другого» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. : URSS, 2012. Вып. 39.

15. Мазур Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161–178.

16. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989.

17. Кащеев О. В., Головко В. Я. Социальная сеть Instagram как часть культуры общества // Вестн. славян. культур. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-instagram-kak-chast-kultury-obschestva> (дата обращения: 25.03.2023).

18. Сериков А. В., Сальников А. В. Социальная сеть Instagram как носитель виртуальной информации в современном виртуальном пространстве // Гос. и муницип. упр. Ученые записки. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-instagram-kak-nositel-vizualnoy-informatsii-v-sovremennom-virtualnom-prostranstve> (дата обращения: 25.03.2023).

19. Ходін С. Н. Приумножая традиции: кафедре источниковедения БГУ – 30 лет // Пічэтайскія чытанні – 2022: універсітэты і архівы як саставная элементы экалогіі культуры : матэрыялы міжнар. наўук. канф., Мінск, 29 верас. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.] ; наўук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2022. С. 104–118.

20. Колесников И. Ф. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы // Архив. дело. 1940. № 2 (54).

21. Неизвестный В. И. Пичета / сост. : М. Ф. Шумейко, В. В. Яновская, О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2021.

22. Пятидесятилетие Виленского центрального архива древних актовых книг : истор. очерк. 2 апр. 1852–1902 / сост. пом. архивариуса В. К. Голуб. Вильна, 1902.

23. Андрюшайтите Ю. В. О работе Э. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV–XVIII веках» и некоторые вопросы перевода филиграноведческой литературы // Археограф. ежегодник за 1981 г. М. : Наука, 1982.

24. Колесников И. Ф. Палеография документальной (архивной) письменности // Архив. дело. 1939. № 4 (52). С. 15–35.

25. Из журналов общего собрания Витебской ученой архивной комиссии // Истор. архив. 2004. № 6. С. 210.

26. Хмяльніцкая Л. І. Гісторык з Віцебска (жыцця і пісні Аляксея Сапунова). Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. С. 223.

27. Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг. – 1960 г.) : док. и материалы. Минск : БелНИИДАД, 2015. С. 85.
28. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. 4-е изд. Минск : Лучи Софии, 1997. С. 39.
29. Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками : в 2 т. / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 2003. Т. 1 : Письма Платонова, 1883–1930 / сост. В. Г. Бухерт. М. : Наука, 2003. С. 14.
30. Пичета В. И. Введение в русскую историю (источники и историография). М. : Кооперат. изд-во науч. работников, 1923. С. 3.
31. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М. : Госиздат, 2022. С. 3.
32. Емельянов Ю. Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е гг.). М. : НПИД «Рус. панорама», 2008. С. 290–293.
33. Неккина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М. : Наука, 1974. С. 32–33.
34. Шумейко М. Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. Минск : БелНИИДАД, 2002. С. 92–99.
35. Улашчык М. Выбранае. Мінск : Беларус. кнігазбор, 2001. С. 137–138.
36. Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў ХХ–ХХІ ст. у Беларусі : зб. навук. арт., прысвяч. 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка. Мінск : БДУ, 2008.
37. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі ; рэдкал.: С. У. Абламейка (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2011. С. 245.
38. Копысский З. Ю. Источниковедение аграрной истории Белоруссии. Минск. : Наука и техника, 1978. С. 4.
39. Шмидт С. О. М. Н. Тихомиров и сфера источниковедения // Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М. : Яз. славян. культур, 2012. С. 225.
40. Ходзін С. М. Крыніцы гісторыі Беларусі. Гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне : вучэб. дапам. Мінск : БДУ, 1999. С. 3.
41. Іофе Э. Р. Зіновій Капыскі як крыніцазнаўца і археограф (19 студзеня 2016 г. – 100-годдзэ беларускага вучонага-гісторыка) // Беларус. археаграф. штогоднік. Мінск, 2016. Вып. 17. С. 268–277.
42. Документы героических свершений (Об источниках по истории Коммунистической партии Украины) / М. А. Варшавчик [и др.]. К. : Политиздат Украины, 1985.
43. Ковалыченко И. Д. Методы исторического исследования. М. : Наука. 2003.
44. Залаев Г. З. Носители для архивного хранения электронных документов: состояние и перспективы // Самар. архивист. 2019. № 4. С. 5–9.
45. Сабенникова И. В. Облачные сервисы хранения цифровых документов: законодательная база и существующие риски // История и архивы. 2022. № 2. С. 73–82.

46. Сабенникова И. В. Электронные документы в системе информационного обмена архивов // Вестн. архивиста. 2021. № 2. С. 520–531.
47. Тихонов В. И. Наступит ли время «компьютерной палеографии»? // Информационный бюллетень. Ассоциации «История и компьютер». 2002. № 30. С. 114–116.
48. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. 2-е изд. ; под ред. и вступ. ст. Ю. И. Семенова. М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2004.
49. Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии. М. : Наука, 1983.
50. Marwick A. The New Nature of History. Knowledge, Evidence, Language. Hounds mills : Palgrave, 2001.
51. Топычканов А. В. К истории раннего бытования слова «источниковедение» в России // Археограф. ежегодник за 2003 г. М. : Наука, 2004. С. 149–153.
52. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР : учеб. пособие. М. : Изд-во соц.-эконом. лит., 1962. Вып. 1. : С древнейшего времени до конца XVIII века.
53. Лубский А. В. Мышление историческое // Понятия и категории. Вспомогательный проект портала ХРОНОС. URL: <http://ponjatija.ru/node/14220> (дата обращения: 31.05.2024).
54. Игнатенко А. П. Введение в историю БССР: периодизация, источники, историография. Минск : Высш. шк., 1965.
55. Ходзін С. М. Праблемы выкладання крыніцаўства гісторыі Беларусі ў ВНУ // Архівазнаўства, крыніцаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы : тэз. міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 1–2 снеж. 1993 г. Мінск : БДУ; 1993. Ч. 2. С. 131–132.
56. Ходзін С. М. Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне) : вучэб. дапам. Мінск : БДУ, 1999.
57. Ходзін С. М. Крыніцаўства гісторыі Беларусі : дапаможнік. Мінск : БДУ, 2012.
58. Грицкевич В. П., Каун С. Б., Ходзін С. Н. Теория и история источниковедения : пособие. Минск : БГУ, 2000.
59. Карр Э. Что такое история? М. : Прогресс, 1988.
60. Барт Р. Дискурс истории // Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Академ. проект, 2019. С. 359–371.
61. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.]. М. : РГГУ, 1998.
62. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Румянцева. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015.
63. Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований // Науч. мысль Кавказа. 2015. № 1. С. 21–30.
64. Ученые записки Петрозаводского государственного университета : науч. журн. 2023. Т. 45. № 2.

65. *Munslow A. Deconstructing History*. London ; New York : Routledge, 1997.
66. Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. М. : АН СССР ; Наука, 1955–1985.
67. *Сахаров А. М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР* // Вопр. истории. 1962. № 8. С. 13–28.
68. *Шмидт С. О. К изучению истории советской исторической науки 1920–1930-х годов* // История и историки: Историографический вестник. М. : Наука, 1990. С. 84–91.
69. *Маслов Н. Н. Методология исторического исследования. Введение в методологию историко-партийной науки*. М. : АОН, 1979.
70. *Сахаров А. М. О предмете историографических исследований* // История СССР. 1974. № 3. С. 90–112.
71. Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам БССР, 1944–1987 гг. : библиограф. указатель. Минск : Госбиблиотека БССР, 1988.
72. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / Акад. навук БССР ; Ін-т гісторыі ; рэдкал.: А. А. Філімонаў (гал. рэд.). Мінск : Навука і тэхніка. Т. 5. 1975.
73. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / Акад. навук Беларусі ; Ін-т гісторыі ; М. П. Касцюк [і інш.]. Мінск: Беларусь. Ч. 2. 1995.
74. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Саврем. шк., 2011. Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг.
75. История белорусской государственности : в 5 т. Мінск : Беларус. наука, 2020. Т. 5 : Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.).
76. *Кароль В. Радасць і гора: смерць Сталіна для жыхароў БССР* // Arche. 2011. № 10 (109). С. 7–33.
77. *Кашталян І. «Ой, большэ чэм маць пацераць...»*. Смерць Сталіна ва ўспрыяцці жыхароў БССР // Arche. 2011. № 10 (109). С. 34–67.
78. *Навіцкі У. І. Працэсы дэсталінізацыі ў беларускім грамадстве (1956–1964 гг.)* // Науч. тр. РІВШ. Исторические и психолого-педагогические науки : в 2 ч. Минск, 2013. Вып. 13. Ч. 1. С. 263–269.
79. *Адамушка Ул. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-х гадоў на Беларусі*. Мінск : Беларусь, 1994.
80. *Хоміч С. Амнісціраванне і рэабілітацыя рэпрэсіраваных у Беларускай ССР* // Репрессивная политика советской власти в Беларуси : сб. науч. работ / сост. И. Кузнецова, Я. Басин. Минск, 2007. Вып. 1. С. 254–269.
81. *Раманава І. М. Рэабілітацыя ахвяр палітычных рэпрэсій ў 1950–я гады: асноўныя тэндэнцыі і этапы* // Беларус. гістарыч. часопіс. 2014. № 3. С. 15–23.
82. *Сасім А. М. Промышленность Беларуси в условиях реформирования и стагнации (1953–1985 гг.)*. Минск : Экоперспектива, 2009.
83. *Смяховіч М. У. Сельская гаспадарка Беларусі ў 1943–1991 гадах: этапы развіцця, дасягненні, вопыт*. Мінск : Беларус. навука, 2017.
84. *Шадурский В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945–1990-е годы)*. Минск : БГУ, 2000.

85. *Аўласенка I. M.* Беларускія пісьменнікі ў Арганізацыі Аб'яднаных Нацый: выступленні, назіранні, уражанні. Мінск : ІВЦ Мінфіна, 2021.
86. *Шаповал Г. Ф.* История туризма Беларуси. Минск : РИВШ, 2006.
87. *Вялікі А. Ф.* Беларусь – Польшча ў ХХ стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955–1959 гг. Мінск : БДПУ, 2007.
88. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор'ева [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 1998.
89. *Верашчагіна А. У., Гурко А. В.* Гісторыя канфесій на Беларусі ў другой палове ХХ стагоддзя. Мінск : Тэхналогія, 1999.
90. *Ярмусик Э. С.* Католіческій костел в Беларусі в 1945–1990 годах. Гродно : ГрГУ, 2006.
91. *Навіцкі У. І.* Евангельская хрысціяне ў Беларусі: пяць стагоддзяў гісторыі (1517–2017 гг.). Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2019.
92. *Агееў А. Р.* Рэлігійнае пытанне на пасляваенных з'ездах Камуністычнай партыі Беларусі // Религія и общество – 2: актуальные проблемы современного религиеведения : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. Могилев, 2007. С. 159–162.
93. *Кулажанка Л.* Асаблівасці рэлігійнай свядомасці насельніцтва Беларусі ў 1944–1960-я гг. // Праваслаўе. 2010. № 16. С. 58–71.
94. *Васіліцын А. Г.* Змены ў рэлігійным заканадаўстве і іх упłyў на становішча Праваслаўнай царквы ў 1958–1964 гг. // Наука – образованию, производству, экономике : материялы XVI (63) рег. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотр. и аспирантов, 16–17 марта 2011 г. Вітебск, 2011. Т. 1. С. 371–373.
95. *Мандрик С. В., Горанский А. О.* Сопротивление закрытию православных храмов на территории БССР в конце 1950-х – 1970-е гг. // Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч. конф. Минск, 2 нояб. 2016 г. Минск, 2017. С. 238–244.
96. *Лобач У. А.* Вясковыя святыні Беларусі і савецкая ўлада: вандалізм і святатацтва ў антрапалагічным вымярэнні // Вестн. Полоц. Полоцк. гос. ун-та. 2019. № 1. С. 2–12.
97. *Саўчык К.* Проблемы і накірункі развіцця сучаснай гістарыяграфіі царкоўна-дзяржаўных дачыненняў у БССР у другой палове 50-х – 60-я гг. ХХ ст. // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнокультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : зб. навук. арт. : у 2 ч. / Мін-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гомел. дзярж. ун-т ім. Ф. Скарыны. Гомель, 2009. Ч. 1. С. 220–223.
98. *Елизаров С. А.* Самодеятельные общественные организации в Белорусской ССР (1960-е годы) // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнокультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : матэрыялы рэсп. навук. канф. Гомель, 2019. С. 42–47.
99. Дэмакратычная апазіцыя Беларусі. 1956–1991: персанажы і канцэкт / пад рэд. А. Дзярновіча. Мінск : АНГ, 1999.
100. Нонканфармізм у Беларусі: 1953–1985. Даведнік / аўт.-укл. А. Дзярновіч. Мінск : Atheneum, 2004. Т. 1.

101. *Валодзін У. Браніслаў Ржэўскі і яго пратест супраць русіфікацыі // Гарадзенскі гадавік. 2020. № 7. С. 63–79.*
102. *Сагановіч Г. А. Іншадумства акадэмічнай інтэлігенцыі ў БССР эпохі адлігі // Беларускі гістарычны агляд. 2021. Т. 28. Сш. 1–2. С. 163–194.*
103. «Бязродны касмапаліт» Кім Хадзееў ды іншыя: Пераслед іншадумцаў за савецкім часам : зб. дакум. / укл. Ул. Валодзін. Мінск : Вясна, 2020.
104. *Агееў А. Р. Забастоўкі на прадпрыемствах Магілёўскай вобласці ў 50–60-х гг. ХХ ст. // гістарычныя лёссы Верхняга Падняпроўя: рэгіянальная навуковая канферэнцыя / адказ. рэд. С. І. Бяспанскі. Магілёў, 1995. Ч. 2. С. 112–115.*
105. *Навіцкі У. І. ХХ з’езд КПСС і актыўізацыі рабочага руху ў Беларусі // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва : зб. навук. прац. / укл. І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. Магілёў, 2007. С. 216–219.*
106. *Мазеў В. Тэндэнцыі дзяржаўнай нацыянальной палітыкі ў БССР у 1950-я гг. // Arche. 2011. № 10. С. 68–85.*
107. *Алексейчик Я. Патолічев – Зімянін. Неудавшаяся замена // Беларус. думка. 2016. № 9. С. 34–41; № 10. С. 68–76.*
108. *Станкевіч С. Русіфікацыя беларускай мовы ў БССР і супраціў русіфікацыі наму працэсу // Запісы. Мюнхэн : Беларус. Ін-т Навукі і Мастацтва, 1962. Кн. 1. С. 89–137.*
109. *Лыч Л. М. Міжнацыянальныя дачыненні на Беларусі (верасень 1943 – кастрычнік 1964 г.). Мінск : Галіяфы, 2009.*
110. *Гужалоўскі А. Чырвоны аловак: Нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР : у 2 кн. Мінск : А. Янушкевіч, 2018. Кн. 2: 1943–1991 гг.*
111. *Козлов А. А. Контроль информационного пространства БССР местными органами цензуры в период «оттепели» // Ученые записки : сб. науч. тр. Витеб. гос. ун-та им. П. М. Машерова. 2018. Т. 28. С. 49–58.*
112. *Яковлева Г. Н. Деятельность Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллитра) в период «оттепели» // Ученые записки : сб. науч. тр. Витеб. гос. ун-та им. П. М. Машерова. 2013. Т. 16. С. 35–45.*
113. *Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мінск : Экаперспектыва, 1997.*
114. *Бессельнова Н. В. Культура Беларуси в период хрущевской «оттепели» (1953–1964 гг.). Гомель : БелГУТ, 2004.*
115. *Гісторыя беларускага мастацтва : у 6 т. Мінск : Навука і тэхніка, 1994. Т. 6: 1960-я – сярэдзіна 1980-х гг.*
116. *Бессельнова Н. В. Союз художников БССР в период «хрущевской оттепели»: ответы на вызовы времени // Восточнославянская цивилизация в современном глобализирующемся мире : сб. науч. тр. Гомель, 2018. С. 78–83.*
117. *Лісов А. Г., Правілов В. П. Романтика «оттепели». Витебское музыкальное училище в 1960-е гг. // Весці Беларус. дзярж. акадэміі музыкі. 2021. № 39. С. 98–107.*
118. *Артимович Т. Экспериментальный театр БССР в период «оттепели». Между модернизмом и авангардом. Вильнюс : ЕГУ, 2020.*

119. Гісторыя беларускай савецкай літаратуры : у 2 т. Мінск : Навука і тэхніка, 1966. Т. 2.
120. Станкевіч С. Беларуская падсавецкая літаратура першай палавіны 60-х гадоў. Нью Ёрк ; Мюнхэн : [б. в.], 1967.
121. Гісторыя беларускай літаратуры XX ст. : у 4 т. Мінск : Беларуская навука, 2001. Т. 3.
122. Зінченко М. Ю. Жилищное строительство в городах БССР в середине 1950-х – 1960-е гг. // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / У. К. Коршук (адк. рэд.). Мінск, 2010. Вып. 5. С. 39–47.
123. Лубінскі І. І. Сацыяльны аспект дачнага руху ў БССР у 1950-х гг. // Соціяльно-гуманітарные знанія : матэериалы XVI Рэсп. науч. конф. моладых ученых і аспірантаў, Мінск, 21 нояб. 2019 г. / рэдкол.: И. В. Титович (пред.) [і др.]. Мінск, 2019. С. 64–67.
124. Белазаровіч В. На пераломе: беларуская вёска ў канцы 1940-х – 1950-я гг. // Arche. 2011. № 10. С. 133–168.
125. Міхальчук Л. Штодзённы побыт жыхароў Мінска ў 1950-я гг. // Arche. 2011. № 10. С. 169–181.
126. Сумко В. «Прыдзvінскія калумбы»: Старонкі штодзённага жыцця ранняга Наваполацка (1958–1959 гг.) // Arche. 2011. № 10. С. 182–205.
127. Сумко В. Эканамічны і сацыякультурны аспект самагонаварэння ў сельскім ландшафце Паўночнай Беларусі ў другой палове 1940-х – 1960-я гг. // Весн. Палац. дзяярж. ун-та. 2018. № 9. С. 127–135.
128. Бакун Ю. А. Периодическая печать БГУ как исторический источник по истории повседневной жизни студенчества 1956–1991 гг. // Беларус. археаграф. штогоднік. 2020. Вып. 21. С. 45–55.
129. Голубева Н. А. Кирилл Мазуров. О чём молчало время... Мінск : Беларус. энцыкл., 2018.
130. Einax R. Entstalinisierung auf Weißrussisch: Krisenbewältigung, sozioökonomische Dynamik und öffentliche Mobilisierung in der Belorussischen Sowjetrepublik, 1953–1965. Wiesbaden : Harrassowitz, 2014.
131. Бон Т. М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М. : РОССПЭН, 2013.
132. Mühlbauer J. Kommunizieren und Partizipieren im 'entwickelten Sozialismus' Die Wohnungsfrage im Eingabewesen der Belorussischen Sowjetrepublik. Wiesbaden : Harrassowitz, 2015.
133. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Аквилон, 2014.
134. Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург : Урал. ун-т ; Омск : ОмГУ, 2000.
135. Вороб'ёва О. В. Молчание и умолчание в истории // Беларусь у канцэце єўрапейскай гісторыі: асаба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Янкі Купалы ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.) [і інш.]. Гродна : ГрДУ, 2023. С. 28–31.

136. *Лічэта У.* Польска-савецкія адносіны і Рыскі мір // Полымя. 1928. № 5. С. 83–100.
137. *Суслов П. В.* Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 года. М. ; Л. : Гос. изд-во, отд. воен. лит., 1930.
138. *Ломов Л.* Польша и ее армия. М. : Гос. воен. изд-во, 1935.
139. *Михутіна И. В.* Польско-советская война. М. : Ин-т славяноведения и балканстики, 1994.
140. *Мархлевский Ю.* Война и мир между буржуазной Польшой и пролетарской Россией. М. : Гос. изд-во, 1921.
141. *Лочмель И. Ф.* Освобождение Белоруссии от белопольских оккупантов (11 июля 1920 г.). Минск : Гос. изд. Белоруссии, отд. полит. лит., 1939.
142. *Радек К.* Внешняя политика Советской России. М. : Гос. изд-во, 1923.
143. *Фашистская Польша в тупике.* Л. : Ленингр. обл. изд-во, 1938.
144. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.)* : зб. дак. і матэрыялаў : у 4 т. Мінск : Юніпак, 2008. Т. 1, ч. 2.
145. *Друнин В. П.* Польша, Россия и СССР. Исторические очерки. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928.
146. *Мезга Н. Н.* Советско-польские отношения 1921–1926: новый этап противостояния. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019.
147. Документы внешней политики СССР : в 24 т. М. : Изд-во полит. лит., 1968. Т. 14.
148. *Віслянські М.* Замежная палітыка польскага фашизму // Полымя. 1930. № 3. С. 112–123.
149. *Гальянав В.* Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4. С. 49–65.
150. *Лочмель И. Ф.* Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов. М. ; Л. : Гос. изд-во, отд. воен. лит., 1940.
151. *Меньковский В. И.* История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск : БГУ, 2007.
152. *Mironowicz E.* Białoruska mniejszość narodowa w II Rzeczypospolitej w historiografii polskiej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1995. № 2 (4). S. 176–180.
153. *Gomółka K.* Polityka rządów polskich wobec mniejszości białoruskiej w latach 1918–1939 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1995. № 2 (4). S. 106–120.
154. *Gomółka K.* Białorusini w Drugiej Rzeczypospolitej // Zeszyty Naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomika. Gdańsk, 1992. № 31. S. 168–182.
155. *Roczkowski W.* Gospodarcza rola większej prywatnej własności ziemskiej w Polsce 1918–1939. Warszawa : PWN, 1989.
156. *Wapiński R.* Pokolenia Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa : PWN, 1991.
157. *Wapiński R.* Polska i małe ojczyzny Polaków: Z dziejów kształtowania się świadomości narodowej w XIX i XX wieku po wybuchu II wojny światowej. Wrocław – Warsaw – Kraków : Ossolineum, 1994.
158. *Milewski J. Z.* dziejów województwa Białostockiego w okresie międzywojennym. Białystok : Prymat, 1999.

159. *Eberhardt P.* Przemiany narodowościowe na Białorusi. Warszawa : Editions Spotkania, 1994.
160. *Tomczonk Z.* Badania nad Kresami Północno-Wschodnimi Drugiej Rzeczypospolitej w polskiej historiografii // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku: Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. Białystok : Prymat, 2003. S. 16–26.
161. *Czarnecki B.* Rola historycznego rynku miejskiego we współczesnym funkcjonowaniu i strukturze małych miast Białostocczyzny // Małe Miasta: historia i współczesność / pod red. M. Zemło, P. Czyżewskiego. Supraśl : Współczesna Oficyna Supraska, 2001. S. 79–95.
162. *Wierzbiniel W.* Organizacja ziemiaństwa żydowskiego w II Rzeczypospolitej // Przegląd Historyczno Archiwalny. 2002. T. 11. S. 233–245.
163. *Stobniak-Smogorzewska J.* Kresowe osadnictwo wojskowe 1920–1945. Warszawa : RYTM, 2003.
164. *Kacprzak M.* Towarzystwo rozwoju Ziem Wschodnich w latach 1933–1939. Łódź : Ibidem, 2005.
165. *Smolarczyk A.* Dzieje szkolnictwa na ziemiach północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej w historiografii polskiej i białoruskiej // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku: Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. Białystok : Prymat, 2003. S. 36–43.
166. *Włodarczyk T.* Konkordaty: Zarys historii ze szczególnym uwzględnieniem XX w. Warszawa : PWN, 1986.
167. *Mysłek W.* Przedmurze (Szkice z dziejów Kościoła Katolickiego w II Rzeczypospolitej). Warszawa : Wydawnictwo Spółdzielcze, 1987.
168. *Papierzyńska-Turek M.* Między tradycją a rzeczeliwością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939. Warszawa : PWN, 1989.
169. *Kumor B.* Historia Kościoła. Cz. 8: Czasy współczesne 1914–1992. Lublin : RW KUL, 1996.
170. *Wilk St.* Episkopat Kościoła Katolickiego w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1992.
171. *Moroz M.* «Krynicą»: Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu. Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2001.
172. *Mróz M.* Katolicyzm na pograniczu: Kościół katolicki wobec kwestii ukraińskiej i białoruskiej w Polsce w latach 1918–1925. Toruń : Wyd-two Adam Marszałek, 2001.
173. *Wołkonowski J.* Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i Wileńszczyne 1919–1939. Białystok : Uniwersytet w Białymostku, 2004.
174. *Boćkowski D.* Władza radziecka wobec Polaków, Żydów i Białorusinów na Białostocczyźnie 1939–1941 w świetle dokumentów partyjnych // Polacy – Żydzi – Białorusini – Litwini na północno-wschodnich ziemiach Polski a władza radziecka (1939–1941). W kręgu mitów i stereotypów : praca zbiorowa / Uniwersytet w Białymostku; red. nauk. M. Gnatowski [i in.]. Białystok : Wyd. PRYMAT, 2005. S. 61–84.

175. *Tomaszewski J.* Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa : Wyd-two Uniwersytety Warszawskiego. 2001.
176. *Мірановіч Я.* Беларусы ў Польшчы (1918–1949). Вільня ; Беласток : Інстытут беларусістыкі ; Беларускае гістарычнае таварыства, 2010.
177. *Mironowicz E.* Plany integracji Ziemi Wschodnich II Rzeczypospolitej w polityce obozu sanacyjnego (1935–1937) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2002. № 18. S. 118–130.
178. *Turonek J.* Książka białoruska w II Rzeczypospolitej 1921–1939. Warszawa : Sławistyczny ośrodek wydawniczy, 2000.
179. *Łatyszonek O.* Białoruski ruch narodowy a protestantyzm w II Rzeczypospolitej // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach Połnocno-Wschodnich i Litwa Wschodnia w latach 1939–1941 : materiały z konferencji naukowej, 24–26 listopada 1993, Warszawa. Warszawa : IPN, 1995. S. 33–40.
180. *Śleszyński W.* Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, Oficyna Wydawnicza RYTM, 2007.
181. *Śleszyński W.* Życie na Kresach. Województwa wschodnie II Rzeczypospolitej (1919–1939). Białystok : Muzeum Pamięci Sybiru, 2020.
182. *Czykwin E.* Białoruska mniejszość narodowa jako grupa stygnatyzowana. Białystok : Trans Humana, 2000.
183. *Żolędowski C.* Białorusini i Litwini w Polsce, Polacy na Białorusi i Litwie: Uwarunkowania współczesnych stosunków między większością i mniejszościami narodowymi. Warszawa : ASPRA-JR, 2003.
184. *Gomółka K.* Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych w latach 1918–1922. Warszawa : Gryf, 1994.
185. *Gnatowski M.* Polacy – Sowieci – Żydzi w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941 : w 2 t. Łomża : Łomżyńskie towarzystwo naukowe im. Wagrów, 2005. T. 1.
186. *Milewski J. J.* Władze i ugrupowania polityczne polskie wobec kwestii białoruskie w Polsce w okresie międzywojennym // Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej. Białystok : Dział Wydaw. Filii UW, 1995. S. 361–371.
187. *Wierzbicki M.* Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941. Warszawa : Fronda, 2007.
188. Spuścizna Aleksandra Gieysztor (1916–1999) w zbiorach Archiwum Polskiej Akademii Nauk / Hanna Szymczyk z zespołem ; [opracowanie Anita Chodkowska, Katarzyna Słojkowska, Izabela Gass, Marian Kmita, Agata Łazowska, Barbara Wiktorowska]. Warszawa : Polskie Towarzystwo Archiwalne, 2016.
189. Aleksander Gieysztor: człowiek i dzieło / pod red. naukową M. Koczerskiej, P. Węcowskiego. Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016.
190. *Любы А. У.* Jagiellonica паміж Оскарам Халецкім, Аляксандрам Гейштарам і Ежы Гедройцам: паняційныя асновы сучаснай гістарыяграфіі Цэнтральныі і Усходніяй Еўропы // Studia Historica Europae Orientales – Исследования по истории Восточной Европы. 2018. Т. 11. С. 206–220.

191. *Gieysztor A.* "Nos habemus caesarem nisi regem". Korona zamknięta królów polskich w końcu XV i w wieku XVI // Muzeum i twórca. Studia z historii sztuki ku czci prof. dr. Stanisława Lorentza. Warszawa, 1969. S. 277–292.
192. *Gieysztor A.* Władza. Simbole i rytuały / red. P. Mrozowski, P. Tyszka, P. Węcowski. Warszawa : Muzeum Zamku Królewskiego w Warszawie, 2016.
193. *Gieysztor A.* "Ornamenta regia": Le gest dans la cérémonie du couronnement dans la Polonie médiévale // Curia maior. Studia z dziejów kultury ofi arowane Andrzejowi Ciechanowieckiemu. Warszawa, 1990. S. 30–36.
194. *Gieysztor A.* Przemiany ideologiczne państwa pierwszych Piastów a wprowadzenie chrześcijaństwa // Początki państwa polskiego. Księga tysiąclecia / pod red. K. Tymienieckiego. Poznań, 1962. T. II. S. 156–169.
195. *Gieysztor A.* Spektakl i liturgia – polska koronacja królewska // Kultura elitarna i kultura masowa w Polsce późnego Średniowiecza (Materiały z sympozjum zorganizowanego przez IH PAN w Kazimierzu n. Wisłą w grudniu 1975) / pod red. B. Geremka. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. S. 9–23.
196. *Gieysztor A.* Polski homo mediaevalis w oczach własnych // Polaków portret własny. Praca zbiorowa / pod red. M. Rostworowskiego. Kraków : Wydaw. Literackie, 1979. S. 19–31.
197. *Koczerska M.* Aleksander Gieysztor jako historyk dziejów Polski i powszechnych // Przegląd Historyczny. 2000. T. XCI. Z. 1. S. 19–40.
198. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года (па выданню 1855 года). Мінск : Тэсей, 2003.
199. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск : БелСЭ, 1989.
200. Kazimiero Leono Sapiegos archyvo inventorinė knyga (1647/1648 m.) / Lietuvos istorijos institutas ; parengė: D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnus : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2014.
201. *Дятлова Н. П.* Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения : материалы науч. конф. архивистов Ленинграда, 4–6 февр. 1964 г. / редкол.: В. В. Бедин (отв. ред.). Л. : Наука, 1964. С. 227–246.
202. *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М. : Наука, 1979.
203. *Улащик Н. Н.* Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804–1861 гг.) // Проблемы источниковедения / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: А. Н. Насонов, А. А. Новосельский (отв. ред.). М., 1961. Т. 9. С. 15–55.
204. *Минаков А. С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи. От документального инструментария к историческому источнику // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе : докл. и сообщения на Шестой Всерос. науч. конф. / Федер. архив. агентство, Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела. М., 2009. С. 216–223.

205. Минаков А. С. Всеподданнейшие отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики // *Отечеств. арх.* 2009. № 1. С. 28–36.
206. Минаков А. С. Годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов: исследовательский опыт и источниковедческие перспективы // *Археограф. ежегодник за 2009–2010 гг.* М. : Наука, 2013. С. 37–55.
207. Минаков А. С. Развитие нормативной базы формуляра годовых отчетов губернаторов России в первой половине XIX в. // *История государства и права.* 2014. № 2. С. 28–32.
208. Минаков А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // *Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Гуманитар. науки.* 2016. № 2 (38). С. 5–24.
209. Раздорский А. И. Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи 1845–1916 : свод. каталог. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020.
210. Раздорский А. И. Печатные всеподданнейшие отчеты губернаторов литовско-белорусских губерний и генерал-губернаторов Северо-Западного края // Белорус. сб. : ст. и материалы по истории и культуре Белоруссии / РОС. нац. б-ка; С.-петерб. ассоц. белорусистов. СПб., 2021. С. 93–102.
211. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. СПб. : Тип. МВД. Т. 1. 1854.
212. Полное собрание законов Российской империи : собр. 2-е с 1825 по 1881 г. : в 55 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. его император. величества канцелярии, 1830–1884.
213. Дополнение ко второму Полному собранию законов Российской империи. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. его император. величества канцелярии. Ч. 1. 1855.
214. Российская государственная статистика 1802–1996 гг. М. : Госкомстат России, 1996.
215. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. СПб. : Тип. МВД. Т. 3. 1855.
216. Бобровский П. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. СПб. : Тип. Департамента Генерал. штаба. Ч. 1. 1863.
217. Шаркова Г. А. Преподаватели общеобразовательных средних учебных заведений Москвы в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 07.00.02. М., 2007.
218. О народных училищах Минской губернии // Мин. губерн. вед. 1865. 8 окт.
219. Роспись расходов и доходов г. Минска на 1884 г. // Мин. губерн. вед. 1884. 11 февр.
220. Открытие в г. Могилеве временных педагогических курсов для учительниц церковных школ епархии // Могилев. епарх. вед. 1901. 1 июля.
221. Отчет общества вспомоществования учащим и учившим в церковных школах Гродненской епархии за 1906 г. // Гродн. епарх. вед. 1897. 4 марта.

222. Федорова Т. Н. Общественно-политическая мысль в Белоруссии и «Минский листок» (1886–1902 гг.). Минск : Наука и техника, 1966.
223. Минский листок. 1890. 1 янв.
224. Минский листок. 1890. 20 апр.
225. Минский листок. 1890. 22 мая.
226. Минский листок. 1890. 25 мая.
227. Минский листок. 1890. 15 июня.
228. Публичное богословское чтение // Северо-Запад. край. 1905. 4 апр.
229. Паначин Ф. Г. Учительство и революционное движение в России (XIX – начало XX в.). М. : Педагогика, 1986.
230. *Мікалаеўець*. З Беларусі і Літвы // Наша ніва. 1907. 19 студзеня.
231. З Беларусі і Літвы // Наша ніва. 1907. 8 ліп.
232. Министерское распоряжение от 28 февраля 1885 г. // Циркуляр по Вилен. учеб. округу. 1885. № 3.
233. Жалование народного учителя // Народ. образование в Вилен. учеб. округе. 1907. № 11.
234. Голос учителя: издание группы учителей и учительниц Витебской губернии. № 1. 1908.
235. Белорусский учитель. Вып. 1. СПб., 1909.
236. Белорусский учительский вестник. Могилев : Типолитография Я. Н. Подземского. № 5. 1910.
237. *Стрэнкоўскі С. П.* Гарадское самакіраванне на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIV–XVIII стст. : у 2 ч. Мінск : Мін. гар. ін-т развіцця адукацыі, 2013.
238. *Стрэнкоўскі С. П.* Вількеры гарадскіх абшчын Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // *Studia Historica Europae Orientalis* : науч. сб. / Гос. учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», каф. историко-культур. наследия Беларуси. 2011. Вып. 4. С. 175–191.
239. Белоруссия в эпоху феодализма : сб. док. и материалов : в 3 т. / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т истории ; редкол.: А. И. Азаров [и др.]. Минск : Изд-во Акад. наук Белорус. ССР, 1959–1961. Т. 1 : С древнейших времен до середины XVII в. / сост.: З. Ю. Копысский, М. Ф. Залога. Минск, 1959.
240. Янин В. Л. Значение открытия берестяных грамот для изучения отечественной истории // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М. : Индрик, 2003. С. 15–23.
241. Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Вопр. языкоznания. 2021. № 5. С. 66–92.
242. Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М. : Наука, 1981.
243. Темущев С. Н. Функционирование налогово-данической системы домонгольской Руси по данным берестяных грамот // Древ. Русь. Вопр. медиевистики. 2017. № 2 (68). С. 5–17.
244. Рукописные памятники Древней Руси. Древнерусские берестяные грамоты. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/list/> (дата обращения: 30.03.2024).

245. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М. : Яз. славян. культуры, 2004.
246. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и comment. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПБ. : Наука, 1996.
247. Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М. : Наука, 2004.
248. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М. : Наука, 1976.
249. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. 1984.
250. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М. : Яз. славян. культур, 2008.
251. Гиппиус А. А. Комментарий к берестяной грамоте № 226 // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / отв. ред. В. Л. Янин. М. : Индрик, 2003. С. 45–56.
252. Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963.
253. Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М. : Наука, 1978.
254. Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопр. языкоznания. 2022. № 6. С. 7–20.
255. Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2022 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопр. языкоznания. 2023. № 5. С. 7–28.
256. Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Вопр. языкоznания. 2021. № 5. С. 66–92.
257. Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопр. языкоznания. 2020. № 5. С. 22–37.
258. Гжыбоўскі Е. Савецкая рэчаіснасць на бачынах беларускай газеты ў Латвіі «Голас беларуса» (1925–1929 гг.) // «Światła masz tyle w sobie...». Ze studiów wschodniosłowiańskich / red. M. Kaczmarczyk [i inni]. Lublin : Katolicki Uniwersytet Lubelski, 2016. S. 207–222.
259. Jankowiak M. Prasa białoruska międzywojennej Łotwy (przegląd wydawnictw) // Studia Białorutenistyczne. 2021. № 15. S. 11–31. DOI:10.17951/sb.2021.15.11-31.
260. Goldmanis M. «Baltkrievu» diskurss latviešu presē (1920–1934): izpratnes evolūcija par baltkrieviem kā patstāvīgu nacionālo minoritāti // Dāgvavpils universitātes 56. starptautiskās zinātniskās konferences rakstu krājums. C. Daļa. Humanitārās zinātnes. Dāgvavpils, 2014. URL: dukonference.lv/files/ proceedings_of_conf/978-9984-703-1_56_konf_kraj_C_Hum_zin.pdf (pieejas datums: 06.04.2020).
261. Goldmanis M. Nacionālo attiecību atspoguļojums latviešu presē (1918–1934): iiss ieskats // Latvijas Universitātes Žurnāls. Vēsture. 2017. Nr. 3. Lpp. 13–26. DOI:10.22364/luzv.3.2017.02.
262. Preses likums // Likumu un Ministru kabineta noteikumu krājums. 1924. Nr. 7. Lpp. 1–3.

263. Екабсонс Э. Белорусы в Латвии в 1918–1940 годах // Беларусская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый : матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістая «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», 1 сесія 21–25 мая ; 2 сесія 4–7 снеж., Мінск, 2000 г. / Міжнарод. асацыяцыя беларусістая ; пад рэд. А. Мальдзіса (гал. рэд.). Мінск : Беларус. кнігазбор, 2001. С. 47–71.
264. Горевъ А. У шефа военно-дипломатической миссии Бѣлорусской Народной Республики // Сегодня. 1919. № 20. С. 1.
265. Горевъ А. У чрезвычайного полномочного представителя Бѣлорусск. Народн. Республики // Сегодня. 1919. № 82. С. 2.
266. Ministru prezidents H. Celmiņš // Latvijas Kareivis. 1925. Nr. 161. Lpp. 1.
267. Latgališu porpuļošana un porkrivošana pirubežas apgabolū // Latgalits. 1924. Nr. 19. Lpp. 2.
268. Беларусы ў Латвії // Новае жыцьцё. 1923. 7 красавіка. С. 4.
269. Valdības darbība no 1918.–1923. g. // Valdības Vēstnesis. 1923. Nr. 256.
270. Grāmatu apraksti alfabētiskam katalogam. VI // Valsts Bibliotēkas Bīletens. 1927. Nr. 9. Lpp. 196.
271. IX sesijas 24. sēde 1931. gada 9. jūnijā // Saeimas Stenogrammas. 1931. Nr. 9. Lpp. 838–839.
272. Kaŗa tiesai nodota baltkrievu spiegošanas lieta // Iekšlietu Ministrijas Vēstnesis. 1929. Nr. 346. Lpp. 1.
273. Jezovitovs K. Par baltkrieviem un lielkrieviem Latvijā // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. 1923. Nr. 1. 63–69 lpp.
274. Чарняўскі А. Каствуе Езавітаў. Пра беларусаў і велікарусаў у Латвії // Латышы и белорусы: вместе сквозь века. 2021. Вып. 10. С. 88–98.
275. Чарняўскі А. Г. Выдавецкая дзейнасць беларускай нацыянальной меншасці ў міжваенный Латвіі (1918–1940 гг.) // Весн. ГрДУ. Сер. 1 : Гісторыя і археалогія. Філософія. Паліталогія. 2023. Т. 15. № 3. С. 58–72.
276. Z Łatwii // Krynicja. 1920. 30 траўня. S. 3.
277. Беларусы ў Латвії // Наша праўда. 1927. № 36. С. 4.
278. Мялешка І. Латвійская «юстыцыя» // Беларуская доля. 1925. № 20. С. 1–2.
279. Езавітаў К. Становішча беларускай школы ў Латвії // Новае жыцьцё. 1923. № 2. С. 2–5.
280. Беларусы ў Латвії // Новае жыцьцё. 1923. № 6. С. 4.
281. Пісьмо з Латвії // Змаганьне. 1923. № 18. С. 2.
282. Власть. Уражаньні з паездкі ў Беларускую Радзянскую Соціялістычную Рэспубліку / Власть // Крывіч. 1927. № 12. С. 78–97.
283. Беларускае жыцьцё ў Латвії // Покліч. 1927. № 2. С. 43–44.
284. Стакод А. Беларуская лірыка ў Латвії // Маладняк. 1928. № 10. С. 103–107.
285. Беларусы за кардонам // Савецкая Беларусь. 1922. № 263. С. 2.
286. Выбары ў латвійскі сойм // Савецкая Беларусь. 1928. № 236. С. 1.
287. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae / wyd. M. Dogiel. Vilna : Typogr. Coll. Scholarum Piarum, 1758. [36], T. 1.

288. *Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae* / wyd. M. Dogiel. Vilna : ex Typogr. Regia et Reipubl., 1759. T. 5.
289. *Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae* / wyd. M. Dogiel. Vilna : ex Typogr. Regia et Reipubl. CC. RR. Scholarum Piarum, 1764. T. 4.
290. *Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplarīs authenticis descripti* / M. Dogiel. Vilnae : Typographia Regia & Reipublicae Collegii Vilnensis Scholarum Piarum, 1758.
291. *Латушкін А. М.* Аб пытанні гістарычнай назвы архіва вялікіх князёў літоўскіх // Архіварыус. № 21. 2023. С. 5–28.
292. *Rowell S. C.* Išdavystė ar paprasti nesutarimai? Kazimieras Jogailaitis ir Lietuvos diduomenė 1440–1481 metais // *Lietuvos valstybė XII–XVIII a.* Vilnius : Lietuvos Istorijos institutas, 1997. P. 45–74.
293. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатический сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). Издана, по поручению Императорского московского общества истории и древностей российских, кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. М. : Унив. типография, 1843.
294. *Латушкін А. М.* Акты XV ст. з дзяржаянага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў калекцыі расійскага археографа П. А. Муханава (1797–1871) // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск : БелНДІДАС, 2017. Вып. 18. С. 114–127.
295. *Чэчулін З. В.* Інвентар Кракаўскага Кароннага архіва 1551 г. як крыніца па рэканструкцыі архіва вялікіх князёў літоўскіх (1367–1392 гг.) // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. РІВІШ, 2022. Вып. 22, ч. 2 : Исторические науки. С. 266–274.
296. *Kurkowski J. Z.* Dziejów polskiego edytortwa źródeł historycznych Maciej Dogiel (1715–1760) // *Analecta.* 2006. 15(1–2) (29–30). S. 89–157.
297. *Иларене И.* Знаки публичных нотариусов в Книге публичных дел Литовской Метрики и в опубликованном Мацеем Догелем сборнике источников // Новости Литов. Метрики. 2004–2005. № 8. Вильнюс : LII leidykla, 2006. С. 33–50.
298. *Kłodziński A. O.* Archiwum Skarbca Koronnego na Zamku Krakowskim // *Archiwum Komisji Historycznej.* Kraków, 1923. Seria 2. T. 1. S. 124–577.
299. *Пічэта У. І.* Новae ў археолёгii (Беларусь, Украіна) // Полымя. 1927. № 5. С. 192–195.
300. *Каханоўскі Г. А.* Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. Мінск : Навука і тэхніка, 1984.
301. *Вяргей В. С.* Археологическая наука в Белорусской ССР, 1919–1941 гг. Минск : Наука и тэхніка, 1992.
302. *Мядзведзеў В. У.* Гістарыяграфія развіцця беларускай археалагічнай науки // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры : материалы междунар. науч. конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск : Белорус. наука, 2012. С. 586–695.

303. Белозорович В. А. Вклад В. И. Пичеты в формирование историографии Беларуси // Вестн. БарГУ. Сер. : Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2019. № 7. С. 13–18.
304. Вайтовіч А. У. «Архэолёгічнае мінулае» тэрыторыі Беларусі ў працах У. І. Пічэты // Роль университетского образования и науки в современном обществе : материалы междунар. науч. конф., Минск, 26–27 февр. 2019 г. / ред-кол.: А. Д. Король [и др.]. Минск : БДУ, 2019. С. 63–71.
305. Пічета В. І. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Минск : Наркомзем, 1927. Ч. 1 (до конца XVI в.).
306. Пічета В. І. История Белоруссии в советской историографии // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. 1917–1942 : сб. ст. / под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. М. ; Л., 1942. С. 179–188.
307. Пічета В. І. Образование белорусского народа // Вопр. истории. 1946. № 5–6. С. 3–29.
308. Пічэта У. І. Гісторыя Беларусі. М. ; Л. : Дзяржвыд, 1924.
309. История Белоруссии : учеб. для вузов / В. И. Пичета, К. М. Поликарпович, А. П. Пьянков. Т. 1. Машинописная копия. Б. г. 511 л. Нац. б-ка Беларуси. Ф. 2. Оп. 1 Ед. хр. 4. Инв. номер 196/7837К.
310. Йофе Э. Р. Акадэмік У. І. Пічэта як гісторык Беларусі // Беларус. археаграф. штогоднік. 2006. Вып. 7. С. 138–146.
311. Кузьминых С. В., Серых Д. В. Всесоюзное археологическое совещание 1945 г. как ключевой фактор послевоенного развития советской археологии // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов) : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. И. А. Сорокина. М. : ИА РАН. 2021. С. 36–37.
312. Никольский Н. М. Проблемы древней истории Белоруссии // Вестн. древ. истории. 1938. № 1 (2). С. 164–175.
313. Спицын А. А. Литовские древности // Tauta ir žodis. Humanitarinių Mokslių Fakulteto leidinys. III knygos. Kaunas. 1925. С. 112–171.
314. Даўгяла З. Дзейнасць Гістарычна-Архэолёгічнае Камісіі Інстытуту Беларускае Культуры ў 1925–1926 акад. годзе // Гістарыч.-архэолёгіч. зб. 1927. № 1. С. 364–366.
315. Дубінскі С. А. Дзейнасць організацый // Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Працы катэдры археолёгіі. 1928. Кн. 5. Т. 1. С. 257–262.
316. Чубур А. А. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. Минск : Белорус. наука, 2009.
317. Подпольная и партизанская печать Беларуси [Электронны рэсурс] : газеты, листовки, рукописные материалы, стенгазеты / Нац. б-ка Беларуси, Белорус. гос. музей истории Великой Отеч. войны, Нац. арх. Респ. Беларусь при поддержке Нац. комис. Респ. Беларусь по делам ЮНЕСКО ; сост.: А. В. Белый ; науч. ред.: Л. Г. Кирюхина, С. И. Азаронок. Минск : НББ, 2009. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
318. Спадчына акадэміка Яўхіма Карскага: да 150-годдзя з дня нараджэння [Электронны рэсурс] / Нац. б-ка Беларусі, Дэпартамент па арх. і спра-

ваводстве М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Нац. арх. Рэсп. Беларусь ; склад.: В. У. Скалабан, К. В. Суша ; пад агул. рэд. Р. С. Матульскага, У. І. Адамушкі, Л. Г. Кірухінай, В. Дз. Селяменева. 3-е изд. Мінск : Нац. б-ка Беларусі, 2010. 1 электрон. апт. дыск (CD-ROM).

319. Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1944 год [Электронный ресурс] / Нац. арх. Респ. Беларусь, Нац. б-ка Беларуси ; сост.: С. В. Кулинок, М. Н. Скоморощенко, А. А. Суша ; редкол.: А. К. Демянюк, В. Д. Селеменев, Р. С. Мотульский. Минск : Нац. арх. Рэсп. Беларусь, Нац. б-ка Беларусі, 2019 г. 1 электр. оптич. диск (DVD). (Серия «Партизанский архив»).

320. Сводки и спецсообщения руководящих органов партизанского движения в Беларуси: 1942 год [Электронный ресурс] / Нац. арх. Респ. Беларусь, Нац. б-ка Беларуси ; сост.: С. В. Кулинок, М. Н. Скоморощенко, А. А. Суша ; редкол.: А. К. Демянюк, В. Д. Селеменев, Р. С. Мотульский. Минск : Нац. арх. Рэсп. Беларусь, Нац. б-ка Беларусі, 2020 г. (Серия «Партизанский архив»).

321. Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1943 год [Электронный ресурс] / Нац. арх. Респ. Беларусь, Нац. б-ка Беларуси ; сост.: С. В. Кулинок, М. Н. Скоморощенко, А. А. Суша ; редкол.: А. К. Демянюк, В. Д. Селеменев, Р. С. Мотульский. Минск : Нац. арх. Рэсп. Беларусь, Нац. б-ка Беларусі, 2020 г. 1 электр. оптич. диск (DVD). (Серия «Партизанский архив»).

322. Белорусы на целинных землях Казахстана: 1954 г. – середина 1960-х гг. [Электронный ресурс] / Нац. арх. Респ. Беларусь, Нац. б-ка Беларуси ; сост.: С. В. Кулинок [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк (отв. ред.) [и др.]. Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2022.

323. Новая экономическая политика в БССР: сельское хозяйство [Электронный ресурс] / Нац. арх. Респ. Беларусь, Нац. б-ка Беларуси, Гос. арх. Мин. обл. ; сост.: И. А. Вишневский, С. В. Кулинок (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк (отв. ред.) [и др.]. Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2022.

324. *Митяев К. Г.* Теория и практика архивного дела. М. : МГИАИ, 1946.

325. 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей, 29 сент. – 3 окт. 1921 г. // Архив. дело. 1923. Вып. 1. С. 1–13.

326. 2-я конференция архивных работников РСФСР, 11–15 янв. 1927 г. (краткий отчет) // Архив. дело. 1927. Вып. XI–XII. С. 3–82.

327. *Ковальчук Н. А.* Организация использования документальных материалов в государственных архивах СССР. М. : МГИАИ, 1958.

328. *Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969.

329. *Автократов В. Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М. : РГГУ, 2001.

330. Журнал «Архивное дело»: Систематический указатель к журналу, составленный проф. В. К. Лукомским / сост. В. Г. Бухерт. М. : РГГУ, 2023. 1 файл Pdf: 71 с. Текст: электронный. ISBN 978-5-7281-3238-7.

331. *Вердыши Д. И.* Архивному делу Молдовии – 60 лет // Совет. арх. 1985. № 6. С. 9–12.
332. *Гусакова З. Е.* Комплексное использование документов Облгосархива о культурном строительстве // Совет. арх. 1986. № 6. С.50–51.
333. *Чистяков О. Г.* Использование архивных документов в учебном процессе. ЦГА Карельская ССР // Совет. арх. 1986. № 6. С. 58.
334. *Кривенко М. В.* Использование документов ЦГАМО в учебно-воспитательных целях // Совет. арх. 1987. № 1. С. 83.
335. *Литягина О. В.* Госархив Оренбургской области // Совет. арх. 1986. № 5. С. 59.
336. *Ярошецкой В. П.* Организация использования документов личного происхождения в ЛГАЛИ // Совет. арх. 1986. № 1. С. 56–60.
337. *Рожин П. М.* Организация комплектования и использования фотодокументов в Госархиве Курской области // Совет. арх. 1986. № 6. С. 43–46.
338. *Стеганцева М. В.* Встречая юбилей // Совет. арх. 1987. № 2. С.27–32.
339. *Стеганцева М. В.* Выставка «Государственный архивный фонд СССР национальное достояние народа» // Совет. арх. 1986. № 2. С.47–52.
340. *Митюкова А. Г.* Архивы Украины в завершающем году одиннадцатой пятилетки // Совет. арх. 1985. № 5. С. 11–18.
341. *Зелова Н. С.* Материалы участников революции 1905–1907 гг. // Совет. арх. 1985. № 5. С. 95.
342. *Долгова С. Р.* Документы М. В. Ломоносова в ЦГАДА. К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова // Совет. арх. 1986. № 5. С. 64–68.
343. *Долгова С. Р.* ЦГАДА – к 800-летию «Слова о полку Игореве» // Совет. арх. 1985. № 6. С. 58–62.
344. *Пашаев А. А.* Использование документов государственных архивов Азербайджанской ССР и перспективы его развития // Совет. арх. 1986. № 3. С. 69–73.
345. *Карпунова Н. А., Колосова Э. В.* Межотраслевая тематическая выставка «Обеспечение сохранности документов ГАФ СССР» // Совет. арх. 1985. № 6. С. 40–42.
346. *Прокопчук В. В.* Кабинет по делопроизводству при Главархиве УССР // Совет. арх. 1987. № 5. С.75–78.
347. *Жуков И.* Агитмассовая работа ЦАУ СССР в 1935 г. // Архив. дело. 1923. № 34. С. 91–93.
348. *Жуков И.* Агитмассовую работу архивных органов – на высшую ступень! // Архив. дело. 1923. № 34. С. 49–54.
349. *Гордон М.* Архивный материал как орудие агитации и пропаганды // Архив. дело. 1923. № 43. С. 102–103.
350. *Куликова А.* Архивы в массы! // Архив. дело. 1931. № 20. С. 52 ; № 26/27. С. 64–66.
351. *Куликова А.* Радио и популяризация архивного дела // Архив. дело. 1923. № 18. С. 102–103.

352. *Рахлин А. М. Выставки архивных документов в Германии // Архив. дело. 1923. № 28/29. С. 95–97.*
353. *Шапиро А. Участие России во всемирных выставках XIX и начала XX вв. (Тематический обзор архивных материалов) // Архив. дело. 1938. № 49. С. 92–104.*
354. *Пивоварова Н. Д. Хранить и использовать // Совет. арх. 1987. № 6. С. 28–35.*
355. *Ударов О. В. В г. Оренбурге в Доме работников просвещения // Совет. арх. 1987. № 5. С. 45.*
356. *Головин А. А., Процай Л. А. Договора о творческом сотрудничестве // Совет. арх. 1986. № 2. С. 94–95.*
357. *Шахраманова Н. Выставка «20 лет архивного строительства в Азербайджанской ССР» // Архив. дело. 1940. № 56. С. 91–92.*
358. *Рубинштейн Ф. Юбилейные выставки ЦАУ Узбекской ССР в 1934–1935 гг. // Архив. дело. 1938. № 34. С. 86.*
359. *Селеванова Л. Е. О связях архивистов СССР и Великобритании // Совет. арх. 1986. № 1. С. 78–82.*
360. *Пейков П., Барутчийски С. Центральный государственный архив Народной Республики Болгарии (35 лет работы) // Совет. арх. 1986. № 6. С. 52–62.*
361. *Чижова О. Г., Бровкин Н. Ф. Выставки документов в Варшаве и Москве // Совет. арх. 1987. № 4. С. 107–110.*
362. *Белова Т. В., Черненков К. Г. Использование документов в ФРГ // Совет. арх. 1988. № 5. С. 99.*
363. *Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам : в 2 ч. Казань : Тип. Имп. Казан. ун-та, 1887–1891. Ч. 2.*
364. *Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904 : в 4 т. Казань : Тип. Имп. Казан. ун-та, 1902–1906.*
365. *Любавский М. К. Московский университет в 1812 году. М. : Унив. тип., 1913.*
366. *Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году : док. Архива М-ва нар. просвещения, собр. и изд. под ред. К. Военского. СПб. : М-во нар. просвещения, 1912.*
367. *Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М. : Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1934.*
368. *Сердюцкая О. В. Московский университет второй половины XVIII в. как государственное учреждение. Преподавательская служба. 2-е изд. М. : Спутник+, 2012.*
369. *Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Императорский Московский университет: 1755–1917 : энцикл. сл. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010.*
370. *Corpus academicum Cracoviense. Elektroniczna baza studentów i profesorów Uniwersytetu Krakowskiego w okresie staropolskim 1364–1780. Kraków :*

Uniwersytet Jagielloński. URL: <https://cac.historia.uj.edu.pl/> (data dostępu: 12.01.2023).

371. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1921–1927: да 10-й гадавіны Кастрыйчнікавай рэвалюцыі. Менск [Мінск : б. в.], 1927.

372. Первый выпуск Белорусского государственного университета, 20 февраля 1925 года: [доклады и выступления]. Витебск : БГУ, 1925.

373. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1945 / сост. С. А. Балашэнка [і інш.]. Мінск : БДУ, 2005.

374. Высшая школа Советской Белоруссии: (исторический очерк) / Н. Красовский. Минск : Гос. изд-во БССР, Ред. соц.-эконом. лит., 1963.

375. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 / сост. Ходзін С. М. [і інш.]. Мінск : БДУ, 2006.

376. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1945–1961 / сост. Ходзін С. М. [і інш.]. Мінск : БДУ, 2009.

377. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941). Минск : БГУ, 2017.

378. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961) / А. Д. Король [и др.] ; под общ. ред. А. Д. Короля, науч. ред. О. А. Яновский. Минск, 2019.

379. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961) / А. Д. Король [и др.] ; под общ. ред. А. Д. Короля, науч. ред. О. А. Яновский. Минск, 2020.

380. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–2001) / А. Д. Король [и др.] ; под общ. ред. А. Д. Короля, науч. ред. О. А. Яновский. Минск, 2021.

381. Пічэтаўскія чытанні – 2019: ўніверсітэцкая навука і гістарычна адукцыя ў Беларусі XX – пачатку XXI ст. Да 85-годдзя стварэння гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 23–24 кастр. 2019 г. Мінск : БДУ, 2019.

382. Пичетовские чтения – 2020: войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. А. Г. Кохановского ; науч. ред. М. Ф. Шумейко, О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2020.

383. Пічэтаўскія чытанні – 2021: 100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту Беларусі : матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск 27–28 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Д. Кароль (гал. рэд.) [і інш.] ; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2021.

384. Пічэтаўскія чытанні – 2022: ўніверсітэты і архівы як састаўныя элементы экалогіі культуры : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 30 верас. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі ; рэдкал.: А. Г. Каҳаноўскі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2022.

385. Пічэтаўскія чытанні – 2023: Інстытуцыянальныя змены ў гуманітарнай сферах як адлюстраванне палітычных і эканамічных працэсаў (да 80-годдзя аднаўлення работы БДУ на ст. Сходня і 145-годдзя з дня нараджэння

У. И. Пічэты) : матэрыялы міжнар. наук. канф., Мінск, 11 кастрыч. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.] ; наук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2023.

386. Документальное наследие академика В. И. Пичеты в белорусских и российских архивах : отчет о науч.-исслед. работе (заключ.) / науч. рук. М. Ф. Шумейко. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/96261> (дата обращения: 22.06.2022).

387. Документы НАФ РБ в Национальной библиотеке и музеях системы Министерства культуры и печати Республики Беларусь / сост.: О. А. Добычина, В. И. Пташникова. Минск : БелНИИДАД, 1995.

388. Ремишиевский К. И. «Врагу беспощадная лютая месть!»: кинолетопись и киножурнал «Савецкая Беларусь» огненных лет (июнь 1941 – ноябрь 1945 года). Минск : Белорус. наука, 2022.

389. Кинокамера пишет историю [Изоматериал]. М. : Искусство, 1971.

390. Бондарева Е. Л. В кадре и за кадром. Минск : БГУ, 1973.

391. Жўмаръ С. В. Белорусский государственный архив кинофонодокументов : справочник. Ч. 1 : Кинодокументы. Молодечно : Тип. «Победа», 2002.

392. Емельянов С. Г. Освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков (сентябрь 1943 – июль 1944 гг.). Минск : ЧИП и П., 2007.

393. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. 3-е изд., испр. и доп. М. : Воениздат, 1984.

394. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков) отрядов (батальонов) и их личном составе / Манаенков А. Л., Горелик Е. П., Марков А. Ф. и др. Минск : Беларусь, 1983.

395. Приборович А. А. Перепись городского населения БССР 1923 г.: организация и итоги // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. Ч. 2. С. 170–176.

396. Приборович А. А. Перепись городского населения БССР 1923 года: поиск, состояние и состав архивных документов // Архив в социуме – социум в архиве. 2021. С. 218–221.

397. Приборович А. А. Архивные материалы переписи городского населения БССР 1923 г. // Актуальные проблемы источниковедения. 2021. С. 289–291.

398. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.]. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998.

399. Плавская Е. В. Публицистика как вид исторических источников: проблема определения // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкоznание. Культурология. 2008. № 4. С. 88–90.

400. Приказ ВАК Республики Беларусь от 7 июня 2007 г. № 108. URL: <https://vak.gov.by/node/1575> (дата обращения: 20.02.2024).

401. *Huddleston S.* Peace-making at Paris. London : T. Fisher Unwin, 1919.
402. *Dillon E. J.* The Inside Story of The Peace Conference. New York ; London : Harper & Brothers Publishers, 1920.
403. *Pobóg-Malinowski Wł.* Najnowsza historia polityczna Polski. Londyn : [s. n.]. T. 2. 1985.
404. *Piszczkowski T.* Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich. Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975.
405. *Żochowski St.* Brytyjska polityka wobec Polski, 1916–1948. Lublin : Wyd-wo Retro, 1994.
406. *Lowe C. J.* The mirage of power: in 3 vol. London : Routlege. Vol. 2. 2002.
407. *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939). М. : Изд-во Ин-та международ. отношений, 1962.
408. *Czubiński A.* Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918–1921. Opole : Inst. Śląski w Opolu, 1993.
409. *Wasilewski A.* Granica lorda Curzona, polska granica wschodnia od Wersalu do Shengen (traktaty, umowy, przejścia graniczne, podrózni, wizy). Toruń : Wyd-wo Adam Marszałek, 2003.
410. *Montefiore D. B.* Dr. E. J. Dillon on the Peace Conference // The Call. 1919. 30 Dec. P. 4.
411. *Seymour Ch.* The Inside Story of the Peace Conference. By Dr. Dillon E. J. // The American Historical Review. 1920. Vol. 26. Iss. 1. P. 101–102.
412. *What really happened at Paris. The story of the peace conference, 1918–1919 by american delegates.* New York : Charles Scribner's sons, 1921.
413. *Swanwick H. M.* Builders of peace, being ten years' history of the Union of Democratic Control. London : The Swarthmore press ltd., 1924.
414. *Kenworthy J. M.* Peace or war? New York : Boni & Liveright, 1927.
415. *Buxton Ch. R.* The world after the war. London : G. Allen & Unwin Ltd, 1920.
416. *Дубровко Е. Н.* Британский парламент и решение вопроса о международном признании восточных границ Польши в 1923 г. // Гістарычныя шляхі беларускага народа і суседзяў: узаемадзеянне і узаемаўплывы : зб. науак. арт. / рэдкал.: Р. Р. Лазько [і інш.]. Гомель, 2016. Вып. 2. С. 149–158.
417. *Sarolea Ch.* Letters on Polish affairs. Edinburgh : Oliver and Boyd, 1922.
418. *Willert A.* Aspects of British foreign policy. New Haven : Yale University Press, 1928.
419. *Дубровко Е. Н.* Европейская политика Великобритании первой половины 1920-х годов в английской историографии межвоенных лет и эпохи Второй мировой войны // История международных отношений: историографические достижения и перспективы изучения: к 110-летию со дня рождения А. А. Громыко и 80-летию начала Второй мировой войны : сб. науч. ст. / редкол. : Н. Н. Мезга [и др.]. Гомель, 2019. С. 19–28.
420. *Donald R.* The polish corridor and the consequences. London : Thornton Butterworth, 1929.

421. *Machray R.* The Poland of Pilsudski. Incorporating «Poland, 1914–1931» much condensed, and carrying on the history of Poland till mid-July 1936. London : George Allen & Unwin LTD, 1936.

422. *Seton-Watson R. W.* Britain and the dictators. A survey of post-war British policy. Cambridge : The University Press, 1939.

423. *Арнот П.* Внешняя политика английского империализма. М. : ОГИЗ, 1938.

424. The Europe of tomorrow. Friends of Europe publications. №. 74. Poland: British and German foreign policy: speeches by Adolf Hitler and Lord Halifax. London : [n. i.], 1939.

425. *Wheeler-Bennett J. W.* The treaty of Brest-Litovsk and Germany's eastern policy // Oxford pamphlets on world affairs. 1940. № 14. P. 3–39.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	6
1.1. Актуальные проблемы источниковедения как науки и учебной дисциплины	6
1.2. Источниковедение и специальные исторические дисциплины в Беларуси: научная и дидактическая сферы	12
1.3. Электронные исторические источники: определение, классификация и физическая сущность	25
1.4. Место и роль источниковедения в системе формирования исторического мышления у обучающихся в Белорусском государственном университете	31
Глава 2. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ПРОЦЕССОВ	42
2.1. Методологические проблемы источниковедения историографии	42
2.2. Историография периода оттепели в Белорусской ССР (1953–1968)	45
2.3. Исследования по истории советско-польских отношений в СССР в межвоенные годы как историографический источник: проблема умолчания	53
2.4. Основные направления западнобелорусской проблематики в польской историографии (конец 1980-х – 2000-е гг.)	58
2.5. Профессор Александр Гейштор и исследование идеи власти Ягеллонов в Великом княжестве Литовском	62
Глава 3. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ПРОЧТЕНИИ	67
3.1. Выписи судов Великого княжества Литовского на пергамене (на примере выписей земского суда Витебского повета 1589 г.)	67
3.2. Губернаторская отчетность как источник по истории формирования государственных денежных доходов на территории белорусских губерний Российской империи в первой половине XIX в.	73
3.3. Периодическая печать как источник по истории развития народного образования и учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	82
3.4. Ухвала минского магистрата по вопросу расселения евреев в городе в актовой книге за 1663–1680 гг.	87

3.5. Берестяные грамоты как источник по проблеме функционирования налогово-даннической системы в Древней Руси	94
3.6. Периодическая печать как источник по истории белорусов Латвии в 1918–1940 гг.	102
Глава 4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	
4.1. Провениенция документов в археографических изданиях Матея Догеля и ордена пиаров литовской провинции 1758–1764 гг. как источник по истории и реконструкции архива великих князей литовских	109
4.2. Взгляды В. И. Пичеты на развитие истории отечественной археологии	123
4.3. Опыт Национального архива Республики Беларусь по подготовке электронных изданий	130
4.4. Организация выставок архивных документов в СССР: историографический аспект	134
4.5. Документы по истории Белорусского государственного университета в отечественных музеях и библиотеках: разработка базы данных вторичной информации	141
4.6. Использование кинодокументов из фондов Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов периода Великой Отечественной войны как исторического источника	149
4.7. Состав и сохранность переписи городского населения БССР 1923 г.	158
4.8. Публицистика Великобритании как исторический источник и элемент историографии ее политики в Центрально-Восточной Европе в межвоенное время	166
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ	
	173

*На обложке использован фрагмент
выписи земского суда Витебского повета от 30 мая 1589 г.
о покупке А. В. Воропаев имений Лучоса у братьев Юшковских*

Научное издание

**Ходин Сергей Николаевич
Шумейко Михаил Федорович
Юмашева Юлия Юрьевна и др.**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ**

Редактор *Е. В. Демидова*
Художник обложки *К. А. Фёдорова*
Технический редактор *В. П. Явуз*
Компьютерная верстка *И. В. Махнача*
Корректор *Н. А. Ракутъ*

Подписано в печать 22.09.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 12,61.
Тираж 75 экз. Заказ 218.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/41 от 29.01.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, Минск.